

УДК 821.512.122 - 161.1
ББК 84 (5 Каз - Рус) 7-44
А 50

Выпущено по программе «Издание социально-важных видов литературы» Комитета информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан

Алимжанов А.

А 50 Собрание сочинений в пяти томах. – Алматы: Издательский дом «Жибек жолы», 2013.
Т. 4. Роман, статьи, очерки. – 2013. – 352 с., ил.

ISBN 978-601-294-136-4

В четвертый том пятитомного собрания сочинений видного государственного и общественного деятеля, широко известного писателя Ануара Алимжанова вошли роман «Возвращение учителя», статьи, очерки.

А.Т. Алимжанов (1930–1993) является лауреатом Государственной премии Казахстана, международной премии им. Дж. Неру, Народный писатель Республики Казахстан.

УДК 821.512.122 - 161.1
ББК 84 (5 Каз - Рус) 7-44

ISBN 978-601-294-136-4 – (Т. 4)
ISBN 978-601-294-132-6

© Алимжанов А., 2013
© «Жибек жолы» ИД, 2013

ВОЗВРАЩЕНИЕ УЧИТЕЛЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Художественное изображение истории более научно и более верно, чем точное историческое описание. Поэтическое искусство проникает в самую суть дела, в то время как точный отчет дает только перечень подробностей.

Аристотель

Сад всегда был безлюден. Днем здесь умолкали даже птицы. И только утром да в вечернюю прохладу, когда с дальних гор на зеленую равнину Гхутаха наплывал прохладный ветерок, они снова начинали свой веселый, беззаботный говор. Но самым упоительным мгновеньем для садовника, неделю назад пришедшего сюда издалека, были ранние утренние часы перед восходом, когда нежные горлинки заводили свой таинственный разговор о любви. В такие минуты садовник раскрывал глаза, с наслаждением омывался холодной водой из ручья и, прежде чем сесть за работу, брал в руки кипчаги. Перебирал струны, вслушиваясь в говор горлинок и, вдыхая утреннюю свежесть, погружался в раздумье...

Пение птиц часто возвращало его мысли к давней мечте – написать книгу о музыке. Вслушиваясь в тона и тембры птичьих голосов, он старался дать четкое определение каждому звуку, записывал свои мысли о музыке, занимался разработкой ее истории и теории. Но, чтобы связать обрывки мыслей

в стройную книгу, нужно было много времени, нужно было изучить многие труды древних греков и индусов, где есть крупицы основ науки о музыке и музыкальных инструментах.

Еще в юности, в мирном тогда Отрапе, часто проводя время в его богатых книгохранилищах, он мечтал стать музыкантом. И он стал им. Его игрой восхищались и рабы, и владыки. Он создал свой музыкальный инструмент и назвал его кипчаги. Юношам Отрапа нравился гортанный говор двуструнного инструмента, который в руках музыканта-виртуоза мог воссоздать песни кипчакских степей и топот копыт диких коней. Дружинники отца тоже любили его музыку и уважали его как меткого стрелка, храброго воина...

Он никогда не расставался со своим кипчаги. Струны хранили тревожные голоса далекой родины, невольно рождали воспоминания о минувшем, о юности, о песнях степных красавиц у костра и о безумном танце воинов родного племени в летние лунные ночи. Он боялся, что, если закончит работу над китабом о музыке, может оборваться вечно томящее и вечно сладостное чувство, пробуждающее в нем память о родине. И потому каждый раз откладывал работу над этой книгой.

Слушая голоса горлинок, садовник вспоминал, что видел и слушал таких же птиц в детстве и юности в родном Отрапе, видел их в садах Дженда и Сыгнака, в рощах Тараза...

Воспоминания о родине часто рождали в нем грусть и тоску. Последние годы они как тень сопровождали его повсюду. Не проходило дня без воспоминаний о родине. Конечно, это было естественным для человека, проведшего долгие годы своей жизни в скитаниях по чужим краям. А скитался он в поисках знаний.

Пройдены тысячи и тысячи верст, исхожены многие тропы и обойдены все города, лежавшие на великом шелковом пути от Джендского¹ до Аравийского моря. Перечитано множество

---

¹ Аральское море.

книг и рукописей мудрых философов, историков, географов-путешественников, поэтов и ученых – арабских, персидских, индийских, греческих...

Изучение языков было для него увлекательным занятием еще с детства. Удивляя отца, он ловко изъяснялся не только с арабскими и персидскими купцами, но и с невесть как оказавшимися в Отрапре виноделами-греками.

А теперь щедрая память выхватывала из калейдоскопа минувших событий одно видение за другим, связывала их тонкой, но неразрывной нитью. Он старался скорее отогнать от себя назойливые грустные воспоминания. Торопливо принимался за свои труды или вновь брался за чтение бесед и диалогов Сократа, описанных Платоном.

И, как бы рано ни вставал он, времени для размышлений и работы над рукописью всегда не хватало. Несколько часов пробегали как один миг, когда он увлеченно решал математические задачи и облекал свои решения в теоретическую формулу или же, внимательно следя за ходом мыслей Аристотеля в его «Поэтике» или «Метафизике», невольно начинал переводить их с древнегреческого на арабский.

Он прятал свои рукописи и котомку лишь тогда, когда дневная жара начинала полновластно хозяйничать по всей зеленой равнине, когда умолкали голоса птиц, скрывавшиеся в тени листвьев, начиналась трудовая пора для пчел. В это время хозяин хижины – сторож и мираб – возвращался к себе после полива плантаций роз и виноградника. Сторож приносил с собой ветку розы и полную плетенку сочных слив.

Поприветствовав мираба и вместе с ним отведав чая, садовник уходил в сад, чтобы не мешать его отдыху. Шел к кустам роз. С этого момента он становился единственным владельцем сада.

Это был молодой сад, и нужно было внимательно следить за каждым ростком, особенно за кустами роз. Ведь такие розы

не росли даже в садах саманидов¹. Со временем они станут похожи на те деревья с огромными красными цветами, что растут на юге Индии или здесь, в Сирии. Каждый стебелек розы превратится в толстый крепкий ствол, который породит бесчисленное множество бутонов.

Розовое масло, добываемое из цветов, давно славится на рынках Востока. Могучие кусты с огромными цветами дадут прохладу и тень, наполнят воздух ароматом. Но сейчас они были не столь велики.

Как всегда, он решил до полуденного зноя осмотреть все розовые кусты. Нет ли больной ветки, не завелись ли вредные насекомые, не пора ли звать рабов и слуг владельца сада для сбора цветов.

Порой осторожно, чтобы не поранить пальцы о шипы, он раскрывал тот или иной куст, наслаждался свежим запахом.

Здесь, как и во всех долинах реки Барада, было множество сортов роз. И каждый из них имел только свой, особый аромат, хотя кусты были посажены в одно и то же время, на одной и той же почве. Это наталкивало садовника на мысль об изначальности видов растений, о тайнах семян, о структуре их ткани. Но то были мысли, еще не приведенные в систему, нужно было долгое наблюдение, нужны были опыты, чтобы сказать что-либо о природе растений. Наблюдения пригодятся для будущих трудов. А пока краткое время обеда он целиком посвящал работе над трактатом «О разделении наук по категориям». Он пытался дать четкое разграничение всех известных ему наук. Лишь когда солнце, удаляясь от зенита, устремлялось к западу, садовник направлялся к виноградникам. Срезая усохшие лозы, погруженный в свои мысли, он медленно шел по тенистой стороне густозеленой стены виноградника, когда у дальних ворот спешились два запыленных всадника. Один из них остался стеречь коней, другой направился в глубину сада.

---

¹ Династия правителей в Средней Азии (X–XI вв.).

На нем была длинная темная аба¹, на голове светлая чалма, завязанная точь-в-точь, как это умеют делать молодые воины Дамаска. Лицо ниже глаз было прикрыто нежной белой тканью.

Заметив садовника, человек на мгновенье остановился, словно раздумывая о чем-то, внимательно, то ли с тревогой, то ли с волнением глядываясь в странную, чуть склонившуюся фигуру, а затем решительно зашагал к нему.

Неожиданное появление незнакомца не отвлекло внимания садовника. Он спокойно продолжал свою работу. Между рядами виноградников росли сливовые деревья. В тени одного из них он аккуратно складывал урезанные ветки. Там же лежала плотная вязанка хвороста – плоды его вчерашней работы.

Обычно через день садовник относил этот хворост на дровянной базар, который находился в небольшом селении близ городских стен, и отдавал за медные дирхемы, которых хватало на покупку соли и лепешек. Но в прошлый раз мираб, в чьей глинобитной хижине он нашел покой и время для трудов, забрал весь хворост и сам пошел продавать.

– Это дело простое, наше, – сказал он садовнику. – Раз уж вы оказали мне честь и делите все поровну, то и труд должен быть равным.

Вернулся мираб ночью. Он ходил в Дамаск, на большой рынок. Достал сверток плотной бумаги. Принес письмо от халдейца, что живет в большом каменном доме за квартал от малых ворот города. Халдеец-книголюб сообщал, что прибыл караван из Баальбека и что знакомый купец доставил ему ценный сверток – две старые книги греков. Он спрашивал: не заинтересуют ли эти книги наделенного глубокими знаниями, почитаемого всеми учеными мужами Багдада, Дамаска, Аммана и Иерусалима высокочтимого Абу Насра?

---

¹ Накидка типа плаща, сотканная из белой верблюжьей шерсти, расшитая серебром или золотом.

Как и через кого халдеец узнал, что Абу Наср находится здесь, оставалось загадкой. Ведь еще месяц назад он ушел из города. Ушел, не сказав об этом никому. Он скрывался от соглядатаев халифа и наместника. Но главное – он не хотел, чтобы злая молва нанесла вред его любимой. Кто мог здесь знать о его бегстве от халифа, о его путешествии в Бухару и обратно в Дамаск? У него почти не осталось друзей. Последние месяцы он чувствовал себя среди людей как в пустыне.

А когда-то при дворе халифа у него было много друзей. Они находились рядом, покуда он слагал панегирики халифу Багдада, султану Дамаска и, почитая Аллаха, поучал других, призывая их к покорности исламу.

Но все это было в прошлом – и халиф, и эмиры. Царство знаний увлекло его. Все вокруг опустело, когда он дерзнул усомниться в назиданиях пророка...

Но что же тогда держит его здесь, в Дамаске? Он боялся сознаться самому себе...

Мираб, передавший записку, сказал, что его поймали на базаре и силой повели в дом старого халдейца. Не спрашивая ни о чем, передали письмо.

Послание халдейца насторожило Абу Насра. И в то же время он не мог заглушить в себе желания полистать старые книги, о которых тот писал. И вот уже четвертый день он подумывает – а не пойти ли в город? Все равно ведь нигде не скроешься от глаз соглядатаев. И желание хотя бы раз еще повидать свою любовь было так велико!..

Быть может, старый халдеец узнал о его местопребывании от владельца сада? Но откуда тому было знать, что его садовник – тот самый скиталец из Оттара, который выступал перед учеными как мудрец из Фараба? Нет, владелец сада далек от мира знаний. Он раб своих богатств и вожделений. А что касается мираба, то он не знает даже его настоящего имени, он ни разу не проявлял интереса к его прошлому, к его делам. Мираб немногословен и всегда занят одной лишь мыслью – вовремя

напоить влагой каждый кустик, каждое деревце, каждый цветок молодого сада. И посторонних здесь почти не бывает. Деревья еще не высоки, тени дают мало. Так что он, этот сад, еще не привлекал внимания ни своего хозяина, ни скупщиков плодов и цветов. Владелец сада не возводил здесь пока никаких строений. В летнюю жару он выезжал в другой сад, старый, тенистый, раскинувшийся верстах в двадцати отсюда, на берегу основного русла реки Барады в предгорьях Хемвона. Там свежее и прохладнее воздух, там его летний дворец, бассейны, дома его слуг и свиты. Сюда же он почти не посыпал ни своих придворных чиновников, ни слуг.

Но приближалось время первого большого сбора урожая. Через денька три должны явиться рабы, чтобы собирать плоды... Об этом сообщил мираб. Не послан ли этот человек самим хозяином или главным хранителем его садов, пшеничных полей, хлопковых плантаций и финиковых рощ, подумал Абу Наср, заметив незнакомца.

Как бы там ни было, а незнакомец был первым человеком, заглянувшим сюда после того, как он получил письмо от старого халдейца.

Догадка беспокоила садовника. С приходом сборщиков плодов и надсмотрщиков у него не будет времени и возможности для уединения, для спокойных размышлений, для работы над трактатами о распределении наук по категориям, над которыми Абу Наср, хотя и с перерывами, трудится не первый год.

Он задумал написать книгу из пяти разделов. Собственно, работа близка к завершению. Но нужно спокойно обдумать каждое из определений, добиться ясности изложения, точности доказательств, еще и еще раз проверить свои доводы и выводы о логике, подробнее и шире написать третий раздел о математических науках, о звездах, раздел науки о тяжестях...

Срезая сухие, отмершие ветви и освобождая свежие зеленые стволы от лишнего груза, садовник снова и снова воз-

вращался мысленно к своим записям, находил в них строки и слова, отяжеляющие восприятие или затуманивающие смысл. Надо поскорее убрать их, убрать осторожно, чтобы мысль могла развиваться легко и свободно, так же, как эти ростки, очищенные от омертвевших веток. Котомка с записями была рядом с кипчаги, который всегда нужно держать в тени, чтобы он не рассыпался. В котомке есть и тростниковый калам, и со- суд с чернилами.

Абу Наср отбросил срезанную ветку на кучу хвороста, собрал и сложил, прикрыв листьями котомку, и, выпрямившись, взглянул в сторону незнакомца.

Лицо пришельца прикрыто белой тканью. Так обычно поступают путники, воины или караванщики в этих знайных краях. Светятся лишь глаза. Легкая поступь. Не мужская, однако... На плечах накидка из дорогой багдадской ткани. В руках узелок и кувшин. Чем ближе, тем быстрее шаги. Вот пришелец легко скользнул через арык...

Нет, ошибки быть не могло! Глаза! Это ее глаза! Ее походку он узнает среди тысячи других!..

Она сорвала покрывало с лица.

– Я нашла тебя!

Да, это был ее голос.

Это она! Да, она, Бану! Он готов был сорваться, бежать навстречу, как юноша. Но остался на месте. По его лицу невозможно было заметить, рад он или огорчился этой неожиданной встрече. Остался таким же, каким был всегда. И хотя взгляд ее был полон счастья, восторга, радости, хотя ее желание броситься в объятия любимого было неудержимо, он не шелохнулся.

Словно предупреждая ее и опережая, он еле заметно поклонился, сдержанно поприветствовал и с невозмутимостью пригласил в тень. А сам, расстегнув пояс и отбросив нож, стал мыть руки в арычной воде.

– Что потревожило тебя, с чем ты пришла, ханум? Все ли спокойно в городе? – Голос его прозвучал глухо, неестественно.

– Любовь оказалась сильнее меня, я вновь нашла тебя...

Она вглядывалась в его сухощавое лицо. Плотно сжатые губы. Короткие черные усы. Густая бородка.

Нет, он не изменился внешне. Все тот же длинный чекмень, те же сапоги из мягкой телячьей кожи, твердые, чуть изогнутые в носках. На голове – белая чалма, сложенная вдвое. Когда он выпрямился, она заметила еле уловимую сутулость, а быть может, раньше не обращала внимания? Наверное, от долгой работы над бумагами, от усталости.

Он вытер руки, подобрал пояс, все тот же старый пояс с маленьkim чехлом для походного ножа. Чистая белая рубаха, свободно сидящая на нем, и шаровары из плотной ткани...

От внимательного женского взгляда не ускользнуло и то, что на его усах и бороде начали прибавляться седины, что руки его стали более шершавы и жилистые. Ей вдруг захотелось прижаться к его щетинистой щеке, притронуться губами к его жилистым рукам.

– Прошлое – источник для воспоминаний. И если он чист, то всегда дает силу воображению, помогает сохранять красоту чувств, – сказал он, расстилая для нее свой маленький коврик.

– Но разве наша любовь не была таким источником? – В ее голосе он почувствовал нотку отчаяния. – Откуда у тебя этот холод? Разве мать не наделяла тебя лаской, а отец не внушал доброты?.. О, сколько лунных ночей прошло с тех пор, как мы не виделись с тобой...

– Кого не воспитал отец, того воспитает время... – загадочно ответил он.

Она взглянула внимательно, словно намереваясь спросить о чем-то. Но передумала. Развязала узелок, поставила перед ним белые мягкие лепешки, сущеные финики и кувшин вина.

– Можешь поверить мне. Все это я сама приготовила, а не рабыни. Отведай из моих рук.

– Не пристало дочери главного визиря наместника, вдове знатного вельможи потеть у очага, уподобляясь служанке, и подвергать себя риску быть осмеянной.

– Но я внучка кочевника-тюрга, иначе ты не называл бы меня Бану, ведь у арабов нет таких имен. Моя мать из того же края, что и ты. И я хочу быть похожей на вольных женщин степей. Я хочу сама готовить для тебя. Хочу служить тебе одному. Ты же сам говорил, что нет чувства выше любви, нет тайн священнее таинств любви, мой Абу.

– Ты права, но в любви порой таится безумство, а безумство – враг разума. А что касается твоего имени, то Бану – это прекрасное слово у персов. Ты знаешь, что Бану – это моя госпожа.

– Но без любви для человека нет зерна наслаждений, радости и страданий. Она начало всех начал. Она плоть жизни. Не так ли говорил ты сам. Я люблю тебя и готова на все муки адово имя ее. Даже сам великий пророк не противился ей, когда его полюбила Хадиджа – дочь песчаных долин Аравии.

– Начало жизни – разум, моя прекрасная Бану. И любовь должна быть подвластна ему. Океан знаний велик, и его может одолеть лишь тот, кто сумеет обуздять безумство страсти, подчинить волю разуму и умножить свои знания, черпая силу у великих. Знание – вот высшее блаженство для души и сердца, оно осветит твою дорогу и дорогу других в океане жизни. Только знание и разум верны человеку. А любовь может предать его. Знание невозможно отнять, заковать в цепи, наказать и уничтожить.

Разве ты не знаешь об этом? Любовь могут осмеять, где бы она ни родилась – в степи или в горах. Ее могут оплевывать в наслаждение тем, кто сам великий грешник. Даже честные умы могут смеяться над ней – кто из-за естественной обыденности своей, кто из презрения, а кто просто из-за того, что и он

может сказать свое суждение о том, кого судят. Даже славный муж становится плачом, когда видит рану соперника. Так бывает в волчьей стае: увидев рану соплеменника, они загрызут его. Ты знаешь об этом.

Любовь можно заковать в цепи, ее можно предать. А знание всегда верный спутник твоего разума, оно не изменчиво, лишь новые познания еще более утверждают или отвергают его. Обогащаясь, оно само возвышает тебя, оно всегда с тобой, пока ты жив, – он говорил тихо, пытаясь заглушить свою боль. Он не столько наставлял ее, сколько убеждал себя. Он понимал, что нет для него иного выхода, потому что он любит ее, любит на всю жизнь. Любит еще с той поры, когда был молод, когда она впервые приехала в Багдад, потом он встречался с ней в Дамаске.

Но после была Бухара, были саманиды.

И вот он вновь вернулся в Дамаск. Привела любовь. Но холодный разум подсказывал: если покориться любви, в нем погаснет другая страсть – к поискам и познанию. Ибо огонь любви может оказаться сильнее. Нет, безвестность и смерть не страшны для него. Страшно другое – не довести до конца свои труды, не успеть досказать слова совета. Но кому они нужны, его советы, его знания? Не слишком ли дорога жертва, причем жертва вдвойне. Ведь она права, его Бану. Она пойдет за ним всюду, отказавшись от сладостей жизни, дарованных ей богатством и красотой...

Как она прекрасна, его Бану! О, создатель, дай силы... Где же грани между человеческими желаниями и долгом перед разумом?!

Он принял из ее рук сосуд с вином, но, лишь пригубив, поставил на скатерть.

Абу Наср немало лет прожил на свете, но был еще полон сил. Он мог бы вернуться в Багдад вместе с Бану и попросить защиты у самого халифа, мог вновь стать его придворным ученым. Но тогда он станет покорным рабом своих желаний...

Где же истина? В чем она?

Он вспомнил слова Калликла, сказанные Сократу.

«Ты уверен, Сократ, – говорил Калликл, – что ищешь истину, – так вот истина: роскошь, своеволие, свобода – в них добродетель и счастье... Разумеется, если обстоятельства благоприятствуют. А все прочее, все ваши звонкие слова и противные природе условности, – вздор ничтожный и никчемный...»

Да, Калликл, кажется, был прав. Разве ему, Абу Насру, обстоятельства не благоприятствовали? Он пользовался благосклонностью самого халифа багдадского аль-Муктадира¹, который и сейчас не отказался бы от попечительства и наверняка будет рад его появлению в своем дворце. Он может увезти свою Бану в Багдад или уйти с нею в родные края, может найти спокойное пристанище. Ради нее он может заставить себя забыть о своих трактатах. Она достойна того.

Он мог бы стать музыкантом или писать хвалебные оды для владык и жить в роскоши, наслаждаясь любовью, ожидая караваны, умом и знаниями покоряя великих визирей и ничтожных мужей, схоластов и эпигонов ислама. Она могла бы стать его помощницей, учеником, другом? И тогда, о создатель, какое это было бы благо!..

Бану понимала его без слов. Лицо Абу Насра стало со средоточенным, бледным. Она знала, что он, как всегда, борется с самим собой, со своими мыслями.

«Но что же, что же ответил Сократ Калликлу, тогда, в тот раз?» – мучительно думал Абу Наср. Он вспомнил слова Сократа.

– Ты сказал, что вечно только знание, – заговорила Бану.
– Но ведь и оно умирает вместе с теми, кто обладает им. Мудрые говорят, что любовь тоже вечна, потому что она – залог

---

¹ Аббасид. Годы правления – 908–932.

продолжения жизни и потомства. Страсть не чужда человеку, без страсти и желания не обретешь и знаний...

– Ты, как всегда, неотступна, Бану, – перебил ее Абу Наср, – В словах твоих властвует жажда познания, и начало тому – тот же жаждущий знаний разум. Ты могла бы стать достойным учеником, хорошим философом. Но мы говорим о разных вещах. Хотя и кажется нам, что мы ведем речь об одном и том же. Мы говорим на разных языках. Ты говоришь о чувствах любви, страсти и желаниях, вложенных в нас высшим создателем, как и в каждое живое творение. Я же веду речь о бесконечности и вечности любви к прекрасному, а прекрасное – это бесконечность открытий, обогащающих разум и знание. Знание бессмертно, ибо благодаря ему человек стал человеком. Оно обогащает ум не только первооткрывателей. Его таинства противоположны таинствам любви, о которой говоришь ты, моя прекрасная Бану.

– Ты назвал меня «своей», «прекрасной»?! О благодарение всемогущему Аллаху! Нет мудрых, которые бы не познали сладость любви. Пусть моя любовь будет такой, какой ты ее видишь. Не отталкивай ее. Ведь мы вместе познали ее. Да, любовь бывает разная. Но у меня она одна, единственная. Я не боюсь никаких мучений ради нее...

– Остановись, моя Бану! Ты слаба. Ты еще не знаешь, как искусен человек на пытки, как он жесток... – перебил он ее, но она продолжала:

– Ты не знаешь, на что способна женщина во имя любви, мой мудрый Абу.

– Но я знаю, как разнолика, порой коварна, порой мудра, порой дерзка и жестока любовь. Мудрый Шива знал высшее мерило любви – любви эротической, духовной, любви физической, платонической, любви нравственной, где гармонию составляют единство интересов и интеллекта, привычек, взаимной доверительной дружбы, рождающей искреннюю привязанность человека к человеку... Я не знаю всех ее мерил.

Быть может, Гарун аль-Рашид постиг все тайны любви, или же халиф Муттавакиль, имевший четыре тысячи наложниц... Но, вернее всего, эти тайны знал царь Соломон, – Абу Наср усмехнулся.

– О, желанный мой, мудрец и тиран! Не надо смеяться надо мной. Будь моим покровителем и скажи: какой любви хотел бы ты? – не выдержала она.

– Океан знаний огромен, властвовать над ним может только тот, кто смирит свою естественную страсть. Поиски знаний – страдание. Оно властвует над человеком порою сильнее, чем любовь. Ибо любовь тоже страдание. Но страдания любви могут одолеть человека и затуманить разум. Я боюсь ее, моя несравненная Бану, – он глядел вдаль, мимо нее, мимо зеленых деревьев. Взгляд его был затуманен. Мысли блуждали где-то далеко-далеко. Он еще не притронулся к сосуду с вином. Он не мог смотреть на нее прямо...

Она знала: он боялся самого себя, боялся своих чувств. Он любил ее. Любил так сильно, что не хотел сознаваться в этом, и от этого ей стало больнее, чем прежде.

– У любви немало добрых богов, мой Абу, – тихо заговорила Бану. – Моя любовь – желание защищать тебя. Стать твоей тенью неотлучной, когда трудно и горько; поддержать, когда ты слаб. Любовь – это мягкость, заглушающая грубость, любовь – это нежность, смягчающая дикость. Она рождает желание жить. Не прав твой Шива, любовь – это жажда дать полную свободу тому, кого любишь; это невольная, бессловесная податливость, заглушающая свой эгоизм, когда меньше всего хочется заставить любить себя...

Он молча и залпом выпил вино.

139161

– И все же ты жесток, мой учитель, – продолжала она. – Ты палач своих желаний. Ты одинок. И у тебя немало врагов, сильных и коварных. Мне страшно за тебя. Я хочу быть другом, рабыней твоей. И пусть это рабство просветлит мой путь – путь женщины! Я все сказала, мой повелитель.

Его лицо стало сосредоточенным, он быстро взглянул на Бану, и в остром взгляде его таились гнев и растерянность. Он выпил еще.

— Ты права, женщина. Много добрых богов и богинь у любви, но и злых немало. И древнейшая из них — Кама. Кама — это страсть, как говорят индусы. Больная страсть. И она сейчас властвует над тобой. Но это лишь миг желаний, не подвластный ни минувшему, ни будущему. Потому слова твои не отягощены разумом. Индийцы создали Камасутру и думали, что познали все тайны любви. Ведь мудрость заключена в познании непознаваемого. Но я еще раз спрашиваю тебя: кто познал любовь до конца? Навуходоносор? Соломон или сластолюбивые халифы? Гарун аль-Рашид или казненные им Бармекиды?!

Кто?! В ней лишь одно начало — плоть. А лик ее настолько прекрасен, насколько и изменчив... Ты помнишь, Бану, наши слова в ту далекую ночь? Когда я прибыл в Дамаск из Багдада и выступал на меджлисе поэтов и ученых. Ты помнишь нашу первую ночь в степях Месопотамии во время охоты? Я читал тебе свои стихи о звездах и вселенной. Ты помнишь мои слова? Они были безумны, но то была правда. Истина на одно мгновение, рожденная страстью. Но вспомни и свои чувства после, когда мы таились в ночном саду, в глухом углу дворца за семью дверями под охраной твоих рабынь и евнухов, когда чужая тень скользнула меж деревьев, когда над нами нависла смерть... То был страх газели, учувшшей шаги охотника. Ты боялась раскрытия нашей тайны. В глазах твоих поселился ужас... Тогда я увидел пропасть между нами. Я понял: скиталец-тюрок не может жениться на столь знатной особе Дамаска. Ты знаешь об этом... Куда бы мы ни пошли, за нами по пятам пойдут гонцы-палачи. Даже во дворце халифа будет так. Но понял поздно. Иначе моя дорога из Бухары и Басры была бы другой. Я был оглушен жестокостью саманидов и вернулся назад. А твой образ увлек меня в Дамаск.

Ты говоришь, что любовь дает свободу, но дает ли она нам равенство? Желая дать свободу, она может сковать цепью; желая защитить, она может бросить в огонь ада, она может опьянить разум; ее сладкое рабство может оказаться горькой жалостью утонченного сластолюбца.

Жалость убивает человека. Мое одиночество – мой удел. Оно не терпит ни жалости, ни похвал. Одиночества не жаждут, его не ищут. Его обретают. Кто неосознанными поступками своими, кто от ума своего. Мое одиночество – мой выбор! Мой членок слаб и шаток в этом царстве лжи и коварства, в царстве зла. Но он свободен! – Абу Наср встал, зашагал к виноградным гроздьям, подошел к молодому деревцу сливы, сорвал несколько спелых плодов, вернулся и бросил на скатерть.

– Ты подобен тому греку, о котором говорил, что он сочиняет поучительные сказки. – Большие черные глаза Бану были полны слез. Откинув волосы и поправляя скатерть, она старалась успокоить себя.

– Ты говоришь об Эзопе? Эзоп, конечно, не Сократ и не мог стать им, как я не могу стать твоим защитником... – вдруг не к месту рассмеялся Абу Наср.

– Да любил ли ты когда-нибудь? Помнишь ли ты имя той, которая впервые очаровала тебя? – Голос Бану стал резок и требователен.

Абу Наср умолк. Он внимательно взглянул на нее. Их взгляды встретились. И странное дело, он не смог выдержать этого взгляда. Отвел глаза. Он почувствовал в ней огромную силу. Понял, что все сказанное ею – исповедь. Да, она любила сго. Любила еще сильнее, чем прежде. И сейчас, в этот миг, находилась во власти своих чувств и потому так смело, без тени обычно присущего ей смущения спорила с ним. В этом споре она была искренна. И если речь Бану была спокойной и сдержанной, то только потому, что она старалась сохранить свое достоинство перед ним.

А взгляд! О, этот взгляд был откровением. Он выдавал все ее слабости. Сколько мольбы, желания, страсти и упрека в нем?! В этот час она готова подчиниться любой его воле. Готова следовать за ним в самые затаенные уголки сада и забыться на миг, чтобы потом обрести спокойствие, стать другой.

Да, трудно в женщине зажечь искорку любви, но еще труднее погасить в ней пламя нахлынувшей страсти, когда она готова подчинить тебя своей воле или отвергнуть; когда ее оскорбленное самолюбие требует возмездия.

— Ты прекрасна, моя Бану. Ты права. Тревоги жизни заставляют ежа прятаться в свои колючки, а черепаху — в панцирь. Зачем вспоминать нам о тайнах, принадлежащих каждому из нас?

Тайна первой любви — это сокровище нашего духа. Святая тайна. Люди не раскрывают ее для других. Ты знаешь об этом, Бану. Не стремись вернуться к ней, к первой любви своей, если она жива. Не жди ее. Пусть она останется прекрасным мгновением, осветившим твою юность мягким светом. Пусть навсегда останется в сердце щемящей болью, томящей тоской, теплой радостью и нежной грустью. Не разрушай ее. Ибо, вновь найдя свою первую любовь, человек может навсегда потерять прежние прекрасные чувства, порожденные ею когда-то. Ныне она — причина первой любви человека — может оказаться не той, какой ты представляла ее в юности, какой восприняло ее твоё юное сердце... Я берегу тайну своей первой любви потому, что она свет, озаряющий мою жизнь из глубины прошлого. Не спрашивай меня о ней, моя Бану, — тут он вздохнул — Я люблю тебя. Но я не властен над собой, как и ты. Ты знаешь об этом. Подавляй свои желания. Будь благородна. Ведь твой отец считает себя великим арабом. Дочерям арабов, таким, как ты, нужна сила. Особенно сейчас, в эти тяжкие времена. Сила нужна для борьбы. Ты помнишь, как погибла мудрая сестра Гаруна аль-Рашида, прекрасная Аббаса? Не было женщины мудрее, смелее и красивее ее. Она

была сестрой самого халифа и другом великого визиря Джрафа аль-Бармеки.

Они любили друг друга. Любил ее и брат – всемогущий Гарун аль-Рашид, который называл своим отцом отца Джрафа. Но священные каноны ислама оказались сильнее их всех. Коран не допускает любви, кроме любви к Аллаху, – Абу Наср сле заметно усмехнулся. – И – погибла любовь, погибли Аббаса и Джрафа...

Бану притихла. Стала задумчивой.

– Ты не прав, мой Абу. Люди говорят о них другое. Они славят Аббасу. Она была любимой дочерью арабов и в то же время их мудрой повелительницей.

– Да, ты права, к славе халифата тех времен были причастны и Джраф, и Аббаса. Женщины часто правят людьми и становятся виновниками их удач или неудач, счастья или гибели. Ты же знаешь, что богатая вдова Хадиджа помогла пророку Мухаммеду.

– Остановись, мой Абу! – Бану пугливо оглянулась, – твои слова слишком дерзновенны. В них заложен огонь, который может сжечь тебя самого. Ты знаешь об этом! Разве не подобные твои слова умножили число врагов и завистников твоих? О, прости Аллах. Слава пророку Мухаммеду, посланнику Аллаха на земле!

– Успокойся, любовь моя. У нас один бог – истина, которую боятся все люди. А мы с тобой не лучше их. Люди ныне складывают красивые притчи о Гаруне аль-Рашиде и сестре его Аббасе. Ты слышала их, эти притчи и сказки, сейчас все арабы живут ими. На рынках Багдада и Дамаска, в караван-сарайах Мысра толпы людей долгими часами внимают им, веря в благородство халифа Гаруна аль-Рашида, но забыв об истине

о трусости и жестокости халифа, о мучительной жизни его наложниц, слуг и рабов, всех его подданных. А то, что хитер был Гарун аль-Рашид, – это тоже истина. Да, он ласкал и одаривал ученых и поэтов. Собирал их и слушал. Ибо знал, что

останутся слова ученых о его мудрости и стихи поэтов об его благородстве. Слова и стихи, купленные за показную ласку коварным палачом. Это тоже истина.

– Где же главная истина, мой учитель? Приятнее верить сказкам, чем найти главную истину в твоих словах.

Я перестаю понимать тебя, мой Абу, – Бану вновь наполнила чашу вином.

– Мудр тот, кто дойдет до истины и раскроет ее людям.

– Но люди ценят мудрость той девушки, дочери главного визиря, которая остановила руку палача-падишаха, не верившего в верность женщин и казнившего всех девушек после первой ночи. Дочь визиря создала сказку, длившуюся тысячу и одну ночь. Она спасла тысячу жизней. Вселила спокойствие в сердце матерей и отцов, успокоила падишаха и мудростью своей покорила его сердце. Разве это не главная истина? Разве истина – это не доброта? И разве не эта дружеская доверительность, перешедшая в искреннюю привязанность к человеку, а значит, и в ту высокую любовь, о которой говоришь и которую желаешь ты? – Бану уже не была похожа на ту женщину, какой казалась в начале беседы. Она уже не спрашивала его, она не вымаливала ласки. А стала соперницей в споре. Она наступала. Голова ее поднята, лицо раскрыто. И взгляд ее уже был не тот, что присущ женщинам, жаждущим объятий, а другой. В нем смелость и решительность, в нем достоинство и непокорность.

– Не об истинах доброты и жестокости, не об истине любви веду я речь, женщина! – сказал Абу Наср, словно перед ним сидела не его любимая Бану, а некий философ, осмелившийся поравняться с ним силой – А об истине справедливости и о качествах главы города, народа!

И вдруг умолк, задумался. В саду снова стало тихо. Лишь где-то за кустами дрались воробы, а где-то начал было свою песню соловей, но замолчал. Легкий ветерок прошел по листву – закивали пышные и яркие головки роз.

– Что с тобой, о чём ты вспомнил, мой Абу? Что встревожило тебя? – Голос Бану стал мягок и ласков, как прежде. Она заметила – изменилось и стало мрачным лицо Абу Насра. Он словно забыл обо всем, ушел в себя.

– Да, ты права, моя Бану, – вздохнул он и потянулся к своему кипчаги, принял настрой настраивать. – Ты права. Людям нужны добрые сказки, им нужна мечта. Мечта – это движение, а сказка облегчает им тяжесть жизни. Сказки о мудрых правителях и добродетельных городах нужны народу – все это та же вера и, быть может, главная истинна из всех истин. И я напишу об этом! – Голос его окреп. – Я напишу о правителях и городах. О владыках и народе! Но это уже не будет сказкой. Это будет правдой! Истиной, которую боятся все и к которой не прикоснется никто!

Он ударили по струнам. Стремительные звуки, глухой, далекий, но быстро приближающийся топот копыт... Загудела земля... Из кустов роз, из-под листьев винограда испуганно вспорхнули птицы. Удивленной радостью озарилось лицо Бану.

– Да, да! Ты права, ты права, Бану! Никому не нужна моя истинна. Так я раскрою ее! Вопреки канонам Корана. Я доскажу то, что не досказано «Братьями чистоты...»¹.

– О, упаси Аллах, не слышал бы кто!.. Умоляю тебя! Во имя Аллаха прошу! Мне страшно... Не говори о «Братьях чистоты...», их казнили...

– Их много, всех не убьешь! Мысль не остановишь!

---

¹ «Братья чистоты и друзья справедливости» – тайная религиозно-философская организация, основанная в Иране в IX веке, а затем получившая распространение по всему арабскому халифату. Идеи «Братьев...» противоречили духу приверженцев ортодоксального ислама – суннитов. Они ставили своей целью популяризировать естественные науки среди народных масс, ратовали за восстановление общинной собственности на землю.

– Но казнили и учителей «Братьев...», которые состояли в тайных обществах Дамаска...

Оборвались Музыка, оборвалаась на полутоне. Лицо Абу Насра побледнело, он отбросил кипчаги, опрокинув сосуд с вином. Встал. Встала и она. Он схватил ее за плечи, взгляделся в глаза. Она плакала и, чтоб скрыть слезы, припала к его груди. Он молча прижал ее.

– Я искала тебя, мой Абу! Посылала служанку к старому халдейцу, что живет возле рынка. Я слышала, что ты знал «Братьев чистоты...», что ты был на их тайных беседах, что «Братья чистоты...» – это кафиры, неверием своим осквернившие священный Коран. Теперь соглядатаи халифа могут схватить тебя и заковать в цепи, как они сделали с «Братьями чистоты...».

– Ты сама видела их казнь? – тихо спросил он, глядя ее волосы и прижимаясь к ее щеке.

– Нет, нет... Нет, но мне передали. Это правда.

– Кто передал тебе?

– Служанка. Ее зовут Тана. Она верна мне.

– А кто же сказал ей? – нетерпеливо спросил Абу Наср.

– Она слышала речь глашатая, который читал послание халифа своему наместнику и всем вельможам Дамаска. – Абу Наср посмотрел в лицо Бану. Чуть раскрыты губы, слезы в глазах. – Ты ведь знаешь: слова владыки эхом отдаются по всему городу и никому из «Братьев чистоты...» не уйти от его гнева. Я знаю, ты знаком с ними, они знают тебя, почитают твою мудрость и знания. Но люди злы, и даже среди «Братьев...» найдется завистник и предатель.

– Разум не продают, – сказал Абу Наср. – Не я их учитель. Они – наследники благородного и мудрого аль-Кинди и сами благоразумны не менее великих мудрецов. Они не приняли утверждение пророка о создании мира Аллахом. Они взяли свой идеал у Аристотеля, Платона и Гераклита, живших еще до пророка. Аль-Кинди пришел к этой мысли своей дорогой,

он утверждал, что мир безначален... Но что же халиф? Он должен был сжечь трактаты аль-Кинди, но он решил казнить «Братьев чистоты...»! Он мудр, ибо книги ему не подвластны. Не подвластен разум! Ха-ха-ха! Терзайтесь, правители Багдада и Дамаска, эмиры саманидов, трепещи, халиф! Вам не казнить аль-Кинди, первого философа арабов! Мухаммед принес вам Коран и войны, аль-Кинди – свой разум без войска. Но кто из них победит? Чей огонь будет сильнее?

Бану с удивлением и страхом глядела на Абу Насра.

Он выпрямился, стоял гордый, раскрыв объятия, и смеялся, смеялся так, будто он один, и никто другой, является властелином мира.

– Я, я напишу о безначальности мира, об интеллекте и разуме, о силе духа, о благородных городах и благородных правителях, «Братья чистоты...» не умрут бесследно. Разум не умирает!.. Ты права, моя Бану. Мы покинем этот город. Ибо человек должен покидать те города и государства, где преследуют науки.

– Ты сказал «мы»?!

– Да, да, Бану. Мы вновь найдем дорогу в Багдад. Я вернусь к халифу аль-Муктадиру и скажу ему: «Слава дарующему благо и ограждающему от ошибок! Я выполнил твою волю, великий халиф! Я побывал у саманидов, видел твоего верного слугу и владыку саманидов шаха Нуха и, дабы укрепить его веру в тебя, создал свод учений, переведенных с греческого, персидского и сирийского на звучный арабский язык! Но он не понял и не принял его. Его жестокость и тщеславие опасны для халифата!..»

– Ты взъярен, Абу. Успокойся, халиф ждет тебя. Я знаю. Старый халдеец говорил, что твое присутствие во дворце ублажит честолюбие халифа... А сейчас успокойся. Ты не спасешь «Братьев чистоты...». На то воля Аллаха...

– Ты не права, женщина! «Братья чистоты и друзья справедливости» не подвластны ни имамам, ни эмиру, ни самому

халифу! Они есть и будут не только в Дамаске. Их разум не всеобъемлющ, но широк. Дела их желанны народу. Но не о них речь... – Абу Наср притих, задумался, снова взял в руки кипчаги.

– Наконец-то... Закончим спор, мой Абу, – тихо, устало проговорила Бану. – Этот сад создан для спокойных раздумий. Найдем уютный уголок. Одари меня твоей тихой песней. Ты же говорил, что музыка – друг тех, кто страдает и борется, друг всех влюбленных, счастливых и несчастных... Я устала искать тебя. Побудь немного со мной. Я уйду от тебя, когда солнце коснется земли...

Он удивленно, словно мучительно вспоминая о чем-то забытом, смотрел на нее. Как она сказала? «Ты не спасешь. На то воля Аллаха». Да как она могла в эту минуту произнести такое? Он должен был возненавидеть ее, эту женщину, стоящую перед ним! Но он не смог.

Не смог и ответить ей, потому что в ее словах звучала та самая истина, которая обескураживает человека. И она, эта вечная истина, оказалась простой, ощутимой и столь доступной для понимания каждого, что не надо было утруждаться раздумьями, чтобы постичь ее.

Да, верно, он не в силах спасти «Братьев чистоты...», если вдруг их найдут, схватят. Но он может поиграть на тщеславии халифа, стать его надимом – самым главным визирем, потешаться над невеждами двора, распутывать интриги залистников и... И продолжать дело аль-Кинди, дело «Братьев чистоты...». Нацелив свое внимание на раскрытие сути реальных вещей, простых истин, он будет искать пути достижения счастья для людей не в потустороннем мире, как это обещано святыми книгами, а в земной жизни!..

Бану, внимательно следившая за выражением его лица, вдруг заметила, как он повеселел. Она увидела его таким, каким знала раньше, в минуты его радости и вдохновения. Когда

он мог быть то по-детски веселым, то мрачным и озабоченным.

Но в следующую минуту Абу Наср снова помрачнел. Теперь в сердце его прокралась тревога; ему подумалось, что трудно бороться, попав в паутину халифского дворца, что его борьба будет никчемной, как усилия бабочки, попавшей в сети паука. Но он тут же отогнал эти сомнения, усмехнулся и вновь повеселел.

— Ты права, права, моя Бану. Ты устала искать, а я устал ждать, хотя сам себе не сознавался в этом. Пусть время, оставшееся до захода солнца, будет нашим временем. О, как мало досталось нам!.. — Он смотрел в ее широко раскрытые глаза, на темные брови, на чистый лоб, на ее приоткрытые, чуть влажные губы.

Как он был глуп! Сидеть столько времени вместе и ни разу не всмотреться в нее, в ее красоту. В нем пробудилось желание вдохнуть запах ее волос, ощутить ее дыхание... Но он сдержал себя.

— Ты говорила о песне. Пойдем туда, — он указал на зеленую поляну, окаймленную листвой и прикрытую от постороннего взгляда зарослями белых роз. — Там лучше слышны вечерние песни птиц.

* * *

Зеленые листья и цветы укрыли их от глаз, а их тихая беседа слилась с предвечерним говором птиц. И лишь когда сад укрылся сплошной тенью, когда солнце, прощаясь с землей, вздохнув в последний раз, обдало небо своим пламенем, Абу Наср сказал:

— Не будем гневить творца. Воздадим ему славу за нашу встречу. Время позднее. Усыпим этот спор... Торопись, любовь моя. Могут хватиться, могут искать тебя... — Он встал, оглянулся вокруг и подал ей руку. Она легко вскочила с места. Он вновь залюбовался ею. — Как ты прекрасна, моя Бану! Пре-

красен лик, естественны желания. Но ты горда, как пальма, избалованная солнцем, ищущая ласковых объятий ветра. Но пальма не знает, что у ветра нет постоянства. Ты знаешь об этом.

Я же стареющее дерево баньян, растущее вдоль дорог Индии. – Он улыбнулся – Баньяны огромны, как ливанские кедры. Я, как старый баньян, стремлюсь к спокойствию, стремлюсь подольше удержаться на земле, цепляясь за нее всеми корнями и мечтая дать больше тени и спокойствия людям, чтобы спасти их от коварных лучей любвеобильного солнца.

Будда сказал: не бери того, что тебе не принадлежит, ибо оно погибнет... Пальмы не растут в тени баньянов, они там гибнут... Ты говорила о любви Хадиджи к пророку, но пророк наш Мухаммед видел в женщинах лишь слуг своих. Богатство Хадиджи помогло ему покорить мекканцев. Он видел в женщинах рабынь наслаждения и мужской прихоти. Я не приемлю пророка. На то воля творца! Не богов, а самого творца. Богов много, пророков тоже, а творец – один. Он – первопричина всех существ...

Они тихо шли мимо плантаций роз и слиновых зарослей. Он поднял забытый в траве свой легкий кетмень, привычным движением вскинул на плечи и продолжал: – А я – существо, подвластное всем грехам. И я не властен над тобой и над собой. Но пусть сегодня я буду палачом – убью свою любовь, убью во имя дела «Братьев чистоты...». Ты останься другом, живым прохладным цветком в моей памяти. Останься другом свободы. У меня не будет упреков, ты свободная женщина!.. – Он пристально взгляделся в лицо Бану, потом неожиданно поцеловал и, больше не оглядываясь в ее сторону, зашагал прочь.

Ей хотелось броситься ему вслед. Но она осталась на месте. И услышала донесшийся из-за деревьев взволнованный голос:

– Я сделаю, как ты сказала. Завтра ночью я буду в доме старого халдейца.

Последние отблески солнца медленно таяли на снежных вершинах горы Хемрон. Бану смотрела туда, откуда только что донесся его голос. Из глубины ее сердца неожиданно вырвался громкий, тяжелый вздох. Она испуганно оглянулась. Не услышал ли кто? Закрыла лицо до самых глаз.

Все также спокойно переговаривались птицы перед сном. Она сорвала белую розу и направилась к выходу из сада, к старым дувалам.

«Ты все-таки глуп, мой повелитель... – Ее лицо озарилось улыбкой. – Ты хочешь убежать от самого себя, от своих чувств. Ты хотел сказать, что любовь твоя чиста. Я знаю это. Я тоже чиста, чиста перед тобой своими помыслами. И все же я оказалась сильнее тебя... Нет, нет! Это ты, ты сказал мне об этом. А еще ты сказал, что там, где есть солнце, есть и тень. Ты не уйдешь от нее. Тень спасает от ярости огня. Я спасу тебя от тебя самого...» Поглощенная своими мыслями, она не заметила, как оказалась возле своего коня. Но слуга, кажется, не услышал ее шагов. Он дремал. Он не услышал ее размышлений вслух. Иначе что бы он подумал?

Она тихо окликнула его. Слуга встрепенулся. Вскочил и привычно набросил на плечи своей госпожи тонкую мужскую абу.

Оsmелился спросить:

– Он здесь?

Бану мельком взглянула на него. Слуга помог ей сесть на коня.

– Он здесь, – сказала она уже в седле и направляя коня к городу. – После полуночи проведешь его в дом старого халдейца. И чтоб ни один соглядатай не знал об этом...

– Слава Аллаху! – вырвалось у слуги.

– Ты понял меня, Хасан? – раздался резкий окрик Бану.

– Я понял вас, госпожа! Ни одна собака на улицах Дамаска не учуяет его запаха и не увидит его следов.

Бану усмехнулась, но никто не увидел ее улыбки. Она тронула каблуками бока коня, и скакун легко понес ее вперед. Слуга-раб еле успевал за ней.

Городская стража у ворот не смела остановить воина с прикрытым лицом в столь дорогом одеянии в сопровождении молодого и ловкого на вид раба-телохранителя. Кто знает: остановишь, а потом сам же окажешься виноват. Смутное время. Быть может, это Барид – гонец от самого халифа багдадского?

* * *

...Два дня он пробыл в доме старого халдейца. Только самые верные слуги да рабы хозяина знали о госте. Под покровом ночи приходила к нему сюда на свидание Бану. Приходила, когда после очередной и долгой беседы и трапезы со старым халдейцем Абу Наср уединялся в маленькой келье, находившейся в глубине двора. Здесь при тусклом огне светильника он нетерпеливо вникал в тайны строк. Книги отличались от всех знакомых ему прежде списков тем, что были сделаны рукой талантливого каллиграфа. Но, к сожалению, в первой книге – «Альмагесте» Птолемея – было много ошибок и пропусков. Перелистыв дважды, он заметил, что в рукописи были и новые, не ведомые ему ранее главы...

Он был поглощен чтением, когда услышал тихий кашель. Оглянувшись, увидел, что у порога, в почтении склонив голову, стоит верный слуга халдейца – Иосиф. С таинственным видом слуга пригласил почтеннейшего гостя в достойную для его положения комнату, где его ждет знатная особа города. Абу Наср знал слугу по имени.

– Кто же эта особа, Иосиф? – спросил он.

– Я не смею произнести ее имени, мой господин, – ответил Иосиф и предупредительно начал собирать вещи Абу Насра – котомку, кипчаги, рукописи, давая понять, что сейчас Абу

Насру не следует утруждать себя сборами бумаг, а нужно спешить. Абу Наср оделся.

Иосиф молча провел его мимо цветника и по глухому лабиринту тайного хода ввел в большую светлую комнату и тут же исчез, словно провалился сквозь землю.

Абу Наср догадался, что его ждет Бану. Чувство тревоги охватило его. Тревоги за нее. Как часто подвергает она себя риску. Войдя в комнату, он увидел в дальнем углу человека, одетого во все черное. Лицо было прикрыто чадрой. Абу Наср не ошибся. Это была Бану. Увидев его, она шагнула навстречу. Не открыв лица, торопливо заговорила:

– Тебя ищут! Ты должен явиться с поклоном к наместнику-султану или искать защиты у халифа правоверных. Иначе случайный удар кинжала из-за угла или намыленная петля могут настичь тебя! Я не хочу этого! Ты слышишь, мой Абу? Я ухожу. Меня могут найти – и тогда... О, Аллах всемогущий, спаси нас! Тогда они могут напасть на тебя. Я ухожу. Иначе я могу навлечь на тебя беду. Но не тревожься... – Она была слишком взволнована, речь ее стала сбивчива. – Не смотри на меня так пристально. На мне платье моей служанки. Я ухожу, – повторила она. – Через день из Дамаска в Багдад выйдет караван. Хозяин этого дома поможет тебе. Я готова разделить с тобой все трудности, все опасности дороги. Я готова. Скажи только слово – и я твоя рабыня.

– Судьба «Братьев чистоты...» волнует меня, – сказал вместо ответа Абу Наср.

– О святой пророк! Что тебе до «Братьев...»?! Ты сам говорил, что их много. Всех не казнят. Но пусть об этом тебе скажет Хасан.

Она быстро прошла к потайной двери и распахнула ее. Свет упал на лицо старого Иосифа, стоявшего в глубине узкого прохода. Он учтиво посторонился, и перед Абу Насром, преклонив колени, представал стройный, но плечистый юноша.

– Он – сын халдейца, его мать – дочь курда. Он будет тебе верным рабом, – сказала Бану. – Он будет предан тебе, как и мне, до самой смерти.

При словах «верный раб» Абу Наср прямо взглянул в лицо Бану.

– О, Аллах, какой же ты упрямый! Он твой верный друг, друг, а не раб. Он предан, потому что я еще в детстве спасла его от смерти, а затем от казни. Он будет твоей тенью, мой повелитель. Он любит и почитает тебя как мудрого учителя.

– Время уходит, словно вода сквозь пальцы, моя госпожа. Скоро сменится стражи у ворот дворца, – подал голос старый Иосиф.

Бану слегка кивнула. Хасан с поклоном покинул комнату, двери потайного хода. Они вновь остались одни.

– Я заждалась ответа, мой повелитель, – Бану спокойно стояла перед ним, устремив взгляд в небольшую нишу в стене, где находились песочные часы. Из-под черной джуббы¹ она вытащила белую розу.

– Эта роза из твоего сада. Она чище снега. Я должна получить ответ, пока не увянут эти лепестки. Ты слышал? До смены стражи осталось немного времени. Тебя ждет гнев отца, Абу!

– Мой путь жесток.

– Ты говорил об этом. Одно твое слово – и я решусь на все.

Абу Наср медлил с ответом. Он, как и тогда, в саду, боролся с самим собой, своими мыслями. Он не мог решительно сказать ей: «Нет!» Но и не мог сказать: «Да». И она поняла его.

Я приду, жди! – Она на миг прильнула к нему и, тотчас освободившись из его объятий, скрылась за дверью.

---

¹ Плащ, сотканный из черной шерсти.

Абу Наср устало опустился на мягкую кожаную подушку. Голова его отяжелела от дум. Бану не знает, что лепестки роз во сто крат слабее обыкновенной травинки. Маленькая стужа умертвит их, а жажда иссушит в один миг. Белые розы не растут там, где безводье или холод. Он редко встречал такие розы в родном Отрапе, но, быть может, тогда, в юности, он мало обращал внимание на цветы? Цветы больше ценит страсть... Зато он помнит, как прохладен и лучист первый снег в кипчакских степях, как он бодрит юношескую кровь, как манил вдаль, на охоту, на схватку с дикими зверями.

Ох, как упоительна охота на золотистых лис по первому снегу, когда кони с азартом рвутся вперед! Следы зверей по первому снегу четки, как строки арабской вязи на белых листах бумаги, изготовленной искусными руками мастеров из Самарканда... А охота на диких куланов! Зимой они бродят табунами в пустынях и степях близ Джендского моря, где мало снега и много корма. Защищая своих маток, куланы-жеребцы могут вступить в единоборство с охотником. Встав на дыбы, благородные животные принимают на себя удары пик, в их грудь вонзаются стрелы. Бывает, что охотники пытаются взять жеребца живым, и тогда тугая петля аркана начинает сжимать ему горло. Как бы он ни рвался, свободолюбивый кулан, как бы ни неистовствовал, человек одолевает его. Но все-таки кулан остается куланом и никогда не смиряется, не покорится, не станет ходить под седлом. Свобода – его стихия...

Абу Наср закрыл глаза, воспоминания унесли его в родные степи, и он, казалось, ясно услышал воинственное ржанье вожака куланов. Он удивился столь четкому видению. Затем взглянул на тихое, задумчивое пламя светильника, пододвинулся к нему и развернул заложенные страницы «Альмагесту». Чтение не давалось. Тогда он раскрыл другую книгу. То был один из ранних списков песен древнегреческого поэта Анакреонта. И песни эти говорили о изящной любви, легкой

и желанной, сопровождавшей самого поэта до глубокой страсти. Сначала звучность и красота древнегреческого стиха увлекли Абу Насра, он прочитал несколько песен. Но слова поэта о любви вновь напоминали ему о Бану... Книга так и осталась раскрытой.

Воспоминания уводили его из тихой, пахнущей кожей и воском комнаты в далекие годы юности. Вспомнился густой запах пота на рынках Оттара. Потом он пытался представить себе тот зиндан и цитадели Шама¹, где сейчас томятся те из «Братьев чистоты...», которые схвачены сыщиками и палачами владыки города.

Абу Наср знал расположение всех сторожевых башен крепости, ворот и тайных проходов. Среди строителей он слыл мастером – знатоком тайн древних строений Вавилона. К тому же именно по его проекту был создан таинственный фонтан-водопад в саду багдадского халифа аль-Муктадира – четвертого халифа Аббасидов и четырнадцатого халифа после Гаруна аль-Рашида. Таинство и красота фонтана заключались в том, что когда бы халиф и его великие визири ни приходили в сад, они всегда видели, как из высокого, облицованного мрамором дувала тонкой пеленой льется вода в запрятанные у фундамента желоба, а так как в прорези стен была вставлена слюда, то пелена воды отсвечивала и становилась то светло-голубой, то искрилась, переливаясь радугой. Никто не имел понятия, откуда эта вода и как она могла подняться на эти толстые стены и литься сверху.

В саду было много прудов и мраморных бассейнов, и никто не знал, что чаша самого дальнего, самого глубокого бассейна расположена почти на уровне верхней кромки стены, где находятся ажурные ворота и откуда обычно начинается прогулка халифа по своему саду. Со дна этого бассейна к воротам вели глубоко зарытые в землю глиняные трубы. А так как напор

---

¹ Древний Дамаск.

воды в бассейне всегда держится на одном уровне, то и тонкий слой водопада на стенах никогда не иссякает.

Халиф аль-Муктадир правит долго, уже пошел двадцать четвертый год со дня его восшествия на престол. Впрочем, ничто не вечно в этом мире. Вечно лишь знание, подумал Абу Наср.

Бывая в дворцовом саду наместника багдадского халифа в Дамаске, Абу Наср не раз приглядывался к его стенам, дувшим и бассейнам.

Рвы и каналы окружали крепостную стену, где разместились дворцы и сады владыки. А внутри, так же как и в Багдаде, были разбиты сады, где находились бассейны с прохладной родниковой водой. Дворец наместника которого горожане величали султаном, высился в центре, за второй стеной крепости. Вокруг дворца на почтительном расстоянии, за кирпичными оградами, стоят обвитые зеленью и утопающие в зелени и цветах дома, похожие на малые дворцы, в них обитали визири и казначеи, самые богатые вельможи города. Но даже они не смели переходить незримую черту и подойти к крутым стенам, за которыми находились гаремы, тронный зал и сокровищница султана. Гулямы, рабы и евнухи неусыпно охраняли покой главной цитадели.

Дом, в котором жила Бану, находился между внешними и внутренними стенами крепости. Узкая, не приметная для постороннего глаза, заросшая тропинка из ее сада вела к потайному ходу, проложенному под старыми стенами и выходившему к крутым обрыву в самом глухом, заваленном камнями и заросшем дикими деревьями месте.

Абу Наср знал этот ход. Однажды даже он воспользовался им. Тайну открыла Бану, когда нужно было незаметно вывести Абу Насра из крепости. Этот ход был известен только верным людям Бану...

Но что толку, что есть такой ход? Даже по нему невозможno проникнуть в ту часть крепости, где расположены зинданы и

тюрьмы для тех, кого султан считал своими опасными соперниками и врагами. Где должны быть запрятаны схваченные «Братья чистоты...»? Кто же подаст им руку помощи? Да и кто они, эти невольники? Как их имя?

Неизвестно, как помочь, да к тому же неизвестно, кому помогать? Даже тайные ходы искать бесполезно. Надо знать, каков корень, чтобы пересадить деревцо. Надо знать, кто именно из «Братьев чистоты...» попал в руки наместника, прежде чем думать о его спасении.

Итак, круг замкнулся. Более того: Абу Наср знал, что нынешний султан не столько коварен и хитер, сколь труслив и жесток, мнителен.

* * *

Страх, и именно за свою жизнь, за свой трон, еще более ожесточил наместника. С одной стороны, он боялся бунта черни, с другой – он страшился халифа и слал ему караван за караваном щедрые дары.

А дары он собирал со своих владений. Чем больше поборы, тем злее народ. И чтобы держать его в повиновении, наместник должен отдавать больше власти своим визирам, начальникам тайной охраны, главе гулямов, юродской полиции, сирийским и иудейским ростовщикам, богачам-персам и курдским военачальникам, чтобы избежать их обид, чтобы они предотвращали бунт народа.

Каждый донос, каждый шепот об ослушании или намек на заговор вгоняет султана в страх. Он, не раздумывая, повелевает карать каждого, кто сеет смуту или только взят под подозрение. А тут еще прослыпал он о некоем тайном сборище: они называют себя «Братьями чистоты...». И распространяют ересь среди правоверных. Вельможи Дамаска следят за каждым шагом, они требуют, чтобы отныне он не посыпал даров самому халифу аль-Муктадиру. Хотя, чтобы Дамаск стал столицей, самостоятельным государством. Говорят, что дни багдадского

халифа сочтены. И всему виной восстание карматов¹, которые обосновались в Бахрейне и повсюду вносят смуту, от берегов Джейхуна до Тигра и Евфрата – самое страшное! – даже совершают набеги на Мекку! Если раньше Дамаск считался воротами Мекки, если все паломники в Мекку шли через город, обогащая казну наместника, то ныне паломников стало меньше. Они не идут дальше Багдада, ибо боятся карматов. А те требуют имущественного равенства. И чтобы все рабы были государственными, и еще – чтобы все религии были равны...

Абу Наср улыбнулся, представив себе, как султан, боясь за свою жизнь, с каждым днем усиливает охрану дворца.

Впрочем, все это не ново. Так было и будет. Не только религиозно-кастовые распри, не только бунт рабов или дворцовые интриги влияли на судьбу владык. Всегда немалую роль играли в истории также конфликты меж людьми, говорящими на разных языках; так было в Вавилонии, так было между тюрками и персами в царстве Согдианы и саманидов.

Такое происходит меж людьми и сейчас здесь: между предводителями арабов и персов, тюрков и сирийцев, армян, иудеев.

Все это Абу Насру знакомо. Знакомо с детства, с юношеских лет; так было и в его родном Отрапре, за которым, с легкой руки арабских купцов, так и закрепилось название фараба. Они там вели торговлю с купцами Хорезма, Китая и Саманидского государства.

Он был в те времена могуч, его город. Там встречались все караваны, идущие с юга, с запада и востока. Одним словом, «Фараб» – щедрый, зеленый, красивый, обильный. Сколько смысла заложено в этом древнем арабском слове. И сам Абу Наср в своих трактовках величал Отрап Фарабом.

Много, очень много лет прошло с тех пор, как он впервые

---

¹ Участники восстания за равенство религий и за раздел имущества богатых.

покинул родной город, но он помнит тот день – день гибели отца, с которого начались все его заботы и скитания. Тот день, за которым осталась его беззаботная юность. Еще совсем свежи воспоминания и о недавних скитаниях по улицам Бухары и Оттара. Он не забыл о казни карматов в Бухаре...

Он помнит все – и недавние события, и далекое прошлое, помнит последние слова отца. И каждый раз перед его глазами возникает искаженное болью, залитое кровью лицо отца, его тускнеющий взгляд и пучок дармины в его мертвых руках...

* * *

Абу Наср тяжело вздохнул. Отодвинул в сторону раскрытые книги. Медленно встал с места и загасил светильник. В темноте нашупал кожаную подушку, подтянул ближе к себе и лег на ковер.

– О, Аллах! – снова вырвался вздох – Как это было давно. А видения ясны, словно все это произошло вчера. И первый снег, и пучок дармины, зажатый в руках отца, и до боли родной, наполненный нежностью и мольбой взгляд Аниды...

* * *

Всю ночь он не мог сомкнуть глаз. Переворачивался с боку на бок. Вставал, прислушиваясь к тишине, вновь ложился. Воспоминания о прошлом, мысли о завтрашнем дне, о Бану, о «Братьях чистоты...» не давали ему покоя.

Да, Бану права: соперничество, зависть, предательство, коварство, ложь и правда – все совмещено в человеке. Бану права: даже среди «Братьев чистоты...» найдутся предатели, и нет силы, которая наделила человека одним лишь чувством добра. Человек двуедин, в нем всегда два начала – он палач и он спаситель; он тиран-сокрушитель и он творец-созидатель. Так было всегда. В людях нет единства. Судьба тех же тюрков из разных племен, что тогда, в юности, вместе с ним покинули родные края, лишь подтверждение тому.

В Отрапе они соперничали, готовые перегрызть друг другу горло. На пути в Багдад они пугливо жались друг к другу. Такими они были и тогда, когда попали на службу к халифу... Они были едины, когда чувствовали в себе рабов-чужестранцев, когда их сковывал страх. Но во время войн и битв, во время подавления народного бунта каждый из них желал отличиться перед халифом, перед приближенными халифа.

Но как только одного из них назначали соглядатаем над другими, как только они почувствовали сладость побед, вкусили плоды предательства, как только у одного кусок оказался жирнее, чем у другого, – все началось сначала, и снова каждый готов был перегрызть горло другому.

Они, его соплеменники, были бесстрашными воинами в битвах и лицемерили друг перед другом в обычные дни. Такими их хотели видеть в халифате, этих тюрок-рабов, тюрок-воинов, защитников чужого добра. Такими их сделали. Такими они нужны были халифу, чтобы их руками вспарывать горло соперников и держать в страхе непокорных...

Бедные и богатые, нищие и ростовщики сопутствуют друг другу в этом мире. Вечна борьба добра и зла...

Абу Наср встал. Уже светало. Он не мог больше лежать, заныли бока, онемела рука, подложенная под голову. Он подошел к маленькому окошечку, через которое в комнату проникала предутренняя свежесть.

Да, все в этом мире двуедин: день и ночь, солнце и луна, воздух и вода, дающие жизнь всем существам...

Мысли перескакивали с одного на другое. Он вспомнил, что все его соплеменники – кипчаки и коныратовцы – часто называли себя не по имени, а просто кассаками. «Кас сак» – два слова, слитые воедино. И каждое из них понятно любому тюрко-язычному человеку. Кас – это враждующий, сак – это настороженный, бдительный. Его соплеменники подчеркивали, что человек всегда враждебен к другому человеку и потому он должен всегда остерегаться удара другого человека. «Кас-

сак», «сак» – это слово впервые употребил Геродот, и потому историки древности, следуя Геродоту, называли соплеменников Абу Насра, кочующих по необъятным степям от Едиля¹ до Черной реки², «Геродотовыми саками».

Потому, наверное, и все воины, которые в юности вместе с Абу пришли на службу к халифу аль-Муктадиру, называли себя саками, вернее – кассаками, чтобы подчеркнуть свое отличие от других тюркоязычных народов.

Но арабы все равно называли их гулямами – рабами, служащими...

За стеной слышался чей-то голос. Мысль прервалась. Абу Наср открыл двери, ведущие во двор. Уже было совсем светло. Птицы покидали деревья, на которых провели ночь. В глубине двора, за оградой, где находились конюшни, мелькнула голова Иосифа – старого слуги. Видимо, он отдавал распоряжение рабам. Под ветвистым платаном, возле небольшого фонтана, бьющего из круглой мраморной чаши, лениво прихорашивался павлин. До восхода солнца оставался еще целый час. Наступила пора утреннего намаза.

Абу Наср подошел к фонтану, ополоснул руки, омыл лицо и не заметил, как возле него оказался Хасан с полотенцем в руках.

– С грядущим днем, мой господин, – юноша почтительно склонил голову.

– А, это ты, брат мой? Благодарение Аллаху, прошла еще одна ночь, – спокойно ответил Абу Наср, утирая лицо. Он тут же у фонтана собрался совершать намаз.

Хасан быстро принес ему походный коврик, отошел в сторону и, расстелив на земле черный платок, последовал примеру своего господина.

– Есть ли новости, Хасан? – спросил после намаза Абу

---

¹ Волга.

² Иртыш.

Наср. Спросил, вслушиваясь в голоса горлинок и тонкое пощелкивание павлина, который, завидев своих курочек, весь преобразился, засверкал перьями и веером раскинул хвост. Спросил просто так, чтобы отогнать свои тяжкие думы, отвлечься.

– За домом госпожи установлена двойная охрана. Ей запрещено покидать свои покои. – Откуда такие вести?

– Раньше, чем утренняя заря высветилась на небосклоне, здесь побывала Тана, мой господин. Она пришла в сопровождении черного раба-евнуха...

– Тана – это любимая служанка Бану, ее подруга. Она моя соплеменница, Хасан, – перебил его Абу Наср.

– Истина в ваших словах, мой господин. Тана роднее родной сестры для нашей госпожи. Она прибежала в слезах. Торопилась. Страх овладел ею. Страх за свою госпожу, которой велено не переступать порог и не выходить из дома до тех пор, пока на то не будет воли ее отца, главного визиря грозного повелителя нашего города.

– Говори яснее!

– Вчера вечером великий визирь послал человека к своей дочери, чтобы пригласить ее на меджлис гостей, прибывших из Халеба. Но госпожа не вышла к нему. Она не могла выйти, мой господин... – Хасан посмотрел на Абу Насра. – Ее не было дома. Она пришла домой позднее, пробралась через тайный ход. И когда великий визирь вторично послал за ней человека, она вышла к нему, поблагодарила отца за приглашение и сказала, что в столь позднее время не может явиться к гостям, что у нее болит голова. Великий визирь послал лекаря и, узнав от него, что дочь просто устала, решил наказать ее за ослушание, удвоил охрану и приказал впредь не покидать крепости без его разрешения.

– Значит, великий визирь не знал о том, где была Бану?

– Нет, мой господин, Тана говорит, что никто не знает об этом. Тана передала послание госпожи для вас, – Хасан под-

нес Абу Насру маленький мешочек, украшенный узорами серебряных ниток, там лежало письмо и несколько золотых дирхемов.

Абу Наср молча смотрел на дары. Смешанное чувство стыда и тревоги пробудилось в нем. Бану, хотела она того или нет, напомнила ему о бедности, о том, что он собрался в дорогу, не имея за пазухой ни единой монетки. Но как она смела! И пищу, и кров он всегда добывал сам; за свои труды он мог устроиться караванщиком, наняться писцом или счетчиком к купцу либо толмачом, наконец!..

Конечно, он понимал, понимал сердцем, что Бану не хотела, даже не думала причинять ему боль. Она любит его и хочет облегчить дорогу в Багдад. Ради этого она может пожертвовать не только дирхемами. Ведь она собиралась ехать вместе с ним, она требовала его ответа, его согласия...

Постепенно им овладела тревога. Тревога за Бану. Он понял, что ни Тана, ни Хасан не могли знать всей правды. Быть может, вчера ночью соглядатаи обнаружили отсутствие Бану в крепости? Быть может, они попытались дознаться, где и с кем была Бану, и ей теперь грозит суровое наказание? Конечно, отец любит ее, но у визиря тоже много врагов, и он боится их насмешек; ради своей чести он не пощадит даже дочь, свою единственную дочь, которую, не в пример другим, старался воспитывать решительной и свободной, дав ей знание, приучив к избранному обществу двора, исполняя все ее капризы. Великий визирь был рад, когда она вышла замуж за одного из высших сановников Дамаска, богатого перса-военачальника. Но она рано овдовела. Ее мужа убили взбунтовавшиеся рабы на негрских холмах, где чернокожие невольники осушали солончаки, где земля бела не только от соли, но и от костей погибших рабов из Африки. Бунтовщики были жестоко наказаны. А Бану, оставшись одна с огромным наследством, ведение всего хозяйства доверила, по совету отца, молчаливому сирийцу – беспрекословному исполнителю воли великого визиря. Что же

будет с Бану, если этот сириец или кто-нибудь из других соглядатаев дознался о ее связи с бродячим философом, с тюрком Абу Насром?

Как жесток этот мир! Он отнимает у него Бану, единственного друга, вновь пробудившего в нем любовь! Пусть он, Абу Наср Мухаммед аль-Фараби, до этого тысячу раз отказывался от ее любви! Пусть он, Абу Наср Мухаммед аль-Фараби, считал и считает, что муж, посвятивший себя лишь науке и ведущий жизнь отшельника, должен остерегаться любви, остерегаться любящей, ибо любовь часто бывает слепа и жестока. Пусть! Но он понимает, что без чьей-либо привязанности и преданности, без истинной любви, даже слепой и жестокий человек не может жить, не может творить. Он должен знать, что его кто-то любит, что любовь его жива.

Абу Наср посмотрел на Хасана и, словно увидев его впервые, удивился тому, что тот стоит рядом. Он машинально отдал Хасану мешочек с деньгами.

– Возьми, оставь себе...

– Я понял, мой господин. Все будет готово в дорогу. Любая стража за один дирхем не заметит нас... – быстро проговорил Хасан, пряча мешочек.

– Готовься в путь... – прервал его Абу Наср и унес письмо Бану в комнату, чтобы прочесть наедине.

«Слова мои обращены к тебе, мой повелитель, владыка сердца моего!» – писала Бану. – Пусть простит нас Аллах. Он один спаситель тех, кто взывает о помощи. Одному всемогущему и всезнающему Аллаху известно, как вечно пламя моей любви к тебе. Он, создатель всего сущего, вселил этот огонь. Ведь все, что случается, случается по воле Аллаха. Я в клетке. Тебя ждет дорога. Завтра гулямы владыки снова выйдут на сбор хараджа¹, и одному Аллаху ведомо, сколько крови прольется, сколько непокорных заполнят темницы. Спеши,

---

¹ Налог за имущество, а также налог с верующих.

пока дороги Дамаска открыты. Наместник готовит священную войну еретикам-карматам, иудеям и огнепоклонникам... Торопись, повелитель мой, Аллах милостив. И, когда он раскроет передо мною двери, если на то будет его воля, я найду тебя, мой Абу».

Мелкой, торопливой, но четкой вязью на белом листе бумаги было написано ее письмо. Бану не называла своего имени. Но Абу Наср знал ее почерк. И сейчас, видя перед собой эти строчки письма Бану, он ясно представил, как Бану, его Бану, в тревожной тишине ночи писала это письмо. Она волновалась, боялась, что могут схватить Тану, что ее письмо не дойдет до его рук, и потому скрыла свое имя...

Он ясно представил, вернее, зримо ощущил побледневшее от усталости и напряжения, от тревог и волнений лицо Бану. Родной, единственной. И сердце Абу Насра сжалось, забилось сильнее, как когда-то в молодости.

И, чтоб как-то взять себя в руки, сохранить спокойствие, он попытался думать о другом, о том, как он покинет этот город, город, который стал родным благодаря Бану. Живя в этом городе или в его предместьях, он знал, что где-то близко за стенами крепости живет Бану, и одна эта мысль всегда успокаивала его. Только сейчас, в эти минуты, когда ему предстояло вновь покинуть Дамаск, он осознал всю полноту той любви к Бану, которая жила в нем. Жила, несмотря на то, что он тысячи раз пытался освободиться от нее. Убеждал себя, говорил ей, что любовь не может быть спутником человека, посвятившего себя поискам знаний, поискам истины.

Прав, прав был Платон! Или же Сократ? А может быть, Калликл? Но это не суть важно, кто именно, а важно то, что кто-то из великих говорил: поиски любви – это поиски единства двух начал, совместность желаний, ибо любовь в своем проявлении лишь тогда любовь, когда два «я» сливаются в единое «я».

Каково-то сейчас бедной Бану, что тревожит ее? Или она наконец-то забылась крепким сном, или проливает слезы... Не успокоится она, пока он не покинет Дамаск. Но и тогда будет ли ей спокойнее? Бесконечные смуты, дворцовые перевороты, грызня между религиозными фанатиками, бунт рабов, волнения среди гулямов...

В письме сказано о новом собре хараджа. Всякий раз он сопровождается побоями строптивых горожан и деревенских бедняков – гончаров и скорняков, пахарей и мирабов. Для пополнения казны халифа, а также запасов наместника, кадия и государственных вельмож и для содержания войска у людей отбирают скот и птицу, хлеб и финики, последние дирхемы и последнюю пряжу. Да, права Бану, нужно торопиться, чтобы не видеть новых побоев на площадях города, не видеть стонущих матерей и отцов, чьих детей будут уводить в рабство за неуплату хараджа.

Но лучше ли жизнь в Багдаде? Может, направиться в Иерусалим, Амман, Мыср или Александрию?.. Всюду одно и то же...

Ночные воспоминания, письмо Бану, неясность того, что творится вокруг, – все это запутало мысли Абу Насра. Он впервые почувствовал себя заброшенным, одиноким, словно ладья без весел в пучине океана.

Нет, нельзя предаваться размышлениям. Надо сбрать в котомку все трактаты, отложить на время работу над ними и выйти на площади города послушать людей, увидеть все своими глазами и уже тогда выбирать дорогу на Багдад. Да, вновь в Багдад, в Багдад, потому хотя бы, что там еще остались в живых поэты, что там с упоением слушают сказки, сказки «Тысячи ночей», завезенные сюда персами и индийцами еще во времена первых халифов и переложенные на арабский язык, переделанные и переиначенные в угоду мечте народа о хороших халифах и в угоду самим халифам, а может быть, в назидание им говорящих о сказочно добрых делах царей и шахов?..

Багдадцы как дети, они слушают эти сказки и верят им. Они называют свой город «городом мира», хотя история не помнит, чтобы там когда-либо царило умиротворение и спокойствие. Но не это главное, главное – в том, что он может найти и встретить там духовных отцов «Братьев чистоты и друзей справедливости»...

Абу Наср улыбнулся этой внезапной мысли и радостно потер руки. И когда в комнату вошел хозяин дома – старый халдеец, – он тут же озадачил его таким вопросом:

– Друг мой, в твоих руках много нитей... Ты знаешься с купцами и учеными, тебе известны многие тайны не только дамасского наместника, но и самого повелителя правоверных. Так скажи мне: смогу ли я увидеть в Багдаде в живых Абу-Сулеймана, Абу аль-Хасана, Абу-Ахмеда и, самое главное, светлый и мудрый лик Зенд бну-Рифаа?..

– На все воля творца нашего, кем бы он, этот творец, ни был... – медленно ответил хозяин – Багдад не Дамаск, и халиф не наместник. Он повелитель всех правоверных и хранитель всех мудрых и глупых, даже мы – да что мы – даже дети Заратуштры и многие поклонники Будды ныне зависят от него, мой мудрый гость...

– Окажи мне помощь, мой друг и брат. Научи меня праведностью обрести благую мысль. Так говорил Заратуштра. Я повторяю его слова. Я покидаю Дамаск, я иду в Багдад, мой щедрый хозяин, – произнес Абу Наср.

– Сказал Заратуштра: «В какую землю мне бежать, куда я направляюсь?» Мне не след знать о ваших намерениях, мой мудрый гость. Я поклонник знаний. Смогу ли я помочь человеку, обладавшему великим сокровищем разума? Если да, то я готов услужить вам. Но путь в Багдад сейчас будет труден и далек. Вновь воспряли карматы. Они всюду. Всюду увидишь их знамена со словами из девятой суры священного Корана: «Бог купил у верующих жизнь и их имущество, платя им за них раем...».

– Но эти слова были и на знаменах аль-Баркауи, и на знаменах восставших зинджей¹, создавших свое государство, требовавших отмены рабства, но не давших свободу рабам и от того погибших... – возразил Абу Наср. – Карматы требуют общности имущества и религии, отмены хараджа...

– Пусть сбудутся их желания, – сказал Абу Наср. – Я не слышал ваших слов, мой мудрый гость. Рабам не может принадлежать то, что есть мое. Карматы правы лишь в одном: у каждого свой бог, своя религия и каждый волен поклоняться своему богу.

– Но добродетель должна быть одинакова для всех, плоды дерева должны быть доступны всем. В этом карматы тоже правы. Таково учение и «Братьев чистоты и друзей справедливости», – сказал Абу Наср.

– Я еще раз не услышал ваших слов, мой гость! – воскликнул старый халдеец. – И не знаю «Братьев...», и далек от карматов, и склоняю голову перед милостью наместника повелителя правоверных, который наделяет меня своим вниманием. Я счастлив, что он, как и кади всего Дамаска, принимает мои дары. Их враг – мой враг. Я готов уступить вам две старые книги, с которыми вы коротали ночь, если труды свои оставите у меня на хранение. Я их отдам переписчикам и продам лишь копии. Вам же они не нужны в дороге. Я сказал, что ваш путь будет труден.

– Но он, этот путь, не труднее, чем дорога к повелителю саманидов Нууху и обратно, – возразил Абу Наср.

– Вы тогда исполняли волю повелителя правоверных халифа аль-Муктадира, – сказал хозяин. – На обратном пути вы обошли Багдад.

– На то была причина.

– Прекрасная Бану... – Старый халдеец хитро улыбнулся. – Но она дочь великого визиря и нынче сидит в клетке.

---

¹ Чернокожие рабы, выходцы из Африки.

Абу Наср прямо и сурово взглянул на хозяина. Их взгляды встретились.

— Спокойствие украшает мудрость, — сказал халдеец. — Отец не знает тайны дочери. Мои стены глухи и немы.

— Я вновь предстану перед троном халифа аль-Муктадира и попрошу свободы для нее, — проговорил Абу Наср, направляясь к своему кипчаги, лежавшему рядом с котомкой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Познавай причины вещей.

Гераклит

– Воистину, как говорили древние, простодушию мудреца позавидует малыш, – проворчал Хасан, подгоняя своего устalledого коня, чтобы не отстать от других.

Уйти из дворца халифа, где столько богатств и наслаждений, собственноручно лишить самого себя всех почестей и благ и так вот скитаться по пыльным и знайным дорогам в поисках тени, прячась в караван-салях, каждый день рискуя подвергнуться нападению разбойников или беглых рабов... Нет, не поймет он своего господина. О, прости, Аллах, за дерзостные мысли! Но все же куда мы едем? В Багдад или не в Багдад?

– Эй ты, сын халдейца, чьей матерью была курдская красавица! – окликнул Хасана рослый, широколицый тюрк Санжар, голос которого всегда вызывал у Хасана чувство страха.

– Какие заклинания ты повторяешь или молитву на ходу читаешь?

Санжар был весьма суров на вид, а его щетинистая борода не могла скрыть глубокого шрама на правой щеке, резкой чертой тянущегося от уха к подбородку. И еще, быть может, оттого появлялось это чувство страха у Хасана, что Санжар

когда-то был гулямом у самого халифа, за что-то был наказан и бежал из Самарры... Но как бы там ни было, Санжар почитал Абу Насра так же, как и он, Хасан.

– Куда мы едем? – спросил слуга у Санжара, взяv себя в руки.

– До рая далеко, а ад повсюду вокруг нас, – неопределенно ответил Санжар. – Не правда ли, Зухейр?

Юный сириец придержал своего коня.

– Правда твоя, почтенный брат мой, – ответил Зухейр. – Но не будем нарушать спокойствие Учителя, – кивнул он в сторону Абу Насра, который не слышал их разговора или же не обратил внимания.

Конь ровной иноходью уносил его, погруженного в свои мысли, вперед. Все трое сопровождавших ехали на почтительном расстоянии. Хасан не решался опережать Санжара и Зухейра, однако, как только на дороге появлялись люди – бродяги, гонцы, погонщики караванов, пастухи или работогорцы, под усиленной охраной ведущие бедных зинджей на рынки Дамаска, Аммана или Иерусалима, – Хасан пришпоривал коня и ни на шаг не отставал от Учителя. Весь подобравшись, как пантера, готов был в любую минуту защитить своего господина от любых оскорблений, от любого нападения.

Прошло больше недели с тех пор, как Хасан по приказу своей госпожи, прекрасной Бану, которую он почитал как свою спасительницу, стал слугой и рабом Абу Насра. «Во имя Аллаха, во имя любви моей повелеваю тебе, – наказывала она, – будь щитом для Учителя, если на него враг направит свой удар; стань поводырем, если он, не приведи Аллах, ослепнет; стань рабом, если он прикажет! Будь опорой и защитником для него, стань его слухом, его зрением. Оберегай его ».

И хотя прошло немного времени с тех пор, как Хасан впервые увидел Абу Насра, но кажется, что он, Хасан, – сын погибших от холеры раба халдейца и рабыни-курдиянки, спасенный

от голодной смерти милостью Бану, обученный грамоте и воинскому делу, – знал Учителя всю свою жизнь.

Кажется, не дни, а целые месяцы он провел с этим странным, добрым и, как думалось ему, наивным, как ребенок, человеком.

Собственно, Хасан не чувствовал себя ни рабом, ни слугой. Учитель ни разу не оскорбил, не унизил его. Абу Наср не был для него ни хозяином, ни господином. Даже грозный на вид и грубоватый Санжар поступал с ним, как равный с равным.

Хасан оберегал Учителя как родного отца, а быть может, и больше, чем родного отца. Кто знает, каким был бы его отец, если бы остался жив?..

Хасан не слышал от Абу Насра резкого слова или окрика. Учитель почти всегда был задумчив. Во время коротких привалов он мало отдыхал. Разделив вместе со всеми трапезу, послушав болтовню Санжара, он уединялся. А Санжар, наполнив свой желудок, запросто укладывался где-нибудь в тени деревьев и, подложив под голову седло, тут же засыпал мертвецким сном. Зухейр в такие минуты старался быть ближе к Учителю. В первые дни встречи он лишь слушал Абу Насра. А потом стал его собеседником, порой даже спорил с ним. Но когда Учитель спрашивал его о чем-либо, он смущенно умолкал или же горячился и говорил невпопад. Часто во время беседы – это тоже Хасан отметил про себя – повторял слова своих бывших учителей, называя их имена во всей полноте и с почтением.

– Как говорил старый Абу Сuleйман Мухаммед бну-Харун аз-Занджани: Аллах не сотворил ничего, кроме сотворенного. А это в свою очередь было доказано великим Абу Ахмед ан-Махраднури в его трактатах к трудам величайшего аль-Кинди...

Зухейр часто называл имена Аль-Ауфи и Зеид бну-Рифаа, ссылаясь на их трактаты и послания, называя их «повелителями духа и разума». С восторгом рассказывал он о своих днях, проведенных в «Сокровищнице мудрости» – в библиотеке Багда-

да, некогда основанной халифом Гаруном аль-Рашидом. Увлеченно цитировал стихи Абу Наваса и Хасана Сабита...

Учитель всегда слушал собеседника не перебивая, но однажды – то ли на второй, то ли на третий день после выезда из Дамаска – он все же прервал Зухейра, когда тот уж слишком увлекся воспоминаниями:

– Ты помнишь, брат мой, слова Сократа? Когда один красивый юноша вошел в круг его собеседников и долго молчал, Сократ сказал: «Теперь, чтобы я мог тебя увидеть, скажи что-нибудь...» Помнишь ли ты, что ответил тогда юноша Сократу?

Зухейр смущенно умолк.

– Я увидел тебя с первых же твоих слов, мой брат, – продолжал Абу Наср. – Путь разума жесток, он труден даже для сильных, но порой и слабый обретает силу на этом пути. Я шлю благодарение создателю за то, что встретил тебя, мой друг. И «Братьям чистоты и друзьям справедливости», и их ученикам признание мое...

Зухейр подошел к Учителю и, раскрыв ладони обеих своих рук, положил на них тяжелую руку Абу Насра и прикоснулся к ней губами.

– Я весь в вашей власти, мой Учитель, я счастлив быть вашей тенью.

Зухейр еще о чем-то говорил Учителю, говорил до тех пор, пока Абу Наср осторожно не перевел беседу в другое русло, Хасану, конечно, хотелось до конца послушать их, но нужно было напоить коней и проверить сбрую, кожаные сосуды и наполнить их свежей водой. А тут еще Санжар, как всегда, раздобыл откуда-то кувшин вина и полную чашу сирийского арака. Так что в тот раз Хасан не дослушал разговор Учителя с Зухейром до конца.

Но как бы там ни было, Зухейр понравился Хасану. Он не был похож на тех ленивых отпрысков знати, которых Хасан немало перевидел на своем веку. Скромность, простота, не-

прихотливость и удивительное дружелюбие отличали Зухейра. Он всегда был предупредителен в общении не только со старшими – Абу Насром и Санжаром, но и с Хасаном. И тот был благодарен создателю не только за то, что стал слугою Учителя, но и за то, что обрел при этом таких друзей, как Санжар и Зухейр.

Многое услышал и многое увидел Хасан за эти дни. Если раньше вся его жизнь проходила среди слуг и рабов, если от него требовалось лишь молчаливо сопровождать и зорко охранять свою госпожу во время ее кратких выездов из Дамаска, то теперь он стал равным сотрапезником и собеседником этих ранее не известных ему и не похожих друг на друга, впервые познакомившихся, – если не считать того, что Санжар и Учитель, по их собственным словам, когда-то вместе служили при дворе повелителя правоверных, – друг с другом людей.

А встретились они еще до выезда из Дамаска – вначале с Зухейром, а потом, вновь перед тем как выбраться из города, с Санжаром. И вот как все это происходило.

Прежде чем покинуть город, Учителю хотелось во что бы то ни стало обрести полный текст трактата Абу Бакра Мухаммеда Рazi «Оправдание религий». Обвязав голову простой чалмой, подобно бедуинам и сирийским крестьянам, он перекинул через плечо свою котомку, обвязался кушаком, крепко пристегнул к седлу свой курджун, плотно завернутый в тряпку, кипчаги, сел на коня и, к удивлению Хасана, спокойно выехал со двора, где они провели ночь. Он направился прямо к центру города, туда, где сливались все семь улиц Дамаска, где расположились заезжие дворы, караван-сараи. А дальше – знаменитый дамасский базар.

Хасан неотступно следовал за ним. Ему с детства были знакомы темные лабиринты этого древнего крытого базара. Он не раз приходил сюда в свите своей госпожи или же выполнял ее поручения и никогда не мог насытить своего любопытства, ибо здесь сходились пути всех купцов, всех караванных троп,

идущих с востока и запада, с юга и севера, из кордовского халифата, из царства саманидов, из Китая и Индии... Сколько прянностей, сколько диковинных товаров и каких только людей не встретишь здесь! Заискивающие носильщики и свирепые гвардейцы городской охраны, менялы и сводники, перекупщики товаров и нищие, рабы и бездомные бродяги, калеки и молчаливые бедуины – всех можно было встретить на этих узких, заваленных товарами улицах. Своим острым, пронзительным взглядом стражники ощупывали каждого чужестранца и каждого сирийца, словно взвешивая его состояние и проникая в его душу. Порой они хватали кого-нибудь, выволакивали из толпы и, не обращая внимания на вопли и слезные мольбы, уводили несчастного, подталкивая остриями пик. Порой бросались избивать толпу, услужливо помогая телохранителям какого-нибудь знатного господина расчищать дорогу перед свитой своего хозяина.

Медлительные верблюды, слоны, арабские скакуны пробивались сквозь массу людей. Одни – привычным шагом, другие – подчиняясь воле седока, наезжая на зазевавшихся ротозеев и сбивая их грудью. Пыль, чад, всевозможнейшие запахи, рев верблюдов, скрип телег, барабанная трескотня бродячих музыкантов... И монотонное, бесконечное «алла, алла, ал-лла...» несчастного паломника, обобранного неизвестно где и неизвестно ком, – все это смешалось воедино, создавая то самое людское море, которое зовется дамасским базаром.

Хасан не решался ехать впереди Абу Насра, но ему не следовало и отставать от него, держаться же рядом ему было трудно, то и дело он вынужден был сторониться встречного потока людей. Собственно, тут каждый продвигался вперед как мог. Огромные тюки на верблюдах, идущих навстречу, могли легко столкнуть встречного всадника с седла. Но все же Хасан умудрялся не отставать от своего господина, от Абу Насра.

Он боялся, что городские стражники или еще кто-либо узнают Учителя, что кто-то может заподозрить их. А в чем? Об

этом Хасан и сам не знал толком. По рассказам своей бывшей госпожи он знал, что Учителю грозит такая же опасность, как и тем, кого называют «Братьями чистоты и друзьями справедливости». А тут еще его дурманили эти пряные запахи, дым жаровен, обилие всяких яств на углях да оглушал этот гвалт.

Хасан немного успокоился лишь тогда, когда выбрались из основного потока и попали в лабиринты крытых улиц.

Оглушенные звоном молотков о металл и глотая горький дым кузнечных мехов, они проехали по оружейному ряду, где изготавливали знаменитые сабли из дамасской стали, копья и щиты. Когда дорогу преградила толпа носильщиков с огромными тюками обработанных бараньих шкур на головах, Учитель остановился и загляделся на двух кузнецов-оружейников. Потом, когда проход был освобожден, молча поехал дальше. Он не обращал внимания на выкрики торговцев, которые, цепляясь за стремя, старались показать ему свой товар.

Но вот уже остались позади ряды чеканщиков, ткачей, портных, брадобреев, лудильщиков, скорняков, мясников. Всадники протиснулись сквозь белую толпу паломников, направляющихся в Мекку, и, минуя ряды, где шла торговля золотом, серебром и жемчугами из Басры и Йемена, оставляя позади шумный базар, выбрались наконец в узкий переулок.

Сразу стих шум, над головой снова палило солнце. У высоких стен дремали воины городской стражи. Они были совсем не похожи на тех своих собратьев, которые хозяйничали на многолюдных улицах и в лабиринтах базара. Лениво и склонно из простого любопытства, нежели из-за подозрения, лишь мельком, словно отдавая необходимую дань, посматривали в сторону Абу Насра и Хасана.

Под навесом, в айване, потягивая хуку¹ и перебирая четки, сидело несколько стариков. Толстяк в засаленной чалме, с засученными рукавами рассказывал им какую-то историю,

---

¹ Курительный прибор.

а мальчионка-раб подливал в его пиалу горячего чая. «Видать, хозяин, – подумал Хасан. – У него за монетку можно тянуть хуку до одури».

Уложка еще больше сузилась и свернула влево. Вдали замаячили вершины горы Касьюн. С дувалов, прижимавших уложку с обеих сторон, свисали виноградные лозы, а за дувалами виднелась густая зелень садов и возвышались кроны финиковых пальм.

Учитель остановил коня у неприметных ворот. Не покидая коня, постучал плеткой. Никто не откликнулся. Он снова постучал, крикнув:

– Есть ли кто-нибудь в этом дворе?

Из небольшой двери, вделанной в дувал справа от ворот, неожиданно появился рослый и широкоплечий юноша-сириец в длинной, почти до пят, рубахе и в круглой шапочке из тонкой белой кошмы, надвинутой на копну черных волос. Любопытство и настороженность были в его взгляде.

– Вам кого, почтенный?.. – Юноша не мог закончить фразу, ибо не знал, кто стоит перед ним – простолюдин или богатый купец, городской вельможа или странник.

– Разве здесь не знают, что мусульманину не приличествует допрашивать гостя перед своим порогом? – улыбнулся Учитель. – Скажи, брат мой, здесь ли живет мастер Махмуд?

– Здесь... – ответил юноша, немного замешкавшись, и тут же исчез, плотно закрыв за собой двери.

«Не богач и, по всему видать, не сын богача, – подумал Хасан. – А волосы не стрижены, чудно все-таки. Ведь его накажут за это. Простолюдину не положено носить волосы».

Для Хасана странным было и поведение Абу Насра, который говорил, что ищет книгу, а сам даже не заглянул в книжный закоулок базара, приехал сюда и стоит теперь перед неизвестными воротами и ждет какого-то Махмуда. Удивляла и излишняя его беспечность – не обращает внимания на городскую охрану и делает вид, будто не знает о соглядатаях, кото-

рые могут оказаться везде и даже в этом доме. Ведь сейчас по всему городу ищут еретиков-карматов и таких вот странных книжников, как новый хозяин Хасана. Эх, госпожа Бану, и зачем только отдала ты своего слугу этому непонятному человеку, который не послушался тебя, пренебрег твоей любовью да еще оставил в трудный час? Если бы твой верный слуга остался с тобой, он защитил бы тебя от всех бед, сам пошел бы в петлю, под нож, чтобы спасти свою госпожу! Кто же теперь остался с тобой, кто верен тебе? Одна лишь Тана? Но она женщина. Что же может она? Хитрость у нее да красота, запрятанная под темным платком. Слов нет – она честна и верна. Хасан часто ощущал биение своего сердца, когда стояла рядом Тана; ему всегда хотелось быть смелым и сильным перед ней. А теперь? Что теперь сможет Хасан? Ничего! Он не сможет сказать ей о причудах своего сердца... и не сможет постоять за свою госпожу, за Лал Бану.

А время в Дамаске трудное, страшное. Султан объявил войну всем бунтовщикам и еретикам, он блoudет чистоту веры, честь правоверных мусульман. (О Аллах, убереги своего раба Хасана от страшной кары!) Хоть бы отпустил, освободил бы его этот Учитель! Хасан был бы вечно благодарен ему и помчался бы к своей госпоже, лег бы у ее порога.

Но госпожа велела никогда не покидать этого непонятного человека, защищать его и оберегать, не щадя своей жизни...

Скрип ворот прервал мысли Хасана.

Все тот же черноволосый юноша впустил их. В тенистом дворе было тихо и прохладно.

Учитель слез с коня и передал поводья Хасану. Черноволосый указал на тропку, ведущую под навес к коновязи, затем оглядел улицу и, убедившись, что никто не наблюдает за ними, накрепко закрыл ворота изнутри. Хасан хотел было следовать за Учителем, но тот приказал отвести коней под навес. Юноша пригласил гостя вглубь сада.

У беседки, куда из-за густоты зеленых листьев не пробивались солнечные лучи, его встретил белобородый стариk.

– Чем я заслужил ваше внимание, мой досточтимый гость?

– спросил он, усаживая прибывшего на мягкие бараньи шкуры, расстеленные на тахте в беседке.

– Для меня нет выше чести, чем увидеть знаменитого каллиграфа Дамаска мастера Махмуда, чьи руки сделали достоянием всех читающих мужей ростки разума, заложенные в бесценных книгах мудрых, – ответил Абу Наср.

– Он перед вами, досточтимый гость. Слова твои словно бальзам для моей души... – И старый Махмуд придинул и Абу Насру кожаную подушку.

– Слава Аллаху, на свете еще немало людей, для которых таинство слов ценнее золота, – сказал Абу Наср, обеими руками пожимая руку мастера.

– Мир тебе, незнакомец. Пусть удача сопутствует тебе всюду. Но я не видел тебя раньше. Что же привело ко мне столь знатного мусульманина? – сказал тот и, степенно выглянув из беседки, крикнул: – Эй, кто там? Сайд! Принеси чаю и лепешек!

– Я искатель знаний. Тропа привела меня сюда, к хранителю бесценных даров разума. Чтобы освоить дорогу тех, кто идет по свету в поисках добродетели и стремится воздать добро людям.

– Дороги людей загадочны, мой брат. У каждого свое сердце, свой разум, свой путь. А мера наших знаний – это мера наших трудов и страданий. Наша жизнь в руках Аллаха всемогущего и всезнающего. Все мы его дети, его ученики и рабы. Он всемогущий судья наш, только он может указать нам истоки познания. И он един! Я раб Аллаха, как и ты. Судьба наша в его руках. Добро людям лишь от него одного...

– Но ведь и он тоже плод мыслей и желаний человека, – возразил Абу Наср.

Старый мастер отшатнулся:

— Твои слова дерзостны, мой брат. Пусть Аллах простит меня. Я не услышал твоих крамольных слов. Но если ты послан ко мне верными слугами повелителя правоверных и посланца Аллаха на земле, чтобы испытать меня; если ты, почтенный, один из тех, кто, не щадя живота своего, оберегает спокойствие халифата от всякой ереси, и если ты — глаза и уши великого султана Дамаска, то я безмерно рад, мой брат, мой высокочтимый гость. Я верный слуга халифата и султана. Я собиратель священных писаний о пророках и могу раскрыть перед тобой книгу пророка нашего Мухаммеда, переписанную моей рукой. Да благословит нас Аллах и придаст нам силы! Да казнит он в аду всех неверных, карматских еретиков!

Старец говорил теперь спокойно и твердо, чуть полузакрыв глаза. Казалось, что он не оправдывался перед незнакомцем, появление которого насторожило и обеспокоило его, а исповедовался сам перед собой. От внимательного взгляда Абу Насра не ускользнуло то, что черноволосый Саид вовсе не слуга, а сын хозяина. Подав чаю, лепешек, сущеного винограда и фиников, тот бесшумно исчез. Учитель краем глаза отметил, что хозяин осторожно переставил с одного места на другое опахало из павлиньих перьев, прислоненное к стенке беседки.

Саид направился в глубь сада.

Абу Наср заметил, что там, в глубине сада, куда ушел Саид, за листвами сливовых деревьев мелькнули две тени. И почучял, что там не воры и не соглядатай, а люди, нашедшие приют и убежище в доме старого мастера Махмуда. Быть может, это молодые толкователи священных писаний, философских трактатов и одаренные каллиграфы — ученики Махмуда. И наверное, старый Махмуд боится не за себя, а за них, за своих учеников, ибо какой он мастер, если у него не было бы учеников, продолжателей его дела?

От этой мимолетной мысли об учениках Абу Насру стало вдруг тоскливо до боли, он почти физически ощутил свое одиночество, ощущая пустоту вокруг себя. И вспомнил о Бану — о

своей прекрасной Бану, живущей где-то рядом и оказавшейся сейчас такой далекой и такой беззащитной в этом мире недоверия, подозрительности и страха. Где она сейчас, что с ней? Он медленно перевел свой взгляд на Махмуда, прямо вглядевшись в его глаза. Мастер непоколебимо ждал, что скажет гость.

– Мне не нужна книга пророка, – спокойно, весомо и прямо ответил Абу Наср. – Мне не нужен Коран. Я не соглядатай и не палач. Мне нужен полный текст трактата Абу Бакра Мухаммеда Рazi «Опровержение религии». И еще. Я не богат и не беден, не ростовщик и не купец, я могу уплатить лишь два золотых дирхема за этот трактат. А тайна его купли и продажи уйдет из Дамаска вместе со мной. Я скиталец, верь моему слову, мудрый и великолушный мастер.

– Кто ты, чужестранец, осмелившийся усомниться в словах непревзойденного каллиграфа и писца, который пользуется благосклонностью и покровительством самого великого султана – мудрого наместника халифа в Дамаске? – твердо проговорил Махмуд, не сводя глаз с лица Абу Насра. – Меч возмездия ждет тебя! Нынче ересь казнят, нынче льется кровь карматов и «Братьев чистоты...», которые запутались в сетях Азраила. Не гневи Аллаха и его тень на земле – повелителя правоверных! Я слышу речь безумца, ставящего трактат Абу Бакра превыше святого Корана... Знаешь ли ты, мой досточтимый гость, что Абу Бакр казнен в Рее по приказу самого халифа?!

– Я был в Рее после его казни, – спокойно ответил Абу Наср. – Его мысли не подвластны халифу. Старик промолчал.

Твои сомнения напрасны, мастер Махмуд, – устало и, казалось, равнодушно сказал Абу Наср. – Да, действительно настали тяжкие времена, если соловьи уподобляются сорокам, если страх рождает неверие даже в сильных, если сокровища мудрости держат под замком от жаждущих знаний. Да и чему удивляться? – И он встал, намереваясь уйти.

– Гостю не подобает уходить из дома, оставив хозяина в неведении, – уже мягче, словно заглушая свой гнев и обиду,

сказал Махмуд. – Ты не назвал своего имени, не назвал своего племени.

– Я искатель знаний.

– Я знаю всех ученых, живущих на берегах Барады, Тигра и Евфрата...

– Я не араб, не иудей, не сириец и не перс. Я тюрк из племени кипчаков. Мое имя Абу Наср Мухаммед ибн Мухаммед из города Фараба.

Седой Махмуд степенно поднялся с места, выпрямился и снова всмотрелся в лицо незваного гостя. Снова встретились их взгляды. Тонкие, жилистые пальцы правой руки старца быстро и бесшумно перебирали четки. – Чем подтвердишь ты имя свое? Или это вызов, дерзость?! Если ты назвал это имя, будучи недостойным его, то будь ты трижды оруженосцем халифа, палачом или соглядатаем, то и тогда, видит Аллах, мастер Махмуд не убоится прогнать тебя со двора. Абу Наср улыбнулся.

– Великий мастер, я не так уж мудр и не так смел, чтобы соглядатай и палачи Дамаска знали мое имя. Я простолюдин, бывший воин и гулям и подтвердить могу свое имя лишь любой строчкой аль-Кинди, изречениями Сократа в описаниях Платона или стихами Абу Наваса и словами Гераклита об огне и космосе... Аристотель же мой учитель... По твоему выбору, славный мастер. Но знай, мое время сейчас течет как песок в стеклянном сосуде. Последняя песчинка может превратиться в скалу Джабраила и преградить мне дорогу из Дамаска. А если палачи султана придут сюда, то знай, мастер, мы оба окажемся в цепях.

– Аллах всемогущ! Спокойствие и терпение, Учитель! Султан пока милостив к своему слуге Махмуду, – сказал Махмуд, торжественно подчеркивая последнее слово. Мaska отрешенности и спокойствия слетела с его лица. Опустив четки, хозяин дважды хлопнул в ладоши и позвал: – Саид!

– Я здесь, отец!

— Смотри внимательней, чтобы по улицам не бродили ослы и с дувалов не торчали уши. Накорми слугу гостя, напои коней и дай им овса. Прошу вас, Учитель. Благодарение создателю, что он сегодня не обделил меня радостью, прислав такого гостя, как вы. И хотя время летит быстротечно, а ваш путь еще далек, я не могу так скоро расстаться с вами. Будем терпеливы. Суэта — удел других. Мои друзья помогут вам выйти из лабиринтов Дамаска, я же хочу раскрыть перед вами все свои сокровища — все свои книги...

Они вошли во внутренний дворик, прошли вглубь сада по узкой крытой аллее, над которой свисали гроздья винограда, цветы и сливы, миновали запрятанную в зелени беседку с маленьким фонтаном, где сидели трое молодых людей, склонившихся над раскрытыми книгами, уложенными на низкие деревянные подставки, — в руках у них были тростниковые каламы, рядом на гладких досках лежали золотисто-белые листы египетской бумаги.

— У них острый глаз, они чувствуют красоту слов и изящество букв. Великий султан доволен их работой и заказал еще три экземпляра священной книги, — сказал Махмуд, приглашая гостя в прохладную комнату и указывая на почетное место.

На низком круглом столике стояла плоская медная чаша, наполненная сушеным миндалем, фисташками, орехами, фундуками, изюмом и другими плодами. Слуга-зиндж по знаку Махмуда принес чаши с теплой водой для омовения рук, подал полотенце.

Не успел Абу Наср помыть руки и усесться поудобнее, как перед ним уже стояла чаша с пловом, чайник с мятным чаем, а на скатерти лежали тонкие мягкие лепешки. Хозяин сам принял из рук слуги кувшин с вином.

— Пусть войдет Саид! — наказал слуге Махмуд и наполнил чашу из тонкой меди, сплошь покрытую чеканными

узорами, по которым можно было догадаться, что изготовлена она мастерами из Реи.

Вошел Саид.

– Сын мой, скажи Зухейру, чтобы он принес нам то, что уложено под пергаментами, а также трактат Абу Бакра, что привезен из Басры...

Пока Махмуд говорил с сыном, Абу Наср огляделся.

Пол комнаты был устлан изысканным персидским ковром. На стенах висели ковры из Мекки и Медины. На одном из них был выткан рисунок: символ суннитов – Черный камень из Мекки, на другом: ладонь пророка Али – символ шиитов. «Да к кому же принадлежит сам хозяин суннитам или к шиитам?¹» – подумал Абу Наср, но не стал об этом спрашивать Махмуда.

А слуга уже внес в маленьких чашах свежий ароматный бульон, куски горячей баранины, приправы и закуску из ранних овощей, поставил еще один низкий широкий стол и заполнил его яствами. Абу Наср отпил глоток вина и, оторвав от грозди маленькую виноградинку, очень долго разглядывал ее.

– Земля Дамаска плодородна, она происходит от вулканических лав, и в этой виноградине бродит сок, достойный вдохновения самых больших поэтов, – сказал Махмуд, перехватив взгляд гостя. – Вы назвали имена поэтов Абу Наваса и Хасана ибн Сабита. Они любили вино и женщин, не верили в потустороннюю жизнь, как и карматы.

– Всякое сравнение возможно, досточтимый Махмуд. Но сравнение полезно, если оно вызвано с целью внести ясность в предмет спора. Я назвал их имена не для того, чтобы сравнить их с карматами, а чтобы завоевать ваше доверие. Современником Хасана ибн Сабита был и поэт из Мекки Кааба ибн Зубейра. Они оба были сподвижниками пророка Мухаммеда. Кааба ибн Зубейра вначале высмеивал ислам и самого пророка

---

¹ Сунниты и шииты два основных направления ислама.

как несостоявшегося поэта, а после перешел на сторону Мухаммеда, за что пророк наградил его своим плащом. И это стало традицией в исламском мире – награждать поэтов халатами и плащами за услужливость. Хасан ибн Сабит стал еще более услужлив, чем Кааба ибн Зубейра, он так ревностно воспевал учение Мухаммеда, что сам пророк повелел, чтобы поэту всегда выделялась часть военной добычи, хотя тот никогда не участвовал в походах и битвах. А разве дела карматов схожи с деяниями тех двух поэтов? Разве карматы не требуют свободы для всех сект и каст в исламе, свободы религии и равенства имущества? Разве они не дают своих толкований Корану? А те поэты слепо верили пророку или, быть может, просто поддались славе пророка и стали его тенью... А что касается вина и женщин, то самым неизменным их поклонником был сам пророк Али. И потому, как известно, Мухаммед во время гнева на Али сказал, что правоверному мусульманину не следует пить вино и украшать свои стены в спальнях непристойными картинками...

– О всемогущий, прости нас за столь обнаженную суть наших речей! – торопливо проговорил хозяин. – Я преклоняюсь перед логикой вашего разума, мой мудрый гость. Оставим в покое и поэтов и карматов. Я говорил лишь о поэте Абу Навасе, любимце Гаруна аль-Рашида. Но сей разговор не для слуха юных поклонников знаний, – добавил он, заметив, что в комнату вошел высокий юноша с тонким лицом и вперил в гостя удивленно-восторженный взгляд. Затем почтительно склонил голову; на его руках лежал шелковый сверток, а поверх свертка – книга. Махмуд подошел к нему, взял книгу и почтительно передал ее Абу Насру.

– Это то, что вы искали – трактат Абу Бакра о религии. Примите ее как мой дар. Я счастлив предложить ее вам...

Абу Наср с благоговением принял рукопись, раскрыл ее и тут же увлекся чтением. Он не заметил, как Махмуд бережно взял из рук юноши оставшийся сверток и, развернув его, вы-

тащил еще одну книгу, раскрыл ее, положил на кожаную подставку, стоящую в углу. Кивком головы Махмуд предложил сесть юноше и сам, заняв место напротив Абу Насра, молчал, разламывая теплые мягкие лепешки.

Абу Наср наконец оторвался от чтения, взглянул на Махмуда и, словно спохватившись, неторопливо проговорил:

– Ювелиры и чеканщики, кузнецы и гончары оставляют творения своих рук поколениям как память веков, безмолвную память. Они достойны великих похвал. Но какова же должна быть хвала и цена труда тех, кто кропотливо и любовно, бережно и нежно переписывает книги! Они раскрывают и расчищают дорогу для знаний сквозь невзгоды и жестокость тысячелетий, чтобы разум предков передать потомкам, и тем самым заставляют вести беседу, спорить, опровергать или продолжать дела великих мужей прошлого. Наверное, родится когда-нибудь поэт, который восславит труд переписчика-каллиграфа, без которого давно бы оборвались нить истории, развитие науки, забылись бы слова Сократа, стихи Гомера и трактаты Аристотеля, мысли аль-Кинди и стихи Абу Наваса... Твой труд благороден, Махмуд, прекрасна цель твоя, твой калам ткет узоры вечности, в которых заложены дыхание, разум, смятение и счастье, любовь и жестокость, поиск, страдание и радость людей. Позволь, мастер, отныне называть тебя шейхом не за старость и не только за мудрость, а за благословенные дела твои. И пусть отныне твои ученики зовут тебя «мудрым мастером», учителем-шейхом. И пусть поддержит меня в этом наш юный друг, – Абу Наср обратился к юноше.

Юноша смущенно встал с места и поклонился в знак согласия.

– Его зовут Зухейр. Он не только переписчик книг, у него интерес к наукам и открытиям, – сказал Махмуд. – Благодарение Аллаху за столь великую радость! Благодарение вам, Учитель, за ваши слова. Видит создатель, вы во сто крат превысили меру даров, которые я смог бы получить за свои труды даже

у самого богатого и щедрого заказчика. Ваши слова вдохнули в меня силу, окрылили меня. Но если труд каллиграфа подобен труду человека, воздвигающего мосты времени, то ныне, в это время смут, уже родилась пословица, которая гласит, что чернила ученого должны цениться наравне с кровью мученика. Переписывая книги, мы наслаждаемся красотой слога ее создателя, восхищаемся глубиной его мысли, его разум словно источник для нашей собственной жизни. Он утоляет жажду ищущего, подобно живительной влаге Зем-зема. И мы как водоносы, которые наполняют свои бурдюки из источника Зем-зема и по чаше раздают воду паломникам, чтобы они продолжили свой путь по пустыне. А источник для нас, для дел наших – это ваш разум и разум тех, кто подобен вам... Но что же это я? Зухейр! Налей нам вина, гости почтуют не только словами... А теперь позволь мне, Учитель, спросить: как вы нашли мой дом, кто привел вас?

– Мне указал ваш дом старый халдеец, страстный любитель книг и древних пергаментов, знаток всех тайн Дамаска и хранитель всех богачей Дамаска, – ответил Абу Наср.

– А, эта хитрая лиса, заказчик и перекупщик книг, – успокоился Махмуд. – Он же ростовщик. А книги – его слабость.

– Я был у него. И еще вчера собирался покинуть Дамаск, но, когда настал час отъезда, халдеец сказал мне, будто халиф объявил, что теперь начнется самая жестокая расправа над исмаилитами, ибо карматство исходит от них и от всех книжников, от ученых и поэтов.

– Остановись, Учитель! Откуда знать ростовщику о тайнах халифского двора?

– Ваши суждения могут быть логичны лишь в том случае, если великий султан действительно еще не знаете о новом приказе халифа... – ответил Абу Наср.

– Я потрясен вашими словами и вашим спокойствием, Учитель! Вы говорите о повелителе правоверных словно о простолюдине. Но вы знаете могущественного аль-Муктадира, знае-

те не только об его жестокости и коварстве, но и о его почтении к наукам и поэзии. Аль-Муктадир завидует славе Гаруна аль-Рашида и походам трех халифов Омаядов, прославивших Дамаск, – Муавия, Абд аль-Малика и Хишама. Так может ли он отдать приказ казнить всех ученых и поэтов?!

– Мой бог один – истина. Та истина, ради которой, презрев все страхи, ты продолжаешь свою работу, переписывая и тем самым увеличивая число книг, запрещенных повелителями правоверных; та истина, которая ведет нас по окровавленным дорогам, рождая презрение к палачам, кем бы они, эти палачи, ни были – молчаливыми гулямами или владыками, воспетыми в панегириках поэтов.

Сколько книг написано о них?! Писали индийцы и персы. Сколько дастанов, сколько сказаний есть у персов: и «Худайнамэ», есть «Большая шах-намэ» и «Тарихи Систан» и все эти книги о владыках. И во всех этих книгах персы говорят о величии духа персов, а книги арабов говорят о величии арабских владык. И вы, мастер, продлеваете жизнь этих книг. Во имя чего, спрашивается?!

– Чтобы люди узнавали истину сквозь строки. Чтобы помнили имена палачей и их жертв. Я тоже хочу написать книгу. Книгу о правителях, но о правителях благородных, таких, какими они должны быть. Вот почему мне интереснее читать Абу Бакра, нежели заниматься воспоминаниями о благодеяниях халифов...

Долгие годы ушли, безвозвратные годы, – продолжал Абу Наср, отпив глоток вина. – Я попал в Багдад в пору своей юности и, видимо, был тогда подобен ему, – Абу Наср кивнул на Зухейра. – Прекрасная пора надежд и разочарований, пора мечты о подвигах и открытиях, – Абу Наср на миг закрыл глаза, отдавшись во власть далеких воспоминаний. Исчезла его подтянутость. Он стал похож на глубокого старца, мучительно думающего о чем-то своем. Махмуд не тревожил его. – Годы

как цепи на ногах и свинец в груди. Хочется покоя. Но время торопит, – задумчиво произнес Абу Наср.

– Учитель, вы говорили о халифах и о своей юности. Мы слух и внимание. Ваш рассказ даст радость открытия этим молодым людям – искателям знаний, ученикам «Братьев чистоты...». Я уверен, что время, отданное им, в будущем не вызовет сожалений у вас, – сказал Махмуд.

Тут только Абу Наср с удивлением заметил, что в комнате собралось уже несколько молодых людей с пытливыми глазами, подобных Зухейру.

– Хоть меджлис начинай. Но предмет беседы должен быть иным... – оживился Абу Наср.

– Воистину вы правы, Учитель. – Махмуд встал. – Сам создатель помог нашей встрече с вами: здесь собрались те, кто первыми в Дамаске раскрыли страницы сей бесценной книги, и с того часа, с того дня на устах и в мыслях наших лишь она одна.

Зухейр и еще один юноша взяли с подставки книгу, которой еще не видел гость, и передали Махмуду, а тот – Абу Насру, который с почтением принял книгу, взгляделся в страницы, поднял голову.

Стояла тишина. Абу Наср вновь склонился над книгой, торопливо перевернул еще несколько страниц. Он был потрясен.

Это был его, Абу Насра, труд! Это была его книга. Да еще какая! Именно та, которую он считал навсегда потерянной, сожженной саманидами или разорванной. То была его «Талим ас-сани...» («Второе обучение»). Книга, за которую он чуть было не поплатился жизнью.

Но откуда она здесь? Где, когда и кем она переписана?.. Ведь он был уверен, что ее, книги этой, больше нет. Ведь он не смог тогда, в те тяжкие дни, вывезти, вернее, унести с собой из Бухары единственный экземпляр, который был написан им собственноручно. По приказу нового шаха саманидов Нуха

книга была тогда отнята у него... Абу Наср встал с места и с книгой в руке подошел к Махмуду.

– Вы сегодня принесли мне радость, мастер. Вы словно великий волшебник вернули мне то, что я считал навсегда потерянным, вернули мне силу и веру в бессмертие добрых дел. Я не знаю, как отблагодарить вас! Но как это удалось, каков путь этой книги, кому я обязан тем, что она найдена, сохранена, переписана и доставлена сюда, в Дамаск?

– Ты ошибаешься, Учитель, книга перестала быть твоей в тот миг, когда ты поставил в ней последнюю точку. Разум и знание, вложенные в строки на бумаге, перестают быть достоянием одного человека. Даже того, кто вложил в нее всего себя, свои знания и разум. Не вы, а мы должны воздать хвалу Аллаху всемогущему, давшему вам здоровье и силу для таких трудов. Это бесценный дар разума людям. Я теперь знаю, почему вас заинтересовал трактат Абу Бакра о религии. Но коль вы спросили, какова мера оплаты за эту встречу с вашей книгой, то у нас у всех лишь одно желание – сегодняшний день вы отадите нам, мне и моим ученикам. Мы хотим услышать ваши беседы о Бухаре и Багдаде, о том, как родилась эта книга. И еще: вы должны собственно подтвердить, что переписчик не исказил слов и мыслей, – сказал Махмуд.

Абу Наср заметил, что у дверей стоит Хасан. У него выжидающий взгляд.

– Мой спутник чем-то встревожен. Говори, Хасан, каковы твои вести? – обратился он к слуге.

– Не обессудь, господин, за беспокойство. Но по улице ведут карматоры, на них цепи. Во всех кварталах ищут бунтарей и книжников, отбирают их имущество. Я слышал слова тех, кто вел карматоров в зиндан. Один из них сказал, что у всех ворот усиlena стража и хватают каждого, кто вызывает у них подозрение. Говорят, будто такова воля халифа... А к вечеру все ворота города закроют совсем...

Сайд подтвердил слова Хасана.

– Спокойствие и терпение, – сказал Махмуд, вглядываясь в лицо гостя. – Придется переждать.

– Я не верю ни в чудеса, ни в рок! Но как же понять это совпадение? – проговорил Абу Наср, обращаясь к Махмуду. – Точно такие же слова сказал мне слуга в Бухаре, когда я, завершив сей труд, поставил последнюю точку и находясь во власти приятной усталости, испытал ту великую радость, которая присуща пахарю, собравшему добрый урожай. Тогда ко мне ворвались посланцы Нуха и повели во дворец к новоявленному владыке саманидов. Скажи, мастер, может ли повториться все точь-в-точь, как было? Нет! Ибо тогда случайность могла бы стать закономерностью по отношению к одному и тому же существу во время жестоких столкновений зла и добра в утробе одного и того же государства.

– Все в руках создателя, досточтимый Учитель, – сказал Махмуд. – Мы не в силах изменить ход событий. Терпение – вот суть всех решений и всей веры человечества. Я главный переписчик и каллиграф султана и наделен его защитой. Мой очаг неприкосновенен. Не будем торопиться...

– Ты прав, мастер, – Абу Наср устало опустился на свое место. – Сегодня закрыты дороги перед нами, а завтра эти дороги будут наши – в этом тоже суть, суть противоречий. Нам сегодня не до городских сует и не до забот владык. Предадимся беседе.

– Вы уже начали свой рассказ, Учитель. Мы с нетерпением внимаем вам – торопливо вставил юный Зухейр, смущенно покраснев. Абу Наср внимательно взгляделся в его лицо.

О разум великий, о первый сущий, что за лицо? Откуда оно знакомо? Где он видел раньше такого же юношу?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Знание – это око человека в прошлое и будущее...

Воспоминания, воспоминания...

Они часто уводили Абу Насра в мир пройденных дорог, заставляли заново пережить радости и горести, встречавшиеся на долгом жизненном пути, и порождали бесконечные раздумья. Память Абу Насра была удивительно щедра. Она могла восстановить любое событие минувшего до мельчайших деталей, но в то же время, подчиняясь течению и логике его мыслей, она выделяла из тысяч лиц и из многих событий то, что было связано с увиденным и пережитым в данное время, что было схоже с событиями дня...

Вот и сейчас, взяв в руки «Талим ас-сани...», он вспомнил все события, связанные с ее написанием. А увидев Зухейра, который передал ему книгу, подумал, что он, этот юноша, удивительно похож на того юного саманида, которого он видел на площади в Бухаре.

Как все схоже и не схоже в этом мире! Юный саманид в тот далекий день, не страшась палачей, на глазах у всех бухарцев, подошел к ослепленному поэту и, положив его руку на свое плечо, молча увел из Бухары. И никто – ни палач, ни стражка – не посмели помешать ему, этому тонколицему, безусому, сме-

лому юноше. А он, Абу Наср, стоял тогда в толпе иноземных послов и вельмож, плотно окруженных воинами Нуха, и не знал, не ведал, чем закончится тот день – казнью на площади, или ослеплением, или вновь поведут в темницу, или же просто отхлестают плетью и прогонят вон...

Но знает Аллах, в те минуты, стоя на площади в Бухаре, он не думал обо всем этом. Он смотрел вслед ослепленному поэту, который, положив руки на плечо юноше, почувствовал опору, гордо подняв голову к небу и осторожно ступая, уходил из Бухары. Поэт был обвинен в карматской ереси – так гласил приговор. Но истина была еще и в другом. Поэт любил. Он полюбил рабыню Нуха. Казнили не только за бунтовство, но и за любовь.

Абу Наср знал поэта Абу Абдулхасана Джаддара ибн Мухаммеда ибн Хаким ибн Абдаррахман Рудаки.

Абу Абдулхасан был единственным человеком в жизни Абу Насра, с которым он при первой же встрече почувствовал родство духа.

Абу Наср увидел его в первый раз в тронном зале владыки саманидов Наср ибн Ахмеда, куда он попал вместе с иноземными послами и купцами в свите посла багдадского халифа. В тот день Нух, сын Насра ибн Ахмеда, по приказу которого ослепили поэта, тоже сидел на троне, установленном рядом с троном отца.

...Абу Наср задумчиво наблюдал за искусством волшебника из небесной империи, любовался пластичностью танцев красавиц Хиндустана и нежностью юных хорезмиец, слушал персидянок...

Под могучими сводами тронного зала перед владыкой саманидов, перед знатью священной Бухары и перед послами иноземных царей звучали песни и музыка многих народов. Но особенно взволновали его танцы таразских красавиц и музыка старца из Отара.

То были первые дни его пребывания в Бухаре, первые дни в родном kraю после долгой, долгой разлуки. Здесь совсем рядом, на границе Саманидского государства с Великой степью, на берегу Сейхуна, а по-кипчакски – на Сырдарье, стоял его родной город, родной Оттар, откуда он еще в юности, после гибели отца, направился в далекий Багдад.

* * *

Это случилось в год снежного барса, в месяц быстроногой лани. Однажды ранним утром Абу Наср был поднят с постели гонцом отца, который еще накануне выехал в степь с сотней дружинников из своего племени и теперь приглашал сына принять участие в охоте на куланов, лисиц и волков.

Абу Наср не мог ослушаться. Отец редко вспоминал о нем при жизни матери. А теперь всячески старался держать сына около себя, чтобы преподать уроки военного искусства, хотя к тому времени Абу Насру уже минуло восемнадцать лет и он уже слыл метким стрелком, отличным копьеметателем, ловким борцом и хорошо владел саблей.

Отец знал обо всем этом, и конечно, родительское тщеславие было бы удовлетворено, если бы не увлечения сына.

Знать грамоту, знать языки арабов, персов и греков, знать дари и хинди или язык иудеев – куда ни шло. Дружиннику, гуляму, а тем более полководцу – отец мечтал его увидеть таковым – такого могучего города, как Оттар, стоящего на перекрестках всех дорог, нужно знать, о чем пишут или о чем говорят враги. Языки нужно знать еще и для того, чтобы вести переговоры с послами или даже самому стать послом, если на то будет воля владыки города.

Со временем сын мог стать не только великим воином кипчаков. Но для всех этих дел хватит знания языков. А читать?!

Мусульманин должен знать лишь одну святую, небесную книгу – Коран. А уважать он должен лишь силу меча, ибо только сила может дать власть и заставить людей уважать

тебя. Только перед святыми строками Корана должно преклоняться!

Но его сын читает какую-то ересь! Так говорят люди. Сын якшается с бродячими греками, индусами, китайцами, иудеями, проводит время не где-нибудь среди рабынь-красоток, не в кругу отцовских дружинников, а в хранилище древних рукописей. Сидит там целыми днями, выполняя приказания облезлого, полунищего старика со слезливыми глазами, которому владыка поручил хранить эти никому не понятные огромные книги.

Отца тревожило то, что его Абу – уласи Аллах! – превратится в какого-нибудь безвольного писца или презренного сочинителя хвалебных песен, за которые платят дирхемами. Подобные сочинители часто угождают лишь тем, в чьих руках плеть, они податливы, бессильны и похожи на псов, которые скулят и виляют хвостом, когда хозяин в гневе бьет их, и с осторвенелым лаем бросаются на каждого, когда хозяин, подбросив жирную кость, перстом прикажет облять друга или врага.

Отец опасался, что его Абу не испытает сладости побед на поле брани и азарта дележа военной добычи, не познает победного, упоительного ликования у костра, не ощутит тех услад, которыми одаривают своих победителей пленные невольницы, рабыни.

Конечно, в отце порой пробуждалась гордость, когда учёные мужи Отрака говорили о щедром даре постигать науки, ниспосланном его сыну самим Аллахом. Но все же ученье ученьем, а сила силой, ибо ученье тоже служит силе. Это знает он, вождь кипчакских племен, которых побаивается сам великий владыка города. Сила владеет миром, меч помогает управлять людьми. Только сила, вселяющая страх в людей, держит в повиновении и тех, кто живет в городах за толстыми стенами крепостей, и тех, кто кочует в степи. Даже в Коране сказано, что слабый должен покоряться сильному. На то воля Аллаха.

Так рассуждал отец, великий воин Мухаммед ибн Тархан ибн Узлагат-Турки.

Отец был разгневан. Узнав о том, что Абу не счел нужным сопровождать его на первую осеннюю охоту, он отправил за ним своего личного гонца.

Вот почему гонец ворвался в покой юного Абу Насра.

Отпив свежего кобыльего молока, закусив куском куланьего мяса и просяной лепешкой, Абу вскочил на скакуна и в сопровождении таких же, как и он сам, молодых воинов выехал за главные ворота Отрара. Стража проводила их удивленными взглядами – куда же в такую рань направились молодые дружины?

Первые лучи солнца только что коснулись лазурного купола недавно отстроенной главной мечети, возвышающейся в центре цитадели города, когда Абу уже мчался в нескольких верстах от города, миновал поселения пахарей, тесным полуокругом прижимавшихся к Отрару с севера.

Гонец, сменивший коня, пытался было опередить Абу, чтобы указывать дорогу к стоянке отца, но сын вождя кипчаков был похож на отца, он не любил, когда чужой конь опережал его. Да к тому же Абу сам неплохо знал места охоты отца.

Отрарский оазис был не только благодатным краем для земледелия, там находились огромные заросли турангового леса и камыша, где в изобилии водилась дичь.

Миновав сады и хлопковые поля, свернув в сторону от троп и дорог, Абу направил скакуна на обширную равнину, густо заросшую шиповником, слоновой травой, облепихой, барбарисом и турангой. Равнина кое-где была изрезана оврагами, а порой вздыблена мохнатыми холмами. На холмах росла таволга, сопутствующая пахучими кустами дармины...

То были девственные места обширного Отрарского оазиса, где можно было неожиданно встретить стадо обитающих в зарослях тугая кабанов, а там, где начиналась ковыльная часть степи, встретить табун диких куланов; можно было при случае

сойтись с глазу на глаз и с тигром. Что же касается золотистых фазанов, ожиревших куропаток и других птиц, то их в этих краях водилось великое множество. Но охотились на них редко: вожди презирали такую охоту.

Абу торопился. Под яркими лучами солнца быстро оттаивала тонкая пелена снега, укрывшая землю два дня назад. Воздух был свеж, сухой ветер бил в лицо.

Близился полдень, когда наконец достигли места охоты. Гонец первым увидел четкие следы коней дружиинников Тархана.

Долину, которая с востока на запад пересекала древняя, ныне уже заросшая и потому едва заметная дорога, ведущая из Тараза в Дженд, покрыла слегка подтаявшая пелена первого снега. Четко выделялись следы копыт.

Судя по следам, отец сделал здесь остановку и разделил своих дружиинников. Одну группу загонщиков он послал в обход слева, другую – справа. А сам с остальными медленно поехал прямо в ожидании сигнала к охоте, когда появятся вспугнутые загонщиками куланы.

Вглядываясь в следы коней и в едва заметные очертания древней дороги, Абу поймал себя на том, что он вовсе не думает об охоте, что ему хочется свернуть в сторону и скакать по этому древнему пути к Джендскому морю.

Куда она приведет? Прямо к морю, или к устью Дарьи, или же к холмам погибшего города? Ведь старые люди говорят, что от Дженда – от этого великого города древности – не осталось и следа, что Сейхун, меняя русло и разливаясь, поглотил этот город, сровнял его с землей. Говорят, что после первого затопления города Сейхун на какое-то время оттянул от Дженда свои воды, и люди попытались вновь обжить Дженд, но увидели, что город стал царством змей, и покинули его навсегда. А потом Сейхун вновь потопил его.

Когда это было? Великий город, давший свое имя безбрежному морю в степи, не мог исчезнуть бесследно...

Погруженный в свои мысли, Абу не заметил, как пропаскали расстояние еще с полфарсаха. Но вот он увидел, что опередивший его гонец вдруг слетел с седла и, как дворовый пес, забегал на четвереньках. Оказалось, он разглядывает комья глины и снега, взрыхленные копытами множества коней, следы большого количества всадников, проехавших здесь после дружинников отца.

— Аруах, ханабах! — Крик гонца скорее был похож на визг побитой собаки. Поднявшись во весь рост, он вскинул руки к небу. — Тархан окружен войском врага! Спаси нас небо! Спаси Аллах!

Абу Наср хлестнул коня плетью. Скакун грудью снес с дороги гонца. Уставший, взмыленный белый конь на последнем дыхании рванулся вперед. Абу свернулся в пересохшее в давние времена русло Сейхуна и повел своих друзей по его дну.

Когда промчались расстояние в один фарсах, острый слух Абу уловил пронзительные крики схватившихся насмерть воинов. Он круто повернулся коня и выскочил на белую от снега равнину. Снег и солнце слепили глаза. Он видел лишь дружинников Тархана, яростно отбивавшихся от наседавших врагов.

— Я здесь, отец! — вскричал Абу.

Его конь встал на дыбы. Передние копыта на мгновение повисли в воздухе. Выкатив раскрасневшиеся глаза, скакун, казалось, примерялся, в каком месте вклиниться в яростную сечу.

Напавшие на отца заговорщики, считавшие, что ни одна живая душа не знает о их коварном замысле, были потрясены увиденным: сам сын Тархана примчался на помощь отцу на белом скакуне во главе отряда молодых бойцов — сыновей городской знати, жаждущих подвига на поле брани. Но самое страшное было то, что за сыновьями могли подойти отцы со своими телохранителями и наемными воинами. Значит, и отарская гвардия Тархана уже в седле и мчится сюда.

Ужас обуял их. Часть бросилась прочь, не слушая окриков

и угроз своих предводителей, стремясь скорее укрыться в камышах и оврагах.

Тонкая стрела со свистом пронеслась мимо Абу, едва не впившись в его незащищенную грудь. Но уже в следующее мгновение он сорвал с седла щит и, защищаясь им от удара копья, выхватил из ножен свою острую кривую саблю, поданную отцом.

Отбиваясь от ударов, он все искал отца. И наконец увидел его коня, окровавленного, с разорванными поводьями и перевернутым седлом. Ошалев от страха, животное вырывалось из гущи битвы.

– Отец! Где ты? – вскричал Абу не помня себя.

И Абу увидел: в стороне от других, волоча ногу, без шлема, отец отбивался щитом и мечом от наседавших на него двух знатных воинов. Сискаженными злобой и звериным восторгом лицами они победно кружили над пешим, израненным Тарханом, как огромные орлы над загнанным волком. То были предводители коныратовцев, служивших в оттарском войске под началом отца.

Отец все же не был похож на волка, он отбивался молча, исступленно, с достоинством, как старый лев.

С устрашающим криком Абу обрушился на тех, кто так жестоко издевался над отцом. Друзья подоспели ему на помощь, и вскоре оба коныратовца лежали на свежем снегу зарубленные.

Абу слетел с коня, успел поддержать падающего отца и только теперь увидел, что вражеское копье разорвало ему бедро, сабельный удар разрубил плечо и лицо в крови. Кинжалом распоров кожаные штаны отца, Абу попытался остановить кровотечение жженым куском кошмы и жгутом. Ему удалось перевязать ногу, но кровь, хлеставшую из отцовского плеча, остановить не удалось. Отец умирал.

Собрав последние силы и не отрывая взгляда от лица сына, отец потребовал:

– Пить!

Глотнув воды, поднесенной сыном в ладонях, и зажав свежими пальцами здоровой руки пучок пахучей дармины, отец уронил голову. Абу вновь приподнял его, поддержал.

Бледные губы умирающего едва разжались:

– Кровь... Месть. До конца...

Абу скорее понял эти слова по слабому движению губ, чем услышал.

* * *

Пучок дармины так и остался в руках Тархана, когда друзья привезли его тело к воротам города.

Неожиданная гибель главного военачальника не внесла какого-либо изменения в оттарское войско. Мятеж, убийства, межплеменные распри были привычным делом в среде тюрков. Кипчаки отомстили коныратовцам, устроив такую же засаду, и через месяц снова взяли верх, а их новый предводитель был удостоен звания Тархана.

Тогда, после гибели отца, Абу вскоре почувствовал, как резко изменилось к нему отношение прежних друзей. Пожалуй, этому способствовало и то, что он не умел беречь свои доставшиеся в наследство богатства, они быстро разошлись по рукам. Не прошло и года, как родной город стал для него чужим.

Оставив свой дом и упрятав в складках одежды золотые дирхемы, Абу перешел в келью для молодых исламистов, расположенную во дворе главной мечети, чтобы отдаваться любимому делу. Днем бил поклоны в пятикратном намазе и участвовал в споре толкователей Корана, а ночами упивался чтением древних трактатов по философии.

Однажды, услышав на рынке, как сладостно звучат мелодии индийских и персидских музыкантов, он еще больше, чем прежде, увлекся музыкой и тайком начал мастерить свой музыкальный инструмент. Пробовал создавать струны из кон-

ского волоса, из-сухожилий и, наконец, испробовал, после долгой обработки, козьи кишкы. Он впервые сыграл на новом своем инструменте печальную мелодию, которая родилась в его душе в день смерти отца и с той поры всюду неотступно преследовала его. Правда, звуки инструмента были грубоваты, но со временем Абу усовершенствовал его и смог воссоздать такие тонкие и нежные, а если надо, и такое торжественное звучание, как это получалось у индийских и персидских музыкантов. Инструменту он дал название кипчаги.

Как-то под аккомпанемент кипчаги он спел боевую песню о походах отца своим прежним друзьям – теперь сотникам оттэрской охраны. Голос и игра Абу вызвали восторг воинов. Люди вновь заговорили о нем. А это навлекло на него гнев имама, видевшего в юноше лишь безропотного толкователя Корана, которому за его звучный голос была уготована участь муллы-чтеца в соборной мечети города.

И пришлось тайком бежать из Оттара, рас прощавшись со своим верным и нежным другом – дочерью бедного скорняка Анидой, тайно навещавшей его по ночам и подолгу, часами слушавшей его тихие песни и рассказы о далеких загадочных странах.

Абу любил Аниду. Любил нежно, как слабое, беззащитное существо. Он плакал вместе с ней, когда решил покинуть родной Оттар. И ради нее, Аниды, он вновь вернулся год спустя в родные края, истратив последние медные дирхемы на книги, купленные у торговцев Бухары. Но он не нашел своей прежней Аниды. Бедный скорняк продал родную дочь быкоподобному мяснику.

Тогда Абу стал каллиграфом – переписчиком книг, чтобы собрать деньги и выкупить Аниду у мясника. Но не хватило терпения. И он решил похитить ее, но был пойман, побит и отдан под стражу.

Юношу ожидала казнь, если бы вожди кипчакских сотен, еще помнившие его отца, не вступились и не упросили вла-

дыку города помиловать сына бывшего Тархана. Владыка был милостив, он отменил казнь и отправил Абу в Багдад во главе сотни молодых и рослых тюрок, отобранных из племени кипчаков, канглы, коныратов, уйсуней и джалайров для пополнения рядов гулямов и телохранителей великого халифа аль-Мутамида.

По дороге будущим гулямам надлежало охранять караван с богатыми дарами – данью для халифского двора...

Так началась тогда длинная дорога Абу Насра, так он навсегда расстался с Анидой, так покинул родные края...

* * *

И вот спустя три десятилетия он снова попал в Бухару по воле багдадского халифа аль-Муктадира и по приглашению шаха саманидов Насра ибн Ахмада. И в тронном зале шаха слушал игру старика из Отрара на кипчаги. О, как сладостна была эта игра и как желанна эта встреча с родиной после долгих скитаний, после долгой службы у халифов, то и дело сменявших друг друга...

Но теперь разлука с родиной осталась позади. Оттар был совсем где-то рядом. И перед истосковавшимся скитальцем сидел его соплеменник и играл на его кипчаги. Игра старца вновь и вновь напоминала Абу Насру песни детства и юности, рассказывала о пыльных улицах, о знайной степи, иногда синих, иногда мутных волнах Сырдарьи, о диких скакунах, о дымных кострах и плясках воинов... А танец таразской танцовщицы еще более обострил его чувство – чувство неожиданного и неотвратимого желания скорее увидеть родной город.

Мысленно восстанавливая в памяти картины давних дней детства, он перестал обращать внимание на то, что происходило в зале.

Восседая на кожаных подушках, уложенных на дорогих коврах, погруженный в свои мысли, не слыша и не видя ничего, но не теряя своей осанки и бросая взгляд куда-то вдаль,

мимо танцовщиц, сменяющих друг друга, Абу Наср изредка подносил к губам чашу вина...

По сей день он помнил, что тогда, в тронном зале, он очнулся от своих воспоминаний из-за наступившей тишины.

Оборвалась музыка, глашатай объявил, что самый великий поэт славный Абу Абдулхасан Джффар ибн Мухаммед ибн Хаким ибн Абдарахман Рудаки прочтет свои стихи.

Зал притих, лишь восторженный шепот волной прокатился по рядам слушающих...

И зазвучали под аккомпанемент чанга негромкие, но ясные слова поэта:

На мир взгляни разумным оком.
Не так, как прежде ты глядел, –
Мир – это море. Плыть желаешь?
Построй корабль из добрых дел!..

Поэт словно обращался к нему, Абу Насру... Поэт стоял перед троном – прямая осанка, седая прядь волос выбивается из-под чалмы.

Перебирая струны чанга, он внимательно оглядывал зал. Взгляд его то скользит по лицу владыки, то внимательно проходит по толпе вельмож, купцов, полководцев, шейхов и послов.

...Как долго ни живи, но, право слово,
Помимо смерти нет конца иного.
Кончается петлей веревка жизни,
Увы, таков удел всего земного.
Живи спокойно, в роскоши, в богатстве,
Иль в тяготах твой век пройдет сурово.
Владей землей от Рея до Тараза
Иль малой долей уголка глухого, –
Все бытие твое – лишь сон мгновенный,
А сон пройдет, не повторится снова...

Владыка саманидов, старый шах Наср ибн Ахмед сидел недвижимо на троне, гордо запрокинув бесстрастное лицо, полузакрыв глаза. Казалось, он не слушал поэта, не обращал внимания на его слова. Ни один мускул не двигался на его лице, и потому не было понятно, нравятся ему стихи поэта или нет.

Абу Наср вглядился в лицо старого шаха, который – это он слышал от друзей, от бродячих певцов – еще издавна любил поэта Абу Абдаллаха. А еще говорят, что Насра ибн Ахмеда до сих пор считают «лучшей жемчужиной в ожерелье рода саманидов». Что это он установил долгий мир в стране, пополнил сокровищами казну и что продолжительное время войско его было сильным, рабы послушными и во время его царствования был обильный урожай. Еще до того, как в Бухаре начались смуты, шах проводил лето в Самарканде, зиму – в Бухаре и всегда возил с собой поэта Абу Абдаллаха Рудаки.

Рассказывали, что однажды Наср ибн Ахмед провел сезон весны в Багдисе, на самом лучшем пастбище среди пастбищ Хорасана и Ирака. А когда его боевые кони на обильных лугах набрались сил, когда на берегах многоводных рек, в щедрых садах и прохладном воздухе воины укрепили здоровье, он направился в Герат и обосновал свой лагерь в местечке Марг и Сапид. Это была райская земля, где все росло в изобилии, где царствовала прохлада и мягкий климат услаждал человека ароматом цветов круглый год. Инжир и виноград, гранаты и мята – избыток фруктов и изобилие хлеба...

Осенью, когда созревало молодое вино, цвели королевская базилика и ромашка, на шахский пир собирались все красавицы Герата.

Каждое время года имело там свою прелесть, да и шах не мог насладиться жизнью, он не возвращался в Бухару.

Заскучавшее от наслаждений войско все сильнее желало битв или же возвращения домой, в Бухару. Но шах не слушал

воинов. И тогда начальники войска и вельможи пришли к этому – любимцу шаха.

Выслушав их, Абу Абдаллах отправился к шаху и нашел его в тени шатра на берегу речки.

– Чем ты обеспокоен, мой славный друг? – спросил шах поэта.

Тогда поэт взял в руки свой чанг и спел касыду о Бухаре, а касыда эта была такова, что шах не выдержал, потребовал немедленно подать коня и, даже не переодевшись, поскакал в Бухару. Рядом с ним скакал поэт Абу Абдаллах, которому благородное войско подарило пять тысяч дирхемов.

Все это было давно. С той поры шах постарел, стал подозрителен. И военачальники не ладили меж собой. Да, наследник трона Нух строптив. А влиятельные вельможи своими наговорами и сплетнями стараются держать подальше от шаха его старых и верных друзей...

О чем же думает старый шейх сейчас, слушая песни поэта-любимца?

Молча слушал зал. Все вельможи, все купцы и послы – все, кто был в зале, старались уловить жест шаха, прежде чем воз величить или осудить поэта. А наследник престола Нух впился взглядом в лицо читавшего, нервно перебирая в руках четки из слоновой кости. И в этот миг кто-то в зале произнес:

– Непревзойденным поэтом был Абу Навас среди арабов! Но стихи, что слышим мы из уст почтенного поэта, сильнее, в них клокочет кровь жизни!.. – Слова были сказаны по персидски. Они невольно вырвались из уст Абу Насра.

Гневно поднял голову наследник трона Нух. По залу прокатились голоса, подтверждающие истину слов Абу Насра. Нух взглянул в сторону Абу Насра. Поэт умолк на мгновение.

– Продолжай, Абу Абдаллах! – раздался голос шаха, и вновь наступила тишина.

А поэт спокойно посмотрел на гневного Нуха и продолжал:

Не для насилия и убийств мечи в руках блестят:
Господь не забывает зла и воздает стократ.
Не для насилия и убийства куется правый меч,
Не ради укуса лежит в давильне виноград...

Рабы на золотых подносах разносили яства. Стройные, обнаженные по пояс рабыни разливали вино из серебряных сосудов. Певицы и танцовщицы прошли мимо поэта в глубь зала, поближе к музыкантам. Две юные красавицы ласкались у ног наследника трона Нуха. Шах слушал поэта, все также полузакрыв глаза.

Самум разлуки налетел – и нет тебя со мной!
С корнями вырвал жизнь мою он из земли родной.
Твой локон – смертоносный лук, твои ресницы – стрелы.
Моя любовь! Как без тебя свершу я путь земной!..

Абу Наср привстал:

– Ужель поэт так слаб и нет у него гордыни? Или он просит защитить любовь свою?..

– Он недоволен участью придворного поэта, подай ему цветы из шахского сада!.. – процедил сквозь зубы Нух и оттолкнул ногой юную рабыню. – А еще он хочет, чтобы милость проявили к черни, к жукам навозным, к бунтарям...

– Одарите же поэта саманидов! Где танцовщицы, где музыка?! – Шах заглушил злобные слова своего сына.

Одобрительный гул прокатился вокруг. Не обращая внимания на восторженные крики, на казначея, бросившего ему под ноги мешочек с монетами, поэт задумчиво покинул зал.

Вернувшись в Бухару, Абу Наср надолго уединился в хранилище святых писаний, чтобы завершить свою давно начатую книгу «Талим ас-саны...». Увлекся трудами греческих, персидских, индийских, арабских и китайских философов. С утра до вечера, то зачитываясь ими, то просиживая целые дни

над свитками, он не находил времени, чтобы побродить по городу. Да и желания не было.

Он не только приводил в стройную систему те переводы, которые были сделаны до него с греческого и сирийского. Вчитываясь в писание о Заратушtre и Будде, об Иисусе и Мухаммеде, вспоминая все, что сохранила память из книг о богах шумеров, мидян, индийцев, Ассирии и Вавилона, и стремясь сопоставить все прочитанное с увиденным и осознанным, он стремился найти всеобщую основу истины, найти ее в сказаниях о всех богах и свести ее, эту истину, в единую книгу, которую он называл «Талим ас-сани...» – «Вторым обучением...» о жизни богов и пророков, об естественности появления различных религий у разных народов.

В учениях о божественном, размышлял он, проявляется надежда и вера человека. Сколько бы ни было богов – создатель один. Первый сущий, или первооснова, первопричина жизни... Но что же такое создатель? Первый сущий? Быть может, пока определить все это одним словом – первопричина? Но, возможно, первопричина тоже состоит из трех основ – душа, форма, материя?.. Как же объясняли ее Аристотель и Конфуций?.. И он снова рылся в книгах.

Его не интересовала людская суэта. Одной прогулки по древней Бухаре ему было достаточно, чтобы два дня после просидеть в молчаливом уединении.

Нищета и уродство темных кварталов, болезнь людей, казни на площадях, жестокость тюрков – его сородичей, которые стали ныне опорой не только багдадского халифа, но и саманидов. Самоистязание дервишей и безмерная роскошь богачей. Обжорство и развращенность вельмож здесь, так же как и в Багдаде, оттолкнули его. Он всячески избегал общества купцов и ростовщиков, палачей и фанатиков духовенства. Он торопился скорее закончить свою книгу. Прибывшие с ним посланцы халифа были рады такому его уединению и сами вели свои тайные переговоры во дворце шаха.

Абу Наср чувствовал, что в Бухаре назревает пора новых смут, которые обычно кончаются резней и казнями. Каждое восстание, каждая смута здесь омыается реками крови. Такой была и осталась фанатичная Бухара. Да и только ли Бухара?..

О том, что происходит за пределами его комнаты, он узнавал от Абу Фазла Балами и Мухаммеда Джейхани – истинных ученых Бухары, которым иногда удавалось навестить его. Абу Наср коротал с ними время в приятной беседе и спорах о науках, о благотворности познания для людских общин. Бывали у него и Абу Иакуб Исхак и Абу Абдаллах Мухаммед, оказавшиеся в это время в Бухаре. Однажды вместе с учеными к нему заглянул поэт Абу Абдулхасан.

Абу Наср вышел навстречу, оказав почтение годам и славе поэта.

– Поклон вам, великий поэт. Слава ваша раскинула крылья от Рея до Джейхуна.

– Слава изменчива, мой друг. Она коварна, она порой туманит глаза и дурманит сознание, и она не достойна беседы мудрых. Я пришел послушать твой рассказ о Багдаде. Я мечтал вдохнуть прохладу Тигра и Евфрата. Но стар я ныне, меня давно зовет мой родник Рудак, моя каменная хижина в горах...

– Я слышал о вас, пробираясь по дорогам Персии, я слушал вас здесь, в тронном зале шаха. Я видел ваши глаза, и тайны ваших слов раскрылись для меня. Печаль невозможно скрыть, а причину печали моей вы не постигли. Но у вас много друзей. Со славой вашей и с силою ваших слов не может не считаться даже сам владыка...

– Откуда ты знаешь мои страдания, кто рассказал тебе про мою любовь?.. – холодно спросил поэт.

– Вы сами. Я слушал вас в тронном зале и был уверен, что шах боится вас и страх старается заглушить рассудком и любовью к вашему дару...

– Ты хочешь сделать этот мир спокойным, мудрец-философ, а мир желает лишь круговорота. Ты сказал, что у

меня много друзей. Но врагов не меньше в этом мире, и пала-
чи найдутся. Ты сказал о любви шаха. О, как коварна и жесто-
ка эта любовь! Мы как синие попугайчики в лапах кота. Порой
нами играют, положив на пушистые лапки, а в лапках запрятаны
острые когти... – лицо старого поэта стало бледным, глаза
заблестели.

– Успокойся, Абу Абдулло! – сказал Абу Фазл, дотро-
нувшись до руки поэта. – Тут и стены слышат. И нить хозяина
длинна. Паутины крепки.

Абу Наср понял, что друзья называют поэта на свой лад
– Абу Абдулло! Или просто по имени его родного кишлака –
Рудак.

– Твой хозяин мерзок – берегись его хваленой еды! – вспы-
лил поэт.

В рот крупицы не бери от пищи несоленой.
Не трогай ты его кебаб, он пропитался ядом.
Ты губы не мочи в воде, отравой напоенной,
Уйди с пылающей душой и пересохшим горлом,
Особенно теперь, когда опасен сад зеленый!

– Остановись, Рудак! Вспомни слова свои «Кто развязал
язык, тот связан цепью будет!» Ты нашему другу хочешь на-
деть эту цепь?

Рудаки медленно повернулся к Абу Фазлу. Вглядевшись в него
и устало произнес:

– Ты прав, как всегда. – Затем он повернулся к Абу Насру: –
И в старости поэт остается безумцем. Я завидую вам, мудрый
философ. Мне говорили, что вы подобны Сократу. Что спо-
койствие ваше беспредельно. А логика беспощадна.

– Спокойствие внешности не означает спокойствия духа.
Сократ не был спокоен, он был казнен за то, что осмеял богов
Олимпа...

– Мои друзья называют вас Учителем, превзошедшим всех

мудрецов Востока. Я им верю. Я знаю ваши труды. Глубина ваших мыслей, ваши рассуждения о логике и трактаты о числах не имеют себе равных, а ваша музыка подобна буйству Сейхуна и выдает ваше родство с жестокостью гулямов...

– Я кипчак, – спокойно ответил Абу Наср. – И палаch, и поэт рождаются в одной хижине...

– Я восхищен вашими знаниями языков. Завидую вам. Говорят, что сам шах Наср ибн Ахмед пригласил вас в Бухару, чтобы вы создали свод учений об исламе и других верований. Но довольно об этом. – И Рудаки улыбнулся. – Мы словно женщины, которые хвалят одна другую.

– Вы правы. Тем более мы в кругу друзей.

...Беседа стала спокойнее. Принесли вина. И вскоре друзья предались философским спорам. А после Рудаки задумчиво читал свои стихи, наполненные грустью о прожитых годах. Немного захмелевший Абу Наср вспоминал о Бану, о далеких годах юности, об Отрапе, об Аниде, дочери бедного скорняка, которая первая открыла ему таинства любви где-то в темной глиняной келье, за стенами главной мечети Отрапа, куда в те времена доносились всплески волн Сырдарьи.

Через несколько дней с помощью новых друзей ему удалось, оставив на время работу над книгой, пристроиться к небольшому каравану, направлявшемуся из Бухары в Отрап. Помог и фирманс с халифской печатью, где говорилось, что придворному философу повелителя правоверных должны оказывать содействие во время его странствий...

Перед отъездом Абу Наср передал незаконченную рукопись в надежные руки, чтобы потом, вернувшись, еще раз посмотреть написанное, завершить работу над ней и уже после показать друзьям.

* * *

За годы, прошедшие с тех пор, как Абу Наср покинул Отрап, в жизни города не произошло особых изменений. Правда,

он стал могущественнее, уже имел свои, отдаленные дневным переходом, небольшие крепости на крутых берегах Сырдарьи, которые назывались Чар-Дара и которые зорко следили за прохождением плотов и торговых судов, направляющихся к морю и обратно.

Отрап, не испытавший ни нашествий, ни войн, исправно поставлял воинов-гулямов Бухаре и Самарканду, Багдаду и Дамаску – всем, кто нуждался в плетках и пиках степняков-усмирителей. Да, так было. Владыки и завоеватели усмиряли свой народ плетьми жестоких наемников. И чем грубее, чем бесчеловечней были защитники трона, тем больше они нагоняли страха на беззащитных пахарей и скотоводов, рудокопов, строителей – одним словом, на всех тех, кто кормил и содержал своим трудом государевых вельмож и обогащал их; тем больше привилегий воздавалось палачам.

Отрап был нужен и повелителю правоверных, и шаху са-манидов, и наместникам Персии, и владыкам Хорезма.

Надменный, дерзкий Отрап жил своей обособленной жизнью.

Отрап признавал лишь силу. Его ворота были открыты для смелых степных охотников и следопытов, укротителей диких коней; для неприхотливых и выносливых юношей из кипчакских племен, коныратовцев, аргуней, тюрок-огузов и тюрок-карлуков и десятков других племен, бежавших из владений караханидов или обитавших в обширных степях к западу, к северу и востоку от великого степного моря, в которое вливает свои воды Джейхун и Сейхун.

Вожди племен сами приводили в Отрап рослых, красивых и ловких юношей и девушек в обмен на оружие, на разные товары, и потому владыки Отрапа всегда взимали пошлину и строго устанавливали свои цены на товары проезжих купцов. Горе постигало тех, кто не считался с его неписанными законами.

Науки здесь не чтились. Сабельные поединки и конные со-

стязания, пиры на открытых просторах и охота на тигров, куланов и джейранов и особенно на лис и волков, мехом которых украшались одежды воинов, — вот что было главным занятием отрапцев.

Впрочем, так было и во времена детства Абу Насра. И так же как в те далекие годы, здесь шла тайная междоусобная война за власть над лихими и бездумными сотнями отрапской гвардии.

Отрап разрастался, застраивался, его цитаделям, его дворцам и караван-сарайм, мечетям и медресе могли позавидовать многие знаменитые города Востока.

Правители и полководцы соседних государств приходили сюда, чтобы пополнить свое войско или заручиться силой для подавления бунтов и мятежей.

Отсюда, из Отрапа, многие начинали свои захватнические походы. А сыны великой степи, покинув Отрап, став наемниками у владык разных стран, убивали друг друга на чужих полях, защищая чужие интересы.

Таким был Отрап, таким остался, и таким, наверное, он будет всегда, пока не найдется сила, которая одолеет его. «И если кто-то осмелится напасть на Отрап, то искать защиту Отрапу будет не у кого и неоткуда», — так думал Абу Наср, проезжая по улицам родного города...

Он мало пробыл там, но успел заглянуть и в старые, и в новые кварталы. И нигде не встретил знакомых, ничего не узнал об Аниде. А если бы и встретил Аниду, то не узнал бы. Время жестоко. Оно меняет не только облик города...

Никто не помнил даже имени дочери скорняка.

Абу Наср долго бродил по рынку, вслушиваясь в разноязыкий говор торговцев, без всякого интереса рассматривал товары. В торговых рядах и на бойнях он не нашел того мясника, из рук которого хотел вырвать Аниду.

Анида, Анида... Да была ли она когда-нибудь?! Быть может, все прошлое сон?..

Сколько воды утекло, сколько дорог пройдено, сколько пересидано и пережито за эти годы?

Быть может, еще тогда, когда молодого Абу отправили в Багдад, разгневанный мясник, узнав об измене Аниды, убил ее или продал в рабство. И он, Абу Наср, стал причиной ее унижений, ее смерти...

«Зачем я вернулся сюда? Чтобы убедиться в жестокости времени, в безвозвратности прошлого? – думал Абу Наср. – Даже если бы Анида была жива, то что бы я смог сделать для нее? Получается, что я хотел лишь удовлетворить свое любопытство – взглянуть на нее, и, наверное, увидел бы, если бы нашел ее, высокую от времени, от горя и унижений. Что же потом... Все те же муки? Все та же грусть о пройденном, о юности...»

Самум разлуки налетел – и нет тебя со мной!
С корнями вырвал жизнь мою он из земли родной, –

вспомнил Абу Наср слова поэта и горько улыбнулся своим мыслям.

Зачем он так жаждал увидеть этот город, вернуться сюда? Он стал теперь таким же чужестранцем для отравцев, как и все проезжающие. Размышляя, он выехал к центральной площади и там застрял в тесной толпе зевак. Площадь была оцеплена конными стражниками. Здесь избивали смутьянов, осмелившихся не уплатить харадж. Здесь и казнили взбунтовавшихся рабов. Возможно, и бунта-то не было, а казнили просто так, для потехи томившихся от безделья воинов и для острастки бедных горожан.

Пробиваясь сквозь толпу, Абу Наср искал выхода. Он не хотел слушать жалобы, стоны и предсмертные крики несчастных, воинственные кличи палачей, которые, пустив коня вскачь, показывали свою удаль – носились назад и вперед, на скаку снося саблями головы обреченных.

Абу Наср не в силах был больше видеть эту остервенелую от вида крови толпу, этих людей с остекленевшими от ужаса глазами. Одежда его была разорвана, и холодный пот струился со лба, когда удалось наконец выбраться из этого ада. Обес силев и задыхаясь, он прислонился к дувалу и посмотрел в небо. Стало душно, не хватало воздуха. Волосы выбились из под чалмы. Он вспомнил свою недописанную книгу о богах. Губы были сжаты, лицо окаменело. Вдруг он закричал, потеряв терпение и разум:

– Эй вы, боги Верхнего и Нижнего Нила, боги Вавилона и Ассирии, шумеров и греков, Иисус и Аллах!.. Да есть ли вы на небе, создатели?.. Кто из вас создал этот ад на земле?!

«...Что же со мной происходит, – подумал он, немного при дя в себя. – Неужто я схожу с ума? Нет, я просто устал».

Он впервые в жизни по-настоящему почувствовал стар ческую усталость. Его вдруг охватило странное безразличие ко всему, что происходило вокруг.

На следующий день он снова пошел в знакомые с детства кварталы города. Но на этот раз он никого не искал. По грязным лабиринтам узких улиц он с трудом пробрался к мечети, которая была знакома ему по юношеским годам, и, пройдя через двор, вышел к книгохранилищу. Оно было закрыто. Стража сообщила, что владыка Отрака повелел избивать всех книжников, ибо чтение любой книги, кроме священной книги Аллаха, – ересь.

Абу Наср не стал искать друзей отца, друзей детства. Он заторопился обратно в Бухару – скорее, скорее за работу над рукописью! Чтобы за делами заглушить эту тяжелейшую из печалей – печаль о навсегда потерянной родине.

В Бухару он вернулся на склоне дня. У ворот города шло на стоящее побоище. Городская стража избивала задержавшихся в поле дехкан и обирала их. Охрана не обратила внимания на Абу Насра и его спутников.

Казнь рабов, увиденная в Отраке, избиение пахарей сбор

щиками податей, увиденное по дороге из Отрара, и эти иссущенные людские^{*} головы – головы преступников или безвинных людей, вывешенные на воротах и стенах Бухары, и, наконец, эти издевательства над мирными крестьянами – все одно к одному – вконец обессилили Абу Насра.

Конечно, все это было не ново для него. Он видел то же самое, когда служил в войске халифа, и после, когда находился в свите халифа, но такого чувства угнетения, как в эти дни, он никогда раньше не испытывал.

Он всю жизнь мечтал о родном kraе. Детские и юношеские впечатления всегда смягчают виденное, а родина всегда казалась лучше, красивей, чем чужбина...

Сотни мыслей спутались в голове, было тяжко, невыносимо тяжко. И он порой машинально нашупывал пучок пахучей дармины, который сорвал по дороге, в степи, вспомнив о гибели отца, вспомнив, как отец зажал в руках пучок дармины перед смертью...

Ему хотелось скорее встретиться с друзьями-учеными, с поэтом Абу Абдулло, чтобы в беседах облегчить душу. Но как их найдешь в этот поздний час в Бухаре, где коварство утонченнее, чем в Отрапе, а жестокость – изощреннее?

Он добрался до своей комнаты и, смертельно усталый, заился в глубоком сне.

Утреннюю зарю он встретил, листая свои рукописи...

К удивлению слуги, не совершая намаза ни утром, ни в обед, умылся холодной водой и, наскоро закусив, бледный, с воспаленными глазами, возбужденный и нервный, вновь уселся за работу.

Так он просидел два дня, заново просмотрел всю рукопись и не заметил, не обратил внимания на то, что за это время к нему ни разу не заглянули друзья.

Ночью, когда он сидел, закрыв последнюю страницу своей книги, молча уставившись перед собой, когда догорал свечильник, когда на полу в беспорядке лежали все книги и свит-

ки, принесенные друзьями, еще до его отъезда в Отрап, когда вокруг стояла тишина и приятная усталость охватила тело и не хотелось думать, не хотелось говорить и лишь тайное волнение – как друзья примут его новый труд? – наполняло сердце, дверь вдруг распахнулась, и в комнату вбежал перепуганный слуга:

– Мой господин, отныне мы все во власти Нуха! Он сел на трон отца! Да будет вечная слава ему! Да будет благосклонен Аллах!..

Спокойным жестом Абу Наср остановил его.

– Все мы во власти создателя, а время – лучший судья, – сказал Абу Наср и, не обращая внимания на слугу, начал собирать книги.

Слуга молча постоял немного и, пораженный спокойствием философа, пяясь, вышел из комнаты. Подозвав стражника, слуга показал ему знак шахского соглядатая и приказал не выпускать философа. А сам с таинственной ухмылкой покинул двор.

...Еще на востоке не появилось зарево, предвещающее о восходе солнца, и в небе сверкала одинокая, яркая, но холодная звезда, и Абу Наср спал глубоким сном, когда к нему ворвались разъяренные гулямы, сорвали с постели, скрутили и связали руки, на шею одели деревянную колоду.

– Он не совершает намаза! Он книжник! Он не воздал хвалу великому из величайших – Нуху! – злобно бросал в его лицо слуга. – Он настоящий кармат! И все еретики бывали у него! Он прибыл сюда по приглашению Наср ибн Ахмеда и хочет в своих писаниях оправдать карматов, сравнивая святой Коран с писаниями христиан и иудеев...

– Замолчи! – сурово оборвал его Абу Наср и мысленно проклял себя: как он мог забыть, что здесь, как и во дворце халифа, как и во дворцах всех прочих владык, слуги приставлены для того, чтобы доносить, подслушивать, предавать!.. Где же опыт жизни, на который он сам ссылается в своих трудах?

Тем временем здоровенный стражник поднял с подставки книгу, на обложке которой он ночью заново вывел заглавие «Талим ас-санн...».

– Не трогай! Не трогай, оставь книгу! В ней говорится о священных сурах Корана! В ней свод знаний о богах и святых!

– Он не кричал, а говорил спокойно, твердо. Прямо смотря в глаза палачам. Абу Наср был в длинной, просторной белой рубахе. Говорил на кипчакском, да так грубо, словно сотник-гулям – Отдайте эту книгу великому шаху!

– Кто ты? – спросил старший стражник. – И откуда?

– Я кипчак из Оттара. Я прибыл сюда из Багдада...

– Не слушайте его, он тайный лазутчик! Подослан, чтобы отравить нашего владыку Нуха, только что восшедшего на престол! Вы слышали, он говорит о богах, а бог у нас един – Аллах! Этот человек – книжник, несущий с собой яд карматской ереси!.. – завопил предатель-слуга.

Старший стражник смотрел то на Абу Насра, то на слугу и вдруг ударом кулака прервал вопли последнего.

– Ах ты, лизоблюд! Ах ты, старый кастрат! Я знаю тебя. Это из-за тебя однажды мне урезали жалованье! Эй вы, чего рты разинули? Снимите ошейник с него! – вожак указал на Абу Насра.

Не успели гулямы выполнить приказ, как в помещение вошли воины дворцовой гвардии.

– Ни одного чужеземца не выпускать из дворца, из города!

– крикнул их предводитель. – Всех в темницу и держать там до тех пор, пока сам великий Нух не решит их судьбу!

Руки Абу Насра все еще были связаны.

– Что вы возитесь с ним?! Пусть уводят другие! Кроме бумаг и тряпья тут нет никакой добычи... – проговорил старший стражник, вышел из комнаты, уводя своих.

А слуга с окровавленным лицом крикнул проклятие ему вслед и, обращаясь к воинам из дворцовой гвардии, снова начал свои наговоры на Абу Насра, прижатого к стене и с тоской

смотревшего, как из угла в угол летят его книги и свитки, как льются чернила на подставку, а под ногами шелестит самаркандская толстая бумага. Абу Наср не чувствовал наносимых ему ударов, тонкая волосяная веревка все туже и туже врезалась в запястье.

Когда его вывели во двор, он увидел факелы. Много факелов. Слышно было ржанье коней и лязг оружия. Он споткнулся обо что-то и упал – его ударили, подняли и куда-то поволокли. «Это хаос... Спасти бы книгу... Наверное, в зиндан ташат», – мысли стали непослушными.

...Очнулся Абу Наср в темнице. Пахло глиной и мышиным пометом. Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как его схватили. Откуда-то сверху падали на пол узкие полоски бледного света. Слышался чей-то стон, чей-то храп. Абу Наср попытался встать, но не смог: резкая боль в пояснице приковала его к земле. Ныла脊на, отекли ноги. Но руки оказались уже развязанными. Он с трудом поднялся и сел, опираясь спиной о стену.

Когда глаза привыкли к темноте, он увидел, что в дальнем углу лежит огромный камень, обвитый цепями, как паутиной. Чуть поблескивали кольца. Эти натертые до блеска цепи тянулись в разных направлениях. Абу Наср понял, что каждая цепь ведет к узнику. И содрогнулся, увидев копошащиеся в полу-мраке лохматые чудища и услышав их голоса, похожие скорее на стон животного, чем на человеческую речь.

Он знал многое из тайн халифского двора, знал и даже видел, что творилось в зинданах, в темницах и в специальных помещениях для пыток в Самарре и Багдаде. Но темницы саманидов видел впервые. «Человек не зверь – он изощреннее зверя, – подумалось ему. – Сколько дней или сколько лет эти бедняги томятся здесь и какие преступления совершили они?» Быть может, они такие же преступники, как и он, Абу Наср, сын некогда прославленного полководца из Отара, а ныне... Кто же он ныне – искатель истины, искатель знаний или устав-

ший человек, скитающийся в поисках тихого, мирного уголка на земле, искатель своей родины?..

«...И что же я нашел? Прибыл сюда в свите после халифа по приглашению одного шаха, а стал узником другого шаха?»

Но где же посланник повелителя правоверных? Неужто он не вступится за придворного ученого своего владыки? Эта мысль рассмешила Абу Насра. Зачем он нужен послу?.. Лишь ученые Багдада, Александрии и Дамаска принимали одинаково и понимали его, хотя и среди них у него было немало врагов.

А понимали ли его когда-нибудь халифы, шах, или цари, или эти гулямы, стражники...

Собственно, и он сам был гулямом, воином долгие годы. Здоровье и силы отданы службе халифам. Рука его была крепкой, глаз зорким. Он был юным сотником дворцовой охраны халифа аль-Мутадида в Самарре, и халиф окказал ему величайшую благосклонность, не наказав его, когда он, Абу Наср, увлекшись науками и решив стать врачевателем, перебрался в Багдад и там, на берегу Тигра, в финиковой роще, в небольшой хижине, ночами тайно учился распознавать человеческие недуги, ставя опыты и расчленяя тела, изучая расположение кровеносных сосудов ягнят, листая старинные свитки китайцев по медицине. И если тогда не убили его, не заточили в темницу, то, наверное, потому, что в Багдаде тогда поощряли науки, и еще потому, что никто не знал об его опытах.

В «хранилище мудрости» – библиотеке Багдада – он изучал математику и создавал основы музыкальной письменности, а это уже привлекло к нему внимание халифа аль-Муктрафи¹, который любил музыку, песни и собирал в своем Дворце лучших певцов Мосулы и Басры. Абу Наср совершил поездку по всему халифату, обошел все прибрежные леса Тигра и Евфрата.

---

¹ Аббасидский халиф. Годы правления 902–908.

В те времена у Абу Насра был хороший голос. Он пел свои песни и играл на своем кипчаги у слияния Тигра и Евфрата, когда халиф отыхал в тени адамова дерева; он удивлял телохранителей халифа своей меткостью в стрельбе из лука, силой своего голоса, своими знаниями.

Он стал знатным вельможей. Мог часто уединяться во время охоты и стоять в долгой задумчивости, пораженный величием стен Вавилона, стремясь разгадать тайну вавилонского льва и тайны крылатых быков Немруда и Ниневии, тайну статуи эль-Хатры. Благо, что все эти столицы древних цивилизаций были расположены в ста пятидесяти верстах к северу и к югу от Самарры, на берегах Тигра и Евфрата, где в изобилии водилась дичь.

Его поражало богатство глиняных табличек в Вавилоне и каменных книг Немруда и Ниневии, удивляло то, что эти древние книги так и остались лежать у разрушенных стен; что никого не интересовали тайны древних цивилизаций.

Более того, арабов пугали таинственные клинописные знаки на камнях, на кирпичах. А еще более их ужасали колоссы – огромные каменные быки с крыльями и человеческими головами и крылатые львы.

И это было естественно, потому что Аллах и его пророк Мухаммед называли эти гигантские статуи, созданные резцами великих мастеров, идолами греха, появившимися до всемирного потопа. А камни и кирпичи с надписями, как говорится в Коране, были обожжены в аду, их исписали демоны.

Потому эти каменные и глиняные книги и эти идолы являются вестниками зла! Правоверный мусульманин должен уничтожать их. Так говорят имамы!

Даже женские статуи в арабских одеяниях, что стоят возле могучих руин эль-Хатры – этого древнего арабского города, изваяны джиннами... А там, где водятся демоны и джинны, заложены источники человеческих несчастий. Так гласит священный Коран. И потому еще халифы Омаяды посылали

целые войска в Тудмор, чтобы снести там все мраморные статуи...

Арабы почитали как святыню лишь величественную арку сасанидов – арку Хисроу, которая была одним из самых крупных глиняных сооружений в мире. Но еще более их изумляла Вавилонская башня, о которой слагались легенды.

Халифа Муттавакиля¹ когда-то заинтересовали не древние законы царей Ашурбанипала и Хаммурапи, а одна из башен Вавилона и темницы эль-Хафы, и он приказал построить такую же башню и такую же темницу в Самарре.

Для строительства башни-минарета² на плотах по Тифу привозили кирпичи с развалин Вавилона. Рядом соорудили огромный двор, напоминающий целый городок, в котором жили четыре тысячи наложниц Муттавакиля, а чуть подальше воздвигли мечеть с золотыми куполами и дворец.

Впрочем, каждого владыку в первую очередь интересовало строительство дворцов, темниц и тюрем. Ибо их желание увидеть свой дворец более величественным и красивым, а крепости более могучими, тюрьмы более страшными, чем у предшественников, было неодолимым.

В этом тоже есть извечный смысл – красота искусств передавалась через дворцы; жестокость, тираны познавались через темницы и зинданы. Добро и зло, разум и невежество всегда шли рядом, и так будет всегда. Так создан мир. Во всем – двуединство. «И поэтому стоит ли тяготиться тем, что ты сегодня попал в темницу? – размышлял Абу Наср. – Ведь ты вдоволь пожил на своем веку. А боль? А смерть?.. Все в руках создателя».

– Спокойствие и терпение, – прошептал Абу Наср. – Ты еще не успел «построить свой корабль из добрых дел», – вспомнил

---

¹ Аббасид. Время правления – 847–861 гг.

² Минарет Большой мечети халифа Муттавакиля и поныне возвышается над Самаррой.

он стихи Абу Абдулло. Но где же сейчас поэт? Где Абу Талиб и Абу Фазл, Мухаммед Джейхани и Абу Исхак? Где сейчас ученые и поэты саманидов? Ведь во времена хаосов, во время смут, мятежей и переворотов в государствах Востока всегда самыми беззащитными оказывались ученые, поэты...

Звон цепи прервал ход его мысли. Тот узник, что лежал поближе к философу, на четвереньках пополз к нему. Но цепь натянулась и не пустила его. Несчастный замычал и протянул руку Абу Насру. Весь обросший, в лохмотьях, узник был похож на зверя. Его острые глаза сверлили Абу Насра. Он о чем-то мычал, что-то просил.

Зазвенели цепи на других; все узники, словно псы, натянув свои цепи, подползли к Абу Насру и тянули свои руки. Они просили пищи. Абу Наср плотнее прижался к стене. Только теперь он понял, что у всех у них оторваны языки. Ужас охватил Абу Насра от этого мычания, стонов, от звона цепей...

Вдруг в далеком углу раздался чей-то голос:

– Это я! Я владыка всех войск Джейхуна! Я великий шах!
А это мои рабы!

Крикнул огромный детина, стуча кольцами своих цепей о камень. Потом залился смехом. Вначале тихим, затем громче и громче, оглушая подземелье. Остальные, словно испугавшись раздавшегося голоса, вернулись на свои места.

И наступила тишина. Где-то копошились крысы – эти страшные хозяева подземелей. Стало не по себе от мысли, что он, Абу Наср, отныне разделит участь этих бедных узников. Он снова ощутил боль в ногах и в спине, отяжелела голова. Охватила невыразимая тоска, жажды и голод запутали мысли.

– Спокойствие и терпение, – прошептал он, закрывая глаза, стараясь забыться и не думать ни о чем.

Он потерял счет времени. Не знал, сколько суток находится в темнице, не знал – день или ночь сейчас на дворе. Но он ясно слышал шум, шум где-то за стеной. Затем со скрипом открылась ржавая решетка, вошли человек двадцать с факелами.

Тот, кто был впереди, низко наклонив дымящийся и капающий горячей смолой факел, осмотрел лица узников. Остановился возле Абу Насра.

– Чужеземец, – объяснил кто-то из сопровождающих. – Из свиты посланника халифа.

– Посол повелителя правоверных давно в пути. Он мчится к великому халифу с радостной вестью! А этот, раз он отстал от своей свиты, пусть побудет здесь. Остальных расковать и выгнать вон! – приказал предводитель.

Абу Наср молчал. Ни о чем не спрашивал, не требовал объяснений. Очень хотелось пить, но он молчал. Взяв себя в руки, с трудом поднялся и остался стоять у стены. Остальные запла-кали и закричали, еще не поняв смысла сказанного, но удары бича – заставили их умолкнуть. Заскрежетали гвозди на деревянных ошейниках. Каждый освобожденный, кланяясь, целуя ноги пришельцам, сопровождаемый ударом бича, убегал на четвереньках к выходу. Тех, кто не мог двигаться, уволокли за руки. И вскоре в темнице остались лишь несколько прикрепленных к стене факелов да прикованные к камню цепи. Двери вновь закрылись. За решетками дверей, в освещенном огнями лабиринте Абу Наср видел силуэты стражников...

Усталый, голодный философ вновь погрузился в свои мысли. Он вспомнил, как на берегу Тигра в Багдаде бедные рыбаки готовят рыбу и как запах жареной рыбы с приправой из различных трав манит прохожего. Багдадцы говорят, что великий поэт Абу Навас, убитый палачами халифа в лето восемьсот десятого года, выступил не только как певец любви и вина, но был язвителен, как Эзоп, любил бродить по набережной, что рыбаки готовили для него самые лучшие блюда из рыб, отдавали ему свое последнее вино, чтобы послушать его стихи. Стихи Абу Наваса похожи и не похожи на стихи Абу Абдулло. Интересно знать, слышал ли великий поэт всех персов и таджиков о великом поэте арабов Абу Навасе?

Кровь любую запретно пить по закону,
Кроме крови лозы одной виноградной...
Кто людям доверит тайну свою,
Достоин тот знака позора на лбу... –

вспомнил он стихи Абу Наваса.

Абу Наср старался не думать о еде. Он вспомнил, что стихи Абу Наваса любила Бану, она знала их наизусть. О создатель! О сила памяти – в этой темнице вспомнить прекрасную Бану, вспомнить о любви своей, как и тогда, когда он был в Отрапе, не нашел Аниду и увидел казнь рабов...

Сколько же лет прошло с тех пор, как он, Абу Наср, впервые увидел Бану? Кажется, лет десять или одиннадцать...

Тогда она была еще совсем юной. Она прибыла в Багдад, а оттуда в Самарру вслед за своим мужем, которого халиф аль-Муктадир пригласил на охоту на львов и газелей.

Абу Наср тоже был в свите халифа. Но владыка приказал ему встретить знатную госпожу, чтобы ее отдых был приятен. Под его наблюдением и опекунством должна была состояться совместная прогулка сестры халифа и знатной госпожи. Он также отвечал за их охрану, должен был выбирать места для привалов и прогулок знатных особ.

Триста евнухов и воинов-зинджей охраняли их, ни один мужчина, кроме Абу Насра, не смел подходить к шатрам сестры халифа.

Да, он, Абу Наср, мог явиться туда только для того, чтобы услышать повеления сестры халифа...

...Снова заскрипела решетка, опять ярко осветили вход и ввели в темницу множество иноземцев, разодетых, но молчаливых и подавленных, пугливо озирающихся по сторонам. Абу Наср узнал в них тех купцов, которые были с ним на шахском пиру.

– Здесь вы будете ждать повеления великого Нуха. Пусть навечно воссияет его звезда! Слава Аллаху! Великий шах по-

кончил с карматской ересью! – торжественно заявил военачальник дворцовой охраны, сопровождавший иностранных послов и купцов.

– Слава Аллаху! Да пусть воссияет навечно звезда великого шах-инshaха Нуха! – закричали стражники вслед за ним.

Когда гвардейцы охраны покинули помещение, раздались возмущенные выкрики, причитания купцов, оплакивающих свои товары.

Абу Наср попытался узнать, что же в конце концов происходит в Бухаре, но тщетно. Лишь когда все убедились в безнадежности своего положения и, обуреваемые страхом перед будущим, уселись подальше от цепей, змеившихся на полу, один из купцов поведал Абу Насру о событиях в шахском дворце.

Судя по рассказу, духовные отцы суннитов и вожди тюркской гвардии организовали заговор против самого владыки Мавреннахра, подозревая в нем сторонника карматов. Они решили свергнуть с престола династию саманидов и перебить всех карматов. Но кто-то предал заговорщиков. Шах Наср ибн Ахмед и его сын – наследник трона Нух ибн Наср спрятали во дворце своих верных телохранителей и заманили туда ничего не подозревавших руководителей заговора, среди которых были не только имамы и визиры, но и сипехсалар – главный военачальник государства. Шах любезно пригласил их к дастархану, наполненному яствами и вином. И в тот момент, когда гости уселись, сам поднялся с трона, якобы собираясь вместе разделить трапезу. Но это был сигнал: все гости были тут же обезглавлены. Шах приказал оруженосцу завернуть и спрятать голову сипехсалара в вышитую сумку и захватить с собой. Затем оба – отец и сын – в сопровождении телохранителей направились из своей резиденции в цитадель, где в это время в самом большом зале собирались заговорщики.

Когда шах и наследник трона прошли через ворота и появились в зале, от неожиданности все встали и приветствовали

их. Никто не понимал, что же произошло. Ждали сипехсалара, полководцев и визирей, а вместо них появился сам шах с сыном, и вельможи-заговорщики решили, что Наср ибн Ахмед просто вознамерился посетить их и разделить с ними трапезу.

Шах прошел по залу и сел на свое место. Нух встал по правую руку отца. Сзади них полукругом выстроились оруженосцы и телохранители.

– Присаживайтесь и продолжайте свою трапезу! – повелел шах и, когда вельможи вновь принялись за еду, заявил им: – Мне стало известно о том, что вы замыслили против меня. Вы хотели меня убить! Ваши сердца прониклись недобрым чувством ко мне, и мое сердце ожесточилось против вас!

Вельможи сидели не шелохнувшись, скованные ужасом. Многие не успели донести пригоршню плова до рта. По рукам тек жир. Не нашлось ни одного смельчака, который смог бы призвать всех заговорщиков к оружию. А шах продолжал:

– Ваши сердца ожесточились потому, что я сошел с пути сунны и ступил на путь плохой веры... Но есть ли изъян в Нухе, моем сыне?!

– Нет! – ответили вельможи.

– Я назначаю его своим преемником, – сказал Наср ибн Ахмед, – теперь будет вашим шахом он. Прав ли я был или согрешил, но отныне я буду замаливать свои грехи. А тот, кто подговаривал вас к заговору, получил по заслугам!..

И он приказал своему оруженосцу сбросить голову сипехсалара на пол. Сам же сошел с престола на молитвенный коврик, а сын его Нух занял трон.

Изумленные тысячники тюрков-гулямов и все, кто был в зале, один за другим упали на колени перед Нухом.

– Прости нас! – вскричали они, сваливая теперь всю вину на мертвца – Наср подговаривал сипехсалар. Мы твои рабы и исполнители твоей воли. Приказывай!

– Я во всех смыслах Нух, а не Наср! – вскричал тогда мо-

лодой шах. – То, что случилось, случилось. Я исполню ваше желание... Подать сюда оковы!

Оруженосцы подали оковы.

– Заковать его! – приказал Нух заговорщикам и указал на отца.

Приказ был выполнен немедленно.

– Отведите его и бросьте в зиндан!

Бывшего шаха тотчас уволокли, избивая плетьми.

– А теперь вставайте! Мы устроим пир в тронном зале!

...Когда за пиршественным столом было испито по три чаши вина, молодой шах сказал:

– Вы условились выпить по три чаши вина, затем убить Насра и разобрать всю шахскую золотую и пиршественную утварь и разделить между собой. Я верно говорю?!

– Правда твоя, о великий Нух!

– Так забирайте! Чтобы всем хватило! Берите по три утвари!

Изумленные вельможи исполнили и этот приказ. А Нух продолжал:

– Сипехсалар задумал против нас зло и получил по заслугам. Отец мой сошел с пути сунны и также получил свое. Вы условились после пиршества двинуться в поход против шиитов, исмаилитов, фатимидов, огнепоклонников, идолопоклонников и прочих неверных. Так зайдемся же священной войной. Начнем ее сейчас же, отсюда. Всех, кто в Бухаре, в Хорасане, во всем Мавреннахре обратился в ересь, всех их убивайте! И забирайте себе их вещи! Я отдаю вам все, что есть в нашей казне. Не щадите, казните всех неверных! Всех, кто не почитает сунну! Всех карматов! Мы перебьем всех кафиров! А сейчас немедленно найдите и приведите сюда визиря Мухаммеда Нахша-би, приведите всех визирей отца! Свяжите всех своих военачальников! Мы им всем отрубим головы здесь, в этом зале! Будем убивать каждого из наших подданных, каждого из

наших воинов, кто поддался ереси. Пусть в течение семи дней рекой льется кровь неверных карматов во имя Аллаха!..

Нух приказал также одному из отрядов перейти Джейхун, войти в Мерверут, схватить сына наместника Саваде и убить его¹.

...В мрачном застенке копошились крысы. Чадили факелы. Рассказчик говорил на арабском. Его понимали все. Но Абу Наср уже не слушал его, он вглядывался в этих притихших вельмож...

Сколькоих людей ограбили они, обездолили! Какие тайные интриги плелись ими, виновником сколькоих убийств стал каждый из них! А сейчас сидят в застенке и внимают страшному рассказу... Нет, они не осуждают Нуха. И навряд ли они осудили бы гулямов-тюрков или даже карматов-шиитов, если бы победили те.

А рассказ, пожалуй, даже успокоил их. Они убеждены, что новому правителю нет смысла подвергать казни послов и купцов-чужестранцев. Они нужны новому владыке, ибо всюду разнесут весть о его силе и могуществе. Лишь он, Абу Наср, так же как и учёные мужи саманидов, вряд ли понадобится Нуху, которому ни к чему ни знания, ни книги. В этом несправедливом мире властвует лишь сила. И никто отныне Нуху не судья. Лишь Сократ и Цицерон сумели бы произнести речь, взывающую к разуму, не страшась владыки. Правда, Сократа забросали камнями. Ни за что! Забросала толпа. Извечна эта борьба добра и зла, силы и разума.

Так стоит ли взывать к людям, чтобы они постигли истину? Разве сама борьба добра и зла, пожалуй, и есть единственная истина, познаваемая человеком с первых шагов его жизни? Об этом он и писал в своей книге «Талим ас-сани...». Вероятно, ее

---

¹ Описанные факты взяты из книги историка средневекового Востока Низам ал-Мулка «Сиякат-намэ».

уже нет, его книги. Да и можно ли думать о ней, когда льется столько крови?! А может быть, все-таки нужно?

Иноземных гостей освободили через неделю. Нух привлек их на торжественное пиршество. Он праздновал победу над карматами.

На пиру новый визирь говорил о величии и великодушии молодого шаха. Купцы и послы, которым вернули их добро, преподносили Нуху богатые дары. Пуще прежнего старались музыканты и танцовщицы. Поэты – те, что прежде сгорали от зависти к Рудаки, теперь соревновались в славословии новому владыке. По сути, жизнь двора шла по тому же кругу, но теперь были другие исполнители, и нигде не было видно поэта.

Не увидел Абу Наср и своих друзей – ученых Бухары. Где они, что с ними? Спросить было не у кого.

Никто не знал, куда исчезли его новый труд, его книги и старинные свитки, которые он собрал за время, проведенное в пути от Багдада до Бухары и в самой Бухаре.

Абу Наср стал замкнут. Он искал возможности скорее выбраться за пределы толстых дворцовых стен – за пределы Бухары. Приближалось время паломничества в Мекку. Теперь, когда сунниты взяли верх над остальными сектами, когда кровью был залит весь Мавреннахр, паломничество в святую Аравию должно быть еще более пышным, чем в былые времена.

Абу Наср решил, не теряя времени, вернуться назад, в Междуречье, вместе с караванами паломников. Он теперь аккуратно совершил пятикратный намаз и готовился в дорогу.

Паломников в Мекку Бухара всегда провожала не то с грустью, не то с почтением. Страх перед карой Аллаха и страх за кормильца, уходившего в дальнюю дорогу, тайная надежда, что Аллах увидит покорность и услышит молитву верности и ниспошлет мир в их дома, – все это делало чернь Бухары молчаливой и задумчивой.

На этот раз накануне отправки первого каравана паломников на базарной площади казнили сорок карматов, но пе-

ред казнью те возносили молитву Аллаху. Это вселило в народ больше страха, нежели надежд. После казни мимо стоящих с окровавленными топорами палачей, высоко подняв поседевшую голову, словно взглядываясь в небо, прошел поэт, поэт Абу Абдулло Рудаки, ослепленный три дня назад теми же палачами, ослепленный не за то, что он был карматом, а за то, что встал на защиту казненных дехкан. И еще за любовь к рабыне шаха был ослеплен Рудаки.

В тот страшный день и увидел Абу Наср, как некий смелый юноша, вышедший из толпы, взял руку поэта, положил ее на свои плечи и повел его к воротам города. Толпа молча расступалась перед ними, расступился караван паломников, стражники не посмели остановить слепого и его поводыря.

И уже после, когда слепой поэт Абу Абдулло Рудаки скрылся за воротами, под звон бубенцов, плач детей и женщин, гомон дервишей и выкрики городской стражи, огромный караван паломников в белом одеянии покидал пределы Бухары, направляя путь в Мекку. Ехали на верблюдах, на ишаках, на конях, шли пешком.

Среди всадников был Абу Наср. Он молчал. Он думал о судьбе поэта. О времени, об истине, об истоках зла. Он ехал, проклиная в душе всех владык мира сего и порожденное ими величайшее лицемерие времени...

Выходя из города, караван растянулся по пыльной дороге, идущей вдоль Зеравшана, пересекая поля и сады селений, не избежавших недавней резни, разграбленных и разоренных, хотя в них навряд ли жили карматы-еретики, христиане или огнепоклонники. Но не пощадили и их.

Всюду видны были пепелища, всюду следы грабежа и убийства, словно страшный самум прошелся по этой земле. По реке плыли трупы, заброшенные озверевшими гулямами в воду в Бухаре. Одичавшие собаки и шакалы терзают тела, валявшиеся непогребенными на берегах.

Молча идет караван, и никто не смеет подобрать трупы,

выброшенные на берег, и укрыть землей, дабы не прослыть иноверцем, еретиком и не испытать гнева безумной толпы, с именем Аллаха на устах вышедшей на дорогу в Мекку.

Надо бы собрать тела да предать их земле или огню. Иначе будет зараза, болезни могут унести еще больше жизней. Джейхун не святой Ганг, а Сейхун не святая Джамна; трупы будут разлагаться в воде, волны выбросят их на берега, а жара и мухи разнесут заразу, думал Абу Наср. Но кто сейчас осмелился предать их земле или огню?

Меч страха навис над несчастной землей...

Там, где Зеравшан впадает в Джейхун, караван свернул на юг, чтобы, пройдя немного вверх по течению свирепо мутной реки, дойти до переправы, переночевать на берегу и поутру покинуть пределы Мавреннахра, где властвует потомок саманидов, грозный и коварный Нух. Затем каравану предстояло пересечь Черные пески – страшную пустыню...

* * *

Дорога была привычной. Начиная с той поры, когда Омейяды расширили прежние владения мусульман и довели их восточные границы до Сырдарьи и Инда, шли паломники в святую Мекку. Они называли ее «священной дорогой». А купцы Китая и Хиндустана, Персии и Аравии, Византии и Андалузии называли ее «шелковой», ибо самым дорогим товаром в те времена был шелк, тайну производства которого китайцы оберегали как зеницу ока.

Но любая тайна со временем перестает быть тайной. Лазутчики и провидцы, послы и бродяги, среди которых было немало авантюристов и искателей наживы, стремились скорее заполучить секреты багдыханского двора и приспособить их к своим делам.

Случилось так, что первым, как гласит молва (она, вероятно, и составляет истину), коконы из Китая вывез посол из Самарканда, запрятив их в искусных переплетениях волос

своей преданной супруги и тем самым обойдя все таможенные досмотры.

Одним словом, дорога эта была не только свидетелем великих битв, рождения и гибели многих государств и народов. Она видела великих воинов и царей, видела гибель несметных полчищ, знала, как владыки превращаются в плебеев, а рабы – в палачей; она одинаково служила всем – и тайным лазутчикам, и мудрым скитальцам, торговцам и бунтарям. Она содрогалась под копытами конницы Атиллы и Дария; в нее были втолкнуты следы победоносных фаланг Александра Македонского...

Она, эта дорога, разветвляясь на тысячи троп, прорезая пески, пустыни и горы и где-то вновь слившись, сталкивалась одних людей с другими.

Дороги – как жилы в теле человека, как реки и ручейки в теле земли. Без них нет жизни. И ничто не может остановить движения. Могут умереть города и государства, но не умирает жизнь на дорогах, ибо ничто не властно над вечностью жизни. Смерть не обрывает, а лишь обновляет жизнь...

Так размышлял Абу Наср, задумчиво продолжая свой путь вместе с караваном. Прошло немало дней с тех пор, как он покинул Бухару.

Он все не мог себе простить, что не сумел сохранить при себе или передать в надежные руки свой труд – «Талим ассани...», свои трактаты, над которыми работал так увлеченно и самозабвенно, словно это была последняя в его жизни книга. Угнетало и то, что прежние его мечты о родном kraе были так жестоко развеяны. Он не нашел и не обрел благодатной родины, от прежнего представления о ней осталось лишь горькое чувство пустоты. И в огромном караване фанатичных паломников Абу Наср чувствовал себя одиноким скитальцем, случайно попавшим в общий людской поток и плывущим как щепка по воле волн.

Если в начале пути он был рад тому, что вырвался из фа-

натично жестокой Бухары и решил вновь попасть в Багдад, а оттуда в Самарру, во дворец халифа, то теперь эта мысль тускнела с каждым днем. У него не было больше никакого желания служить кому бы то ни было и где бы то ни было. Теперь он хорошо знал, что во дворце халифа, в сущности, не лучше, чем во владениях саманидского шаха.

Владыки совершают злодейства с именем Аллаха на устах, а рабы и пахари принимают несчетные удары судьбы, безропотно уповая на того же Аллаха. И палачи, и их жертвы молятся одному богу. Но в конце концов многие, озлобляясь от побоев, поборов и унижения, будучи не в силах больше безропотно поклоняться богам и владыкам, уходят вон из городов и сел и, собравшись в стаи где-то в пустыне, в горах или в лесах, выходят на дорогу мстить и грабить.

Начинается месть раба хозяину, угнетенного угнетателю, месть жертвы палачу. Таков, видимо, круговорот жизни. «Не в этом ли суть великой истины?» – размышлял Абу Наср. Но тут же ловил себя на мысли о том, что все же он не прав, что боги здесь ни при чем, ибо не религии разделили людей на владык и рабов. Религии рождались, вернее, их создавали, чтобы помочь владыкам узаконить свою власть... Ведь так поступал и сам священный пророк Мухаммед.

Сотни лет в Мекке находились статуи-идолы, которым поклонялись разные племена и народы. Их было триста шестьдесят пять, этих идолов. Ровно столько, сколько дней в году. И во времена паломничества в Мекке происходило столпотворение, подобное вавилонскому. Каждый приносил жертву и возносил своего бога-идола и старался найти изъян у других богов.

Недалеко от Мекки были богатые залежи золотых песков. Его брали прямо с поверхности земли, чтобы украсить им своих идолов. Люди назвали те места «Золотыми копьями царя Соломона», ибо Соломон увез оттуда все золото через Красное море в царство иудеев.

Идолы каменные, идолы из гранита и мрамора с украшениями из золота продолжали существовать в Мекке до тех пор, пока не появился поэт, купец и неистовый оратор Мухаммед, который на очередном состязании паломников, когда каждый возносил своего идола, обратил внимание всех на камень, упавший с неба, и призвал всех поклоняться единому богу Аллаху, ибо Черный камень – это знак власти Аллаха над всеми земными существами.

И с тех пор в Мекке нет идолов. Их разбили. Есть кубический храм, священная Кааба, – святыня, созданная фантазией Мухаммеда.

Эти сомнения и раздумья повергли Абу Насра в уныние, даже ужасали, потому что жизнь без религии, без веры для него была немыслима.

Нет, без поисков истины, без первого сущего нет и не может быть жизни... Когда же, кем и как создан этот мир со всеми его парадоксами и противоречиями?.. О, это жестокое солнце, эта пыль, жара, это уныние и молчаливая сосредоточенность паломников!..

* * *

Позади уже Балх, Герат, Мешхед и Джей, и всюду он видел отрешенных от мира, истязающих самих себя дервишей, нищих и калек рабов и их хозяев. Всюду сунниты шли войной на шиитов, называя последних еретиками, но и те и другие называли еретиками поклонявшихся другому богу или огню. А те, кто верил в Будду или в силу огня, в Христа или в солнце, называли еретиками рабов Аллаха. Один вгрызался в горло другому. И даже те беглецы и бунтари, что восстали против своих владык, находили себе святых и богов, своих владык, и остерьгались бросались на тех, кто не служил их владыкам. Так любая вера, любая религия, суть которой – проповедь любви и помохи ближнему, превращается в зло и насилие, ибо ее

путь всегда обильно заливается кровью. Ее насаждают силой оружия...

Таков круговорот жизни, такова сама жизнь людей. Никогда раньше Абу Наср не думал об этом, а может, думал? Но она не волновала, такая мысль, не затрагивала его сердце, как сейчас, в эти долгие дни дороги...

В Рее он отстал от каравана, чтобы разыскать Абу Бакра – философа и врачевателя, труды которого были известны ученым Багдада и Бухары, Самарканда и Самарры. Абу Бакр был лекарем правителя Рея – Исхака, одного из братьев жестокого Нуха.

Абу Наср познакомился со знаменитым врачевателем, когда тот по приглашению халифа аль-Муктадира побывал в Багдаде и Дамаске. Он хорошо помнил свои беседы с ним. А друзья в Бухаре рассказывали, что временами Абу Бакр в строжайшей тайне, пользуясь услугами самых преданных учеников, проводит опыты, вернее, не опыты, а изучает работу кровеносных сосудов. Сперва для этого он часто посещал бойни, но такое занятие на виду у всех было чревато большой опасностью – его могли казнить как еретика, посягнувшего на святая святых, ибо тайны жизни и смерти ведомы одному лишь Аллаху. И Абу Бакру пришлось заниматься своими опытами тайком, в тесных лабиринтах подземелий.

От раба-евнуха, бывшего слуги лекаря, Абу Наср узнал, что Абу Бакр казнен. Старый раб, видимо все еще сохранявший любовь к своему господину, предупредил, что не следует говорить кому-либо о своем знакомстве, а тем более – упаси Аллах! – о своем уважении к Абу Бакру: это может навлечь беду.

В Рее Абу Наср бродил по улицам в поисках книготорговцев, надеялся найти тайное пристанище «Братьев чистоты...». Он знал, что здесь, кроме Абу Бакра, жили и трудились многие другие выдающиеся ученые того времени. Невозможно было казнить всех ученых. Нельзя остановить мысль. Но где найти

человека, который знал бы дорогу к этим людям, посвятившим себя науке? Поиски были тщетны. Здесь, как и в Бухаре, шла охота на еретиков, сжигались все книги, кроме священной книги Аллаха, и он посчитал для себя чудом, когда после долгих бесцельных скитаний по узким лабиринтам базара случайно купил у слепца на базаре помятые, растрепанные страницы трактата Абу Бакра «Опровержение религии». Они были переписаны чьей-то неграмотной рукой.

Это были страницы трактата, который стоил его автору жизни.

Найдя себе келью в маленьком караван-сарае на окраине города, укрываясь от людских глаз, Абу Наср залпом прочел добытые страницы. Он был потрясен простотой и ясностью мыслей ученого. Абу Бакр бунтовал против всех религий. «... Творец создал всех своих рабов равными и не отдал ни одному предпочтения перед другими...» – писал он.

Выписывая подобные строки, Абу Наср увлекся изложением своих собственных мыслей и вновь начал было работу над своими философскими трактатами. Но не прошло и недели, как владелец караван-сарая попросил его покинуть келью и найти себе другое пристанище: он не желал, он боялся постоянства, знавшего грамоту, не читавшего Коран и не совершившего пятикратного намаза.

Абу Наср чувствовал себя одиноким среди людей. Не знал, к чему приложить свои силы, свое умение, свое знание. По дороге от Бухары до Рея он часто помогал тем, кого болезнь заставала в пути, иногда выступал как писарь или толмач в караван-сараях, и все это как-то занимало его, заставляя на время отвлечься от своих тяжких раздумий. И возможно, поэтому он вновь решил пристроиться к очередному каравану паломников.

Большинство дорог в Мекку в те времена, впрочем, как и сейчас, проходят через Месопотамию, через Багдад и Дамаск. Но новый караван паломников, к которому пристроился Абу

Наср, направлялся в Басру, а уже оттуда – через пустыню – в Мекку...

* * *

Воспоминания о прошлом, виденном и пережитом, – пища для человеческого ума. Свое прошлое не вернешь, не изменишь, не поправишь, оно ложится в памяти как отпечаток времени. И как бы ты сейчас ни относился ко всему, что было совершено тобой в юности и в годы возмужания, как бы ни осуждал себя за содеянное – оно, это прошлое, не отстанет от тебя, а лишь отяжелит твой разум в минуты глубоких размышлений...

Весь свой путь от Бухары до Басры Абу Наср мог бы назвать «дорогой раздумий об истинах жизни». В пути он облегчал боль страждущих паломников как лекарь и успокаивал их мудрой беседой во время почлега. Он слушал унылые песни скитальцев, рассказы дервишей и купцов. Пытливо и вдумчиво вглядывался в жизнь пахарей и кочевников и вспоминал о том, как проезжал по этим же дорогам в первый раз, в дни далекой юности. Старался понять и познать, что изменилось на этих дорогах за минувшие десятилетия.

Но не смог найти эти отличия. Пожалуй, это происходило потому, что тогда, в те давние дни, его не очень-то интересовала жизнь горожан, пахарей или кочевников, рабов или воинов. Молодой и сильный, обладатель прекрасного голоса, ощущавший свое превосходство над сверстниками в знаниях и в воинском деле, он мечтал тогда лишь о том, чтобы отличиться в бою или раскрыть свои познания перед сильнейшими или мудрейшими мира сего. Чего греха таить, юность всегда тщеславна. В те далекие дни, покидая Отран, где остались могилы отца и матери, где осталась Анида, он и не помышлял оозвращении на родину. Он спешил в Багдад и готов был пойти на все, лишь бы попасть во дворец халифа, стать придворным ученым или знатным воином.

Его юношеские мечты исполнились.

События тех лет благоприятствовали его честолюбивым стремлениям. В ту пору в Ираке восстали рабы, восстало беднота. Восстание возглавил Али ибн Мухаммед ал-Баркауи, по прозвищу «Закрытый завесой», ибо он никогда не раскрывал своего лица, изуродованного палачами.

Шииты и сунниты, индуисты и огнепоклонники, буддисты и христиане – рабы и нищие бродяги, зинджи, персы, палестинцы, арабы и курды, сирийцы и друзья собрались под его знамя, на котором был вышит стих из девятой суры Корана:

Бог купил у верующих жизнь,
их имущество, платя им за них раем.

Аль-Баркауи требовал отмены рабства. Он обещал бедноте свободу и хлеб, сулил им равенство при разделе земель. Армия его разрослась. Города ему порой сдавались без боя; восстав, они открывали ворота перед аль-Баркауи. Северный Ирак и Хузистан – огромную территорию захватили повстанцы и создали на ней свое государство. Аль-Баркауи провозгласил себя халифом.

Друзья и сподвижники новоявленного халифа к этому времени накопили богатство, поделили добычу и начали грызню между собой. Поэтому багдадскому халифу не стоило особого труда подкупить одних, переманить других, а затем смести новое государство с лица земли и казнить аль-Баркауи.

Молодой Абу Наср участвовал в том походе. Более того – отличился своей храбростью и знанием военного искусства. Халиф тогда щедро одарил его и назначил одним из своих военачальников, а затем – главою меджлиса ученых при дворе.

Так исполнились честолюбивые мечты его юности, которые принесли ему, однако, не удовлетворение и радость, а горечь и досаду на себя за бесплодно потраченное время.

И вот ныне восстали карматы.

Значит, все повторяется в этом мире с древнейших времен. Был Спартак, поднявший меч на Римскую империю. Был Маздак, суливший свободу рабам. Но никому еще не удавалось только силою уравнять богатых и бедных, хозяев и рабов и установить мир среди людей... Бесплодна неразумная сила. А что может один лишь бессильный разум?.. Значит, сила должна управляться разумом...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Познание – это воспоминание, а размышление – это стремление к знанию.

Платон

Четверо всадников, несколько дней назад выехавших из северных ворот Дамаска вместе с караванами, направляющимися в Баальбек, незаметно свернули с основной дороги и проселками добрались до небольшого города Дум.

Хасан был уверен, что они едут в Багдад, и потому ожидал, что из Дума выберутся на самую многолюдную в этих местах дорогу. Но вместо этого Учитель направил своего коня в Адру, затем они обехали Кутеир и вдоль восточных склонов Хемрона направились прямо на север, к Хомсу.

– Не доезжая Хомса, мы свернем в пустыню и доберемся до Тудмора, от Тудмора есть дорога на аль-Фурат, а дальше проедем вниз по течению и выйдем к главному пути на Багдад, – задумчиво ответил Абу Наср на недоуменные вопросы Хасана и Зухейра.

– Годы, годы... Как они изменили тебя. Учитель... Они сделали тебя осторожным, словно обессилевшего льва, – сказал хрипловатым басом рослый, широколицый Санжар. – Мы удлиняем свою дорогу в три раза.

– Зато она будет спокойной, – возразил Абу Наср.

– Да мне все одно – сколько и где скитаться. Лишь бы в

лапы тигра не попасть... – И Санжар улыбнулся своей непонятной улыбкой.

Хасан понял, что Учитель до сих пор не уверен в своих решениях, что они могут и не попасть в Багдад... Неопределенность угнетала молодого слугу; чем дальше уходили они от Дамаска, тем чаще он оглядывался назад, на далекие горы Хемрона, за отрогами которых остался Дамаск, где осталась его госпожа.

Остановив коня, Хасан вновь оглянулся на белую шапку Хемрона и заметил, что над вершиной нависли черные тучи. Он хотел было сказать об этом Учителю, но тот был занят своими мыслями – не стоило его отвлекать. Да к тому же небо над равниной было чистым, до сезона дождей оставалось еще немало времени.

«В этих сухих степях, в этой пустыне дождь такая же редкость, как и радость для раба», – подумал Хасан.

Но к полудню тучи опустились ниже, затянули пыльную синеву небес над пустынными плоскогорьями, Хасан забеспокоился.

– Учитель, а не поискать ли нам укрытия?

Абу Наср огляделся вокруг, всмотрелся в небо и спокойно сказал:

– Негде укрыться. Тут нет развесистых фисташковых лесов, оливковых рощ. Дождь смоет с нас сонливость. Разве в пустыне боятся дождя??!

Но все же он быстрее погнал коня.

Не успели, однако, проскакать и двух верст, как внезапно, без грома и молнии, без ветра, хлынул ливень. А еще через полчаса вода обрушилась, как из прорвавшейся плотины, заливая дороги, срывая кусты, унося с собой плотные комья сгнившего и спрессованного перекати-поля. Копыта коней увязали в красно-буром суглинке. Одежда промокла.

Абу Наср поехал меж низкорослых кустарников, похожих

на заросли терскена. Здесь земля была тверже, более каменистой. Кони пошли увереннее.

Дождь прекратился так же неожиданно, как и начался. Прешел сильный ветер, небо очистилось от туч и солнце стало палить еще яростнее, чем прежде. Надо было сделать остановку, разжечь костер, высушить одежду, покормить коней и подкрепиться самим, тем более что в курджуне Санжара лежит мясо джейрана.

Вчера, пока Хасан готовил обед, Абу Наср колдовал над кореньями трав, собранными по дороге, а Зухейр записывал под его диктовку названия этих корней и их целебные свойства, Санжар направился к берегу небольшой речки и исчез там в зарослях. Вскоре он приволок джейрана, которого выследил и подстрелил у водопоя. Вчерашний ужин поэтому был сытым. Да и сегодняшний завтрак не хуже – холодное мясо с луком и вареными бобами. Санжар шумно восторгался кулинарными способностями Хасана.

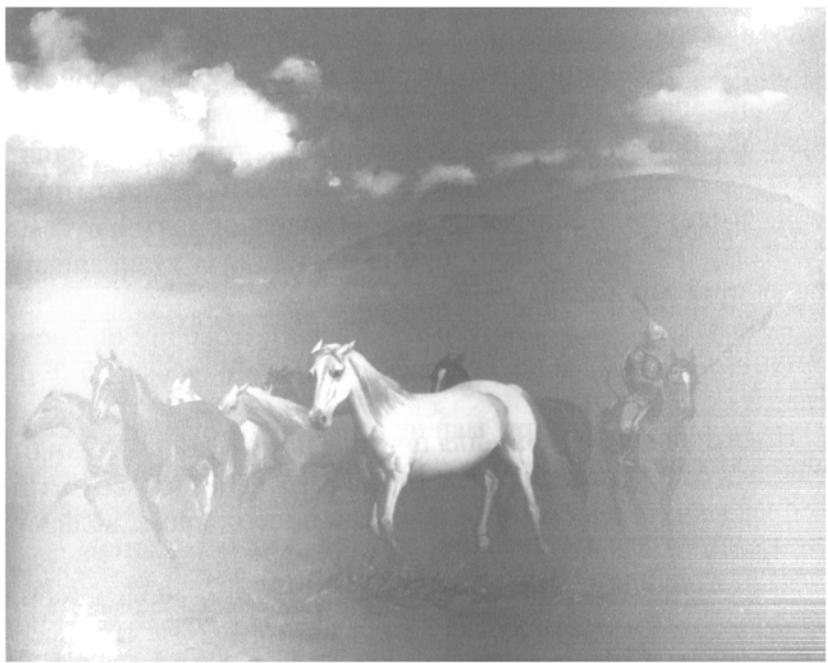
– Дождь промыл мою утробу, Хасан! – говорил он своим гортанным басом, явно стараясь, чтобы его услышал Учитель.

Но подходящего места для привала не находилось. Они отдалились от родников и речек, от диких рощ. На этом пустынном, высохшем плоскогорье не росло ничего, кроме колючих кустарников.

Дождевая вода, размыв тропы и надолго обнажив корни кустарников, умчалась куда-то на равнину. Кое-где еще сверкали лужицы. Солнце еще не успело допить их.

– Перевалим через гряду, – сказал Абу Наср, – там должна быть лужайка. Укромное место для таких, как мы.

Они свернули вправо и поехали через густые, по грудь коня, колючие заросли. А выехав на гряду, неожиданно стали свидетелями схватки. Прямо перед ними в небольшой скрытой ложбине несколько верхоконных с наглухо закрытыми лицами угоняли стадо овец вниз по лощине. Отставший всадник

с обнаженной саблей кружил возле пешего пастуха-бедуина, высокого и худощавого, пытаясь нанести ему смертельный удар. В стороне гулял конь без седока.

Грабители не заметили появления Абу Насра и его друзей. Один из них уже гонялся за конем бедуина, чтобы угнать его вместе со стадом. Бедуин отбивался изо всех сил. Он был изворотлив. Ему удалось поразить врага своим копьем. Тот взывал от боли, а пастух, не выпуская копье из рук, с устрашающим криком бросился вдогонку за угонявшими стадо.

Первым опомнился Учитель.

– Надо помочь!

Санжар, с криком обнажив саблю, пустил коня во весь мах. В Учителе тоже заговорила кипчакская кровь, он отпустил удила, на скаку отстегивая от седла свой маленький щит и вытаскивая нож из чехла. Хасан с Зухейром старались опередить его.

Санжар уже настиг грабителей и ударил саблей одного из них. Но тот не упал и, обхватив шею коня, ускакал прочь. Остальные рассыпались в разные стороны и, вытащив луки, натянули тетивы.

– Назад! – крикнул Учитель Зухейру, у которого не было щита.

Санжар оглянулся на голос, и в тот же миг две стрелы впились в его спину. Конь под Санжаром закружился на месте. Абу Наср бросился к раненому, чтобы не дать ему упасть. Хасан прикрывал Учителя от стрел. В это время один из грабителей набросил петлю на Зухейра. Тот не смог удержаться в седле, враг с торжествующим криком поволок его... Но Зухейру удалось уцепиться за куст. Веревка натянулась, бедуин в это мгновение изо всех сил метнул копье во всадника и выбил его из седла. Подоспевший Хасан добил упавшего и освободил Зухейра от петли. Грабители, среди которых уже было двое раненых, убрались восвояси, оставив овец и тело своего погибшего сообщника.

* * *

О продолжении пути не могло быть и речи. Раны истекавшего кровью Санжара оказались тяжелыми. Одна стрела повредила позвоночник, другая глубоко вонзилась меж ребер. У Зухейра была сломана нога и вывихнута рука, колючие кусты исполосовали до крови лицо и тело.

Абу Наср осторожно вытащил стрелы и перевязал раны на спине Санжара. Старый воин громко проклинал себя за то, что не сумел наказать обидчиков и что так глупо подставил себя под их стрелы. Но внезапно умолк и заскрежетал зубами от боли. Кровь не останавливалась. Одна из ран, нанесенная меж ребер, была слишком глубока.

Громко стонал Зухейр.

— Да помоги же ему, — процедил сквозь зубы Санжар.

С помощью Хасана Абу Наср вправил сустав руки Зухейра, затем осторожно занялся его сломанной ногой. Юноша от боли потерял сознание.

Бедуин тем временем поймал свою лошадь, вытащил из притороченной к седлу сумки узелок, в котором оказались куски жженой кошмы и какая-то мазь, передал их Абу Насру. Тот осмотрел мазь, нанес ее на кусок жженой кошмы, приложил к ранам Санжара и перевязал их.

Солнце уже сошло с зенита, но до вечера было еще далеко. Жара не отступала. Раненые просили пить. Им дали остатки воды из кожаных фляг.

Хасан и бедуин с помощью ножа и сабли быстро вырыли неглубокую могилу и спустили туда тело убитого. Прежде чем засыпать его землей, бедуин произнес молитву, снял с мертвца щит, саблю, лук и колчан со стрелами. Затем жестом привлек их следовать за собой. Осторожно усадили раненых на коней и молча двинулись. Овцы, откликаясь на окрик хозяина, пошли сзади. Хасан ехал, придерживая Зухейра, Абу Наср — Санжара. Бедуин, обвешанный оружием, вел за собой трофеи-

ногого коня. Перевалив через низкий косогор и пройдя полверсты, они прибыли на стоянку бедуина.

Здесь находился заброшенный колодец, рядом торчало несколько пней от финиковых пальм. Среди кустарников, едва возвышаясь над ними, словно огромная, распластавшая черные крылья ворона, была натянута палатка из домотканой шерстяной мешковины. Все овцы бедуина были черными, потому и палатка и одежда его тоже были черными.

Меж трех камней чадил огонь, рядом лежала плоская железная чаша и громоздилась посуда, изготовленная из тыквы и кокосового ореха. Два верблюда – молодая самка и старый самец – паслись недалеко от жилья.

Край палатки приподнялся, выглянула женщина. Бедуин что-то крикнул ей. Это были его первые слова с тех пор, как неожиданный случай свел его с Абу Насром и его друзьями. Голос бедуина был звонкий, требовательный. Женщина торопливо подняла полог, расширяя вход. Откуда-то выскоцил мальчик лет десяти и, схватив кожаное ведро, бросился к колодцу.

Пол палатки был застелен опять же черным паласом. Видимо, во время дождя его и палатку скатали. Все было сухим. Раненых уложили на бараньи шкуры.

Мултан – так звали бедуина – оказался гостеприимным хозяином и всячески старался отблагодарить своих спасителей. Зарезав двух овец покрупнее, он предложил быстрее завернуть раненых в еще теплые шкуры. Это был древний метод лечения от ран и болезней, которым пользовались все кочевники-скотоводы. Но Санжар отбросил шкуру, его то знобило, то бросало в жар.

– Словно кишки перемололо, – говорил Санжар, еле переводя дыхание.

Всю ночь он не сомкнул глаз, порой забывался, начинал бредить и говорить по-кипчакски. Никто, кроме Абу Насра, не понимал его слов. Раненый то угрожал кому-то, то богохуль-

ствовал, то произносил обрывки молитв, звал на помощь отца и мать.... К утру он совсем ослаб. Не мог ни есть, ни пить.

В дальнем углу палатки мальчик толок черные зерна, засыпанные на дно каменной чаши. Потом черное толокно долго кипятили в маленьком чугунном котле, кипятили до тех пор, пока не испарилась вся вода. Абу Наср знал, что эти зерна привозят из долины Каф в Эфиопии, что на рынках Багдада и Халеба купцы меняют их бедуинам на шерсть, на шкуры, на живых овец, а горожанам продают за деньги.

Бедуины считали, что густой черный напиток из зерен Каф ослабляет жажду, придает бодрость и укрепляет здоровье. Это был настоящий кофеин. Он был настолько густ и горек, что с непривычки сильнее самого крепкого перца обжигал губы и полость рта.

Жена Мултана пыталась угостить им Санжара, но тот снова бредил, лицо его стало бледным, глаза горели. Зухейр тоже не смог выпить густого напитка, лишь обжег губы.

Абу Наср не отходил от больных. Хасан все время держался рядом, чтобы при необходимости предупредить все желания своего господина.

Оставив раненых на попечение Хасана, Учитель вышел из палатки вместе с Мултаном. Хасан не слышал, о чем они говорили. По капле вливая воду в иссохшие губы Санжара, он вспоминал о том, как радовался его господин, когда в том доме, у мастера Махмуда, увидел свою книгу «Талим ас-сани...». Оказалось, книгу эту доставил туда грубоватый и страшный на вид Санжар, бывший тогда одним из телохранителей посла халифа. Когда посол покидал Бухару, чтобы вернуться в Багдад, Санжар узнал, что Учитель схвачен в Бухаре и брошен в темницу, что посол увез его рукопись, заявив, будто она сродни карматской ереси и должна быть доставлена халифу как улика против его придворного ученого.

Санжар, знавший Учителя с юношеских лет и почитавший его как мудрейшего из соплеменников, решил отвести от него

гнев халифа. За день до въезда посла в Багдад телохранителю удалось завладеть рукописью и бежать в Дамаск, чтобы тайно передать ее кому-нибудь из ученых. За Санжаром была послана погоня. Прячась в закоулках базара Дамаска, беглый гулям выследил мастера Махмуда, явился прямо к нему, выложил рукопись и пригрозил: если Махмуд передаст эту книгу наместнику Дамаска, то он, Санжар, прирежет Махмуда. Кроме того, он потребовал сделать копию книги и дать ему. За это обещал переписчику все свои сбережения.

Ознакомившись с рукописью, Махмуд понял, что это новая книга великого философа, никому еще не известная. Заверяя всяческими клятвами, он попросил Санжара рассказать ему о судьбе Абу Насра и судьбе рукописи.

Узнав историю поездки Учителя в Бухару и о судьбе рукописи, Махмуд предложил гуляму на время укрыться в его доме, и на рассвете того дня, когда Учитель вместе с Хасаном покидал дом мастера, Махмуд устроил ему встречу с Санжаром. Они обнялись как старые друзья. Учитель вспомнил, как еще в далекие годы молодости они вместе прибыли в Багдад, спросил Санжара о подробностях возвращения посла халифа из Бухары.

— Всем я служил исправно, был телохранителем халифа и его посла, а теперь, как сурок, прячусь от них. С меня хватит. Аллах не осудит. Теперь я не отстану от тебя, я буду твоим войском, — с угрюмой улыбкой, хрипловатым басом проговорил тогда Санжар. — Располагай мной. Все-таки несколько бродяг в одной компании лучше, чем скитаться одному.

Оказалось, что мастер Махмуд дал убежище и Зухейру как одному из юных последователей «Братьев чистоты...», и Зухейр тоже хотел выбраться из Дамаска вместе с Учителем, хотел стать его учеником, служить ему...

Вот так они и оказались все вместе.

Хасан вспомнил, как еще тогда, в доме мастера Махмуда, Учитель рассказывал Зухейру и другим о Басре, куда он по-

пал после Рея. О Басре, где когда-то впервые восстали рабы-зинджи, работавшие на осушке болот, и на тростниковых плантациях, и на изготовлении кирпича для строек халифа. В течение тридцати лет, захватив южные области, и в том числе Басру, восставшие не давали покоя халифу.

Учитель рассказывал о Басре, где каждый раб, каждый бедняк или лодочник, если остаться с ним наедине, поведает историю того восстания, вспомнит о великом предводителе, который не знал поражения, но ушел оскорбленный предательством своих воинов. Не преминет упомянуть и о том, что вместе с предводителем сражался его отец или дядя.

Предводитель зинджей был бесстрашен как Бабек¹, как Бабек, неподкупен. После достижения власти он не предал своих сподвижников...

Последнюю свою победу восставшие одержали при халифе Муктафи, который, однако, оказался хитрее своих предшественников. Медленно продвигаясь со своей армией на речных судах по Тигру и Евфрату, этот халиф, в отличие от предыдущих, не убивал пленных, не сжигал их селения. Он запретил своим воинам мучить безоружных, милостиво обращался с пленными. Он одаривал перебежчиков из стана восставших. Все это ослабляло силы армии рабов.

Великий предводитель начал создавать оборонительные укрепления и оттуда совершал неожиданные вылазки. Но халиф закрыл все выходы, началась трехлетняя осада Басры. У великого предводителя остался лишь гарнизон, его силы иссыкали, голод и болезни косили рабов, участились измены...

Наконец халиф предложил предводителю сдаться в плен, дав клятву сохранить имущество и жизнь, но вождь повстанцев отверг это унизительное предложение. С горсткой смель-

---

¹ Один из самых выдающихся руководителей народного восстания против халифа. Казнен в 837 году.

чаков он покинул крепость и вышел на открытый бой... Крепость пала.

Голова предводителя была брошена к ногам халифа Муктафи, который теперь лишь выпустил когти. Побежденных зинджей подвергали жесточайшим пыткам и уничтожали – бросали в огонь и в воду, закапывали живыми, вешали и сажали на кол, топтали конями, зверски убивали их жен и детей. Невольничьи рынки Багдада и Дамаска были заполнены живым товаром. Юную девушку можно было купить всего за два-три дирхема.

Халиф хотел, чтобы крестьяне и рабы навсегда забыли о своем предводителе. Но тщетно! И по сей день никто из рабов Месопотамии не верит в смерть предводителя. По сей день бедные крестьяне и рабы в Басре и в других городах совершают по пятницам тайные молитвы в его честь, называя его «скрытым имамом» и проклинают аббасидских халифов.

Его ждут всюду – в хижинах бедуинов, на солончаковых холмах, на тростниковых плантациях. Ждут, чтобы вновь поднять восстание за свободу. Говорят, что он ушел невредимым с поля боя, что его видели последний раз под священным деревом Адама, что растет у слияния Тигра и Евфрата. Другая молва гласит, будто его видели на маленьком зеленом острове Синдбада, что лежит в Аравийском море. Все ждут, что он снова появится и освободит людей от рабства. Никто из басрийцев не назовет его настоящего имени. Это святая тайна. «Скрытый имам» появится сам и сам назовет свое имя. Он жив и ждет своего часа. А голова, брошенная к ногам халифа Муктафи, – это была не голова предводителя, а голова одного из предателей. Палачи обманули халифа.

Верит в это и Санжар. Бедный Санжар, который лежит сейчас, пересиливая боль, в палатке молчаливого бедуина.

Санжар мечтал о том дне, когда он встретится с предводителем и станет его верным воином. Или о том дне, когда

карматы вновь обретут силу и он сможет вместе с ними пойти в поход на войско халифа.

— А лучше всего, — говорил он, — уйти в Бахрейн, где есть государство карматаев.

Бедный Санжар, сможет ли он теперь осуществить свою мечту, думал Хасан.

Он раскрыл глаза. Хасан тотчас наклонился к нему. Санжар попытался улыбнуться.

— А, это ты... — еле слышно проговорил он. — Видишь, умираю... Вынесите меня отсюда, я хочу видеть небо... Эх, Учитель, Учитель, старый бродяга. Говорил я ему, что лучше ехать в Багдад прямо, по большой караванной дороге. На большой дороге и умирать легче.

* * *

Обдав пустыню, горы последним жарким дыханием, солнце уходило на покой. Тишина нависла над песками. Мальчик подбросил в огонь несколько хворостин. Овцы сбились в кучу и притихли. Молодая верблюдица беспокойно кружилась возле старого самца, лежавшего у колодца и задумчиво жевавшего свою жвачку.

— Все как у нас, в степи за Отрапом... — тихо произнес Санжар.

— Тебе нужно беречь силы, — ответил Абу Наср.

— Силы? — Санжар с трудом повернулся лицом к Учителю.

— Где они?.. Я понимаю. Мужчины умирают молча. Но мне хочется говорить. Абу, ты помнишь запахи... Есть такая трава — дармина... Вечерами она пахнет... там, у нас, в степях... Я помню детство... Но не помню отца... и мать... Она мне кажется доброй старухой... Отчего это? Ты не знаешь?..

Абу Наср не ответил. Порывшись в курджуне, он нашел маленький сверток. Развязал его. Там были сухие стебельки травы. Он растер их на ладони и поднес к носу Санжара.

— Что это? У-у-хх, — вздохнул Санжар. — Наша дармина...

Здесь нет такой травы... Вот теперь я вспоминаю свой аул... Свою первую стоянку, как тот старый верблюд, которого беспокоит самка... Как ты думаешь: он сберег силы для нее? – Санжар пытался улыбнуться.

Раненый попросил перенести его с мягких бараньих шкур на конские потники. Седло велел подложить под голову.

Хасан с Мултаном осторожно одели его. Застегнули кожаный пояс с железными пластинами, надели толстый кожаный нагрудник, к поясу прикрепили колчан и саблю. Он хотел встретить смерть как воин. Мултан сказал, что нужно побрить бороду, но Санжар отказался.

Он лежал, широко открыв глаза.

– ...Запах, запах дармины... – говорил он отрывисто. – Это хорошо. Он не похож на запах здешней полыни...

Вечерело. Кони паслись далеко. Изредка доносились их фырканье. За палаткой, сбившись в кучу, лежали овцы. Слышен был треск костра да глубокие вздохи старого верблюда, жующего жвачку.

– Все такое же, как там, у нас, – повторил Санжар, глядя в небо на первые замелькавшие звезды. – Но все здесь чужое...

Хасан помог Зухейру выйти из палатки и поудобнее сесть на кошму.

Абу Наср понимал, что часы Санжара сочтены, теперь никто не в силах остановить смерть. Не в силах утешить друга, не в силах ослабить его боль; он задумчиво смотрит на верблюдицу. Молодая самка мордой ударяла в шею лежащего самца, словно просила его встать и пойти с ней. Начиналось время гона.

– ...Это пройдет, – сказал Мултан, уловив взгляд Абу Насра.

Мултан стоял у костра во весь рост, как черное изваяние, опершись на свое длинное копье. Его жена взбалтывала густой барабаний айран, чтобы разлить по чашам для гостей. На засаленном тряпье, расстеленном возле Санжара, громозди-

лась куча сушеных фиников, маслин, куски холодного мяса, горсть фисташек.

— Проходит время вечернего намаза, — вдруг неожиданно для всех сказала женщина, прерывая тягостное молчание.

— Помяните в молитвах меня... — произнес Санжар, глядя в лицо Абу Насра.

Тот не ответил. Расстелив коврик, он начал молитву. Все, кроме Санжара и Зухейра, последовали его примеру.

— Скажи мне, ты же ученый, есть ли жизнь на той стороне?..

— скривив губы, спросил Санжар у Абу Насра, когда окончился вечерний намаз. — Ты веришь в нее?..

— Все в руках создателя... — уклончиво ответил Абу Наср.

— Ты ни разу не играл на кипчаги с тех пор, как мы встретились... Последний раз... — Санжар не смог договорить. Лицо его стало желтоватым, шея ослабла. Он тяжело дышал.

Абу Наср не выдержал.

— Хасан, неси кипчаги! — вскричал он.

От столь громкого крика встрепенулся и встал с места старый верблюд.

Впервые услышав окрик хозяина, Хасан заторопился.

Лицо Абу Насра потемнело. Он взял кипчаги, настроил и, не глядя на умирающего, тихо, под замедленный говор струн начал древнюю кипчакскую песню.

Никто, кроме Санжара, не понимал его слов. Но каждый знал, что это печальная песня о родине, что Абу Наср успокаивает друга. Быть может, он прощается с ним...

Старый самец ушел за молодой верблюдицей. Догорал костер. Мальчик, заслушавшись, забыл о хворости. Звезд в вечернем небе становилось все больше. Прохладный ветер обдавал лицо. Исчезли слабые блики солнца на западе.

Голос Абу Насра становился крепче, протяжней. Заросшее густой бородой бледно-желтое лицо Санжара дышало покоем. Он лежал с раскрытыми глазами, уставившись в глубину неба, и прислушивался к словам песни...

Хасан заметил, как жена Мултана села на пальмовый пень недалеко от мужа. Она с удивлением смотрела на певца, которого с почтением называли Учителем и которого она считала предводителем этих незваных гостей. Хасан отметил про себя, что она намного моложе мужа и кожа у нее светлее, в отличие от Мултана. У Мултана лицо и руки давно задубели от ветра и солнца. Правда, руки женщины были такими же, но лицо светлее. Наверное, потому, что она всегда прикрывала свое лицо платком, а сейчас забыла об этом.

Мальчик обычно держался обособленно, настороженно. Но сейчас любопытство взяло верх, и он, снова забыв о том, что надо поддерживать огонь костра, устроился рядом с Абу Насром и следил за его рукой, – его интересовал незнакомый инструмент.

А песня неслась над безлюдной пустыней. Голос Абу Насра все же был слаб. Но он вкладывал в песню все свое смятение, свою печаль. Он словно рассказывал о своем горе, о своем одиночестве, о страданиях и муках человека, скитающегося по чужим краям, а быть может, он пел о Бану, о любви своей...

Песня и игра Учителя стали неожиданным открытием для Зухейра. Если бы не перелом ноги, если бы правая рука не была перевязана... Он попытался бы записать слова песни. Но он не мог. Как завороженный глядя на Учителя, он машинально шевелил губами, стараясь повторить его слова.

В эту безлунную ночь никто не сомкнул глаз. Когда Плеяда – горстка звезд, во все времена служившая ориентиром для пастухов-кочевников, повисла в северо-западной части неба, Санжар перестал дышать и совершил таслим¹.

В полночь мужчины совершили салят аль-ль-мейит².

---

¹ Предал себя богу (*арабск.*).

² Специальная молитва за покойника.

– Пусть Аллах укажет ему дорогу в Сират¹, доброму храброму рабу своему... Аминь... – Это была самая длинная речь Мултана за все время встречи.

Но не успел он закончить ее, как в тишине ночи раздался топот копыт. Мальчик, поддерживавший пламя костра, вглядывался в темноту, обступившую со всех сторон.

– Коней, коней угнали! Сняли с них путы и угнали! – вырвалось у него.

Никто не проронил ни слова. Абу Наср прикрыл лицо Санжара. Зухейр молча плакал...

– Больше не вернутся, – вздохнул Мултан. – И это пройдет. Все проходят по этому свету... и кони, и люди...

* * *

Наступило тягостное утро. Когда солнце поднялось выше человеческого роста, мужчины собрались на вершине ближайшего холма. Они долго копали могилу. Земля была твердой, каменистой.

Мальчик следил за тем, чтобы овцы не уходили далеко. Жена Мултана возилась у очага. А сам он зарезал еще одну овцу – жертва покойнику.

Зухейр сидел возле тела Санжара и здоровой рукой отгонял мух, роем кружившихся над покойником.

Еще задолго до того, как поднялось солнце, вернулся старый верблюд и с глубоким стоном улегся на свое прежнее место у пней пальмы возле колодца. Он тоскливо огляделся вокруг. Из большого выцветшего глаза вытекла одинокая слеза. Мултан заметил самца и, как всегда, проговорил:

Все пройдет... На то воля создателя. – Затем обратившись к Абу Насру и пытаясь как-то облегчить его печаль, добавил:
– Колодец вырыл мой дед. Он вырастил три пальмы. У него было три сына. Третьим был мой отец. Пальмы погибли при

---

¹ Мост в рай (арабск.).

отце. Все прошло. Я остался один с братом. Он должен скоро вернуться сюда со своим стадом... – Мултан не досказал.

К стоянке возвращалась молодая верблюдица. Она подошла близко к палатке, обошла ее и, словно не найдя места для себя, с беспокойством огляделась вокруг. Она не видела и не замечала ничего, все ее внимание было устремлено в даль. Подняв длинную шею, она глубоко вбирала воздух, принюхивалась.

Хасан и бедуин все еще рыли могилу, очищали ее от камней, когда снова закричал мальчик. Он бежал за верблюдицей, а та, подняв морду к небу и издавая утробные звуки, торопливо уходила на север, продираясь через кустарники.

– Ее не остановить! – крикнул старый бедуин.

Мальчик отстал. Мултан вновь принялся за работу.

– ...И это пройдет, – пробубнил он.

* * *

На следующий день, когда странники сидели в глубокой задумчивости, Зухейр неожиданно попросил Учителя оставить его в палатке Мултана.

Абу Наср молчал. Он не хотел оставлять Зухейра, но и идти дальше с ним не было сил. Нога еще не зажила. Правда, бедуин предложил своего старого верблюда и уже готовил его в дорогу. Но можно ли забирать у бедуина его последнюю надежду? Как же он будет перевозить свой скарб по безлюдной пустыне? Бедуин и без коня не бедуин, а без верблюда – тем более.

Абу Наср видел, что Зухейр ждет ответа. Ждали ответа жена и сын Мултана. Они предчувствовали свою обреченность. Старый верблюд был их последней надеждой на то, что они могут покинуть эту страшную стоянку. Зов жизни увлек молодую верблюдицу в чужие стада. Она ищет достойного самца. Вернется ли она? Ее могут поймать...

Абу Наср не дал ответа, он пошел к видневшейся на холме

свежей могиле Санжара. Хасан сидел возле колодца, чувствуя, что бессилен чем-либо помочь своему господину.

Приготовив верблюда в дорогу, Мултан вдруг громко окликнул Абу Насра:

– Все готово! Забирай! До Тудмора доберетесь сегодня.

Абу Наср оглянулся. Бедуин впервые улыбнулся за все эти дни, указав Абу Насру на север. Там, на краю равнины, пробираясь по острым камням, сквозь колючие кустарники,озвращалась молодая верблюдица.

– Она родилась здесь. Теперь она здесь же родит. Она ножью тайно встретилась с самцом из чужого стада. Слава Аллаху! Собирайтесь в дорогу! – надежда и радость вселились в бедуина.

Жена и сын Мултана бросились навстречу верблюдице.

Бедуин помог Зухейру взобраться на верблюда.

– И это пройдет... – снова повторил он, когда Абу Наср, Хасан и Зухейр покидали его жилище.

Абу Насру его слова показались истиной о безвозвратности прошлого. Он с грустью покидал одинокую палатку кочевника.

Ни сам Учитель, ни его слуга Хасан, ни ученик Зухейр не знали, что ждет их впереди. И все же молодость есть молодость – Хасан и Зухейр не особенно задумывались о минувшем и будущем. Зухейр, правда, чувствовал неловкость оттого, что не мог идти пешком рядом с Учителем, а Хасан, держа верблюда на поводу и шагая вслед за своим господином, был спокоен – разбойники больше не нападут на них: кому нужен старый верблюд, отвергнутый даже своей самкой? Еслиглядеть со стороны, то бредут себе трое – двое пеших бродяг, старик и слуга, а третий на старом, облезлом верблюде. Даже осла доброго нет...

Абу Наср шел впереди с посохом в руке. Он еще ни разу не оглянулся с тех пор, как они покинули палатку. Он вел своих юных друзей к большому караванному пути, идущему в Туд-

мор, и думал, как и в дни прежних скитаний, о перипетиях человеческих судеб.

Кто знает, возможно, Санжар и остался бы жив, если бы Абу Наср послушался совета старого, испытанного друга и, не прячась от людей, повернул бы своего коня из Думы прямо в Багдад. Не стал ли он, Абу Наср, виновником гибели Санжара?

Не судьба, и не рок, и не предназначения Аллаха причина его смерти, а случай, стеченье обстоятельств, причиной которых явился он, Абу Наср. Но как же тогда понять слова священных книг о том, что все «предначертано богом»?.. Быть может, эти слова лишь плод догадок, плод воображения? Воображение – это не ложь. Это поиски, попытка приблизиться к истине. Ложь призвана ввести в заблуждение того, для кого она предназначена, и увести его с пути правды и истины, а воображение всегда ищет прямые пути к истине...

Значит, слова священных книг верны? Значит, Санжару суждено было умереть именно там, у палатки бедуина? Однако он же мог остаться в живых, если бы Абу Насру не вздумалось плутать по пустыне!.. Нет, никаких предназначений тут не было. Гибель Санжара – чистая случайность.

Шагая по бездорожью, он мысленно спорил сам с собой, и собственные выводы его казались порой кощунственными, ибо их логика была такова, что святой Коран – это плод воображения, призванный увести людей с пути истины. Но тогда получается, что все сказанное в нем – ложь?..

Он развелся, вспотел, старался отогнать эту кощунственную мысль и был рад, когда неожиданный возглас Зухейра прервал нить его мыслей.

– Смотрите, дорога уже близка! Я вижу большой караван, идущий по ней. Это, наверное, дорога на Тудмор!

Абу Наср остановился, вытер пот со лба и оглянулся. Всюду лежала пустыня. Палатки бедуина не было и в помине.

– Да, мой юный друг, эта дорога ведет в древний и стран-

ный город Тудмор, – ответил Абу Наср, хотя ни он, ни Хасан еще не видели дороги. Зухейру, сидящему в седле на верблюде, было виднее. – Мы идем в Тудмор, который был очевидцем многих историй и судеб, – добавил он, стараясь отмахнуться от себя тревожные мысли.

– Вы сказали «странный город», мой Учитель?

– Да, мой друг. Ибо странно и то, что мы добираемся до этого города столь окольным путем, – он все еще не мог освободиться от своих раздумий...

* * *

Не только на Хасана, но и на Зухейра, которому, несмотря на молодость, пришлось побывать во многих древних городах Месопотамии и Сирии, слушать очевидцев и читать описания древних городов Персии и Индии, Греции и Рума, Тудмор произвел такое впечатление, которое невозможно было передать словами.

Ошеломляющим, сказочным были для них первые мгновения встречи с городом, и они запомнили их, хотя с тех пор прошло много дней.

...Они действительно выбрались на большую дорогу и пошли вслед каравану, пылившему впереди на расстоянии с пол-версты. Вдали, среди редких колючек кустарников, мелькнуло маленькое стадо газелей и исчезло. Птицы – большая редкость в этих местах – прятались в тени зарослей вдоль дороги и промоин, образовавшихся во время муссонов и дождей. Кругом не было видно ни гор, ни холмов, ни деревьев, ни даже кустов фисташек. Земля как бы медленно вздымалась, чувствовался некрутой, непрерывный подъем.

Зухейру было неловко сидеть на верблюде и смотреть на Учителя, идущего пешком. Они шли теперь прямо на восток. Солнце, пройдя зенит, повисло над правым плечом и отбрасывало кучью тень под ноги идущих.

Ни ветерка, ни звука, только шарканье подошв о песчаную почву да тяжелое дыхание старого верблюда. Изредка доносятся окрики погонщиков каравана, перезвон колокольчиков.

Караван шел не спеша, и Зухейр был уверен, что они догонят его. Но Учитель не торопился. Когда прошли еще верст пять, Зухейр, у которого начала ныть нога и вдобавок разболелась голова, не заметил, как исчез куда-то караван. Будто сквозь землю провалился. Дорога стала еще круче. И вот – это случилось совсем неожиданно, словно земля впереди резко опустилась, – Зухейр увидел внизу перед собой сказочный город...

Зухейр не замечал каравана, который входил в ворота города, он видел город, сияющий в лучах солнца своей чистотой, своими волшебными очертаниями, красивыми домами, амфитеатрами, стенами лимонной желтизны, обрамляющими величественные дворцы и храмы; город, щедро украшенный садами, парками, зелеными лужайками. С востока и юго-востока к нему подступали темно-зеленые рощи пальм, за которыми лежали ровные светло-зеленые шелка лугов и синела безбрежная гладь воды.

На путников повеяло прохладой. Они стояли, очарованные открывшейся глазам красотой. Зухейр не обратил внимания, что его усталый верблюд, согнув колени, опустился на землю.

Абу Наср прислонился к седлу.

Пораженные величием этой неземной красоты, все трое молчали. Казалось, они не решаются шагнуть вперед, боятся вспугнуть столь чудное видение.

– Хасан, достань кожаный сосуд и дай напиться Зухейру, угости и меня, – Абу Наср первым нарушил тишину.

Но слуга не слышал его. Всем существом своим хотел он понять – сон это или явь? Неужели под теми кровлями, опирающимися на бесчисленные беломраморные колонны, лежат жилые улицы и переулки? Такого не может быть даже в раю.

Что же это за город и кто в нем живет? Почему Учитель ничего не рассказывал о нем?!

Абу Наср с улыбкой посмотрел на Хасана и сам развязал кожаный сосуд. Он вспомнил, что когда-то также стоял, как Хасан, перед сфинксом, а затем – перед пирамидой Хеопса. Он тогда тоже не слышал голоса проводника, для него в те моменты не существовало ничего вокруг, кроме великих творений человеческого разума, рук человеческих...

– Это и есть Тудмор. Древняя столица арамейцев. Никто не помнит, когда он построен. Тудмор – это по-арамейски пальма, Тудмор – прохлада. А греки называли этот город Пальмирой, – сказал Учитель, когда Зухейр и Хасан немного пришли в себя от первых впечатлений.

– Но ведь вокруг повсюду пустыня, пески. Великая пустыня. Откуда же здесь вода? – вырвалось у Зухейра.

– В том-то и тайна Тудмора, мой юный друг, в этом его странности и загадки. Никто не знает, сколько тысяч лет Тудмору...

– Смотрите, караван вошел в улицу, как в сказочный дворец, его видно сквозь мраморные колонны, как сквозь узоры! – восхищался Хасан.

– Пора, пожалуй, и нам найти пристанище в этом раю, – улыбнулся Абу Наср.

Спускаясь, они прошли меж двух сторожевых башен у западных городских ворот. Стража не обратила на них никакого внимания.

Пустыня, подступавшая к городу с запада и северо-запада, останавливалась здесь свой бег. Словно удивленная красотой, она нависала над городом острыми каменными скалами, на которых выселились крепостные стены и мощные оборонительные башни. А на самой высокой скале виднелась огромная крепость, к которой вела дорога, прорубленная как продолжение главной улицы города.

Зухейр заметил, что крепостные стены расступались там, где была естественная, довольно широкая долина, уходящая на две-три версты вглубь пустыни, параллельно той дороге, по которой они прибыли. Долина как бы входила в город и упиралась в стены огромного амфитеатра, построенного из розового туфа. С обеих ее сторон возвышалось множество высоких каменных зданий и башен. Это были усыпальницы и склепы, мавзолеи знатных горожан, в них не было числа скульптурам и изваяниям разных эпох; людей здесь хоронили в течение тысячелетий, и долина называлась «долиной усопших».

Хасан, держа на поводу верблюда, на котором восседал Зухейр, еле успевал за Учителем, с любопытством всматривался во все, что встречалось на пути. Чудеса начались для него с первого шага. Не успев пройти крепостные ворота, путники оказались у бассейна. Вода вливалась в него шумным потоком из-под высокого каменного здания. Стены водоема были облицованы толстыми мраморными плитами. И сколько бы ни лил водопад, вода на дне этого узкого, не очень глубокого бассейна оставалась на одном уровне. Она бурлила там словно кипяток. Они обошли вокруг бассейна, но так и не увидели, куда же уходит вода.

Впереди была площадь для игр, а дальше – красивые арки и дома. Куда все-таки девается вода? Неужели она уходит вглубь земли? Хасан спросил об этом Учителя.

– Здесь целебный источник. Он по трубам уходит в общественные здания и бани, – объяснил Абу Наср.

Но Хасан не понял его, вернее, не услышал. Они уже входили под своды высоких мраморных колонн, выстроившихся в четыре ряда шеренгой.

Впереди шла колесница, сзади догоняла группа раздетых веселых всадников. Солнце не проникало сюда. За колоннами виднелись аллеи, выложенные гладкими, отполированными камнями, по которым не спеша проходили раздетые горожане.

Через каждые сто – двести шагов стояли арки, украшенные статуями воинов и женщин, но головы статуй были снесены... Так положено по исламу, подумал Хасан. От аллеи и центральной улицы вправо и влево уходили мощеные улочки и тропы к домам, к торговым рядам, к крытым рынкам, бассейнам, к театру... Рабы, усадив своих господ в богатые кресла, несли их не то в сад, не то в храм, а возможно, в мечеть на молебен...

* * *

В древности Тудмор называли «жемчужиной Сирийской пустыни», «рубином на северном челе Аравии» и многими другими именами, подчеркивая его красоту и значимость для своей эпохи.

Начало истории Тудмора связано с государством Набатея, когда-то существовавшим в этих местах.

Набатею населяли арамейцы. На арамейском алфавите – предшественнике многих письменных знаков, родившихся в Месопотамии и на берегах Средиземного моря, – были написаны первые законы Тудмора. Да и сам Тудмор имел кровные нити родства с арамейцами, как одной из народностей, составивших основу арабской нации.

Первые императоры Римской империи, египетский царь Птолемей, владыка Вавилона Навуходоносор пытались покорить Тудмор и переименовать его на свой лад.

Они не раз были близки к цели. Но шло время, а Тудмор, который с легкой руки греческих путешественников вошел в историю под названием Пальмира, продолжал оставаться главным городом для торговли Запада с Востоком и Востока с Западом.

О законах Тудмора, о его общественном устройстве, о незыблемости его порядков писали летописцы Месопотамии и Египта, бедуины и берберы Аравийских пустынь и пустынь Сахары слагали о Тудморе сказки и легенды...

Но все это, как я уже говорил, читатель, произошло за много лет до того, как нога бродячего философа и музыканта, лекаря и мираба, воина и певца Абу Насра Мухаммеда ибн Мухаммеда ибн Тархан ибн Узлаг аль-Фараби ат-Турки ступила на землю древнего Тудмора.

История этого города в свое время так увлекла воображение и мысли великого философа, что он тогда даже забыл свои трактаты о музыке, начатые еще в саду под Дамаском, забыл о Багдаде, в который так стремился попасть. Он знал, что в Багдаде после убийства аль-Муктадира шла борьба за престол, один халиф сменил другого... Но он не знал, что спустя столетия народ сложит об этом периоде сказку и назовет ее «Халиф на час».

Тудмор и сейчас привлекал Учителя богатством исторических событий, своей еще не совсем увядшей красотой, здесь он мог собрать материалы и поразмышлять над книгой о жизни и правилах Добродетельного города и об обязанностях его граждан...

* * *

Увлекшись изучением истории Тудмора, Абу Наср все чаще и чаще ловил себя на мысли, что невольно сопоставляет Тудмор с Отрапом, стремится найти их сходство и различие. «Но разве только на примере Оттара и Тудмора можно говорить о принципах создания Добродетельного города?» – вслух размышлял он, не в силах освободиться от непрошеных сравнений.

Быть может, вся суть в том, что поиски наибольшего приближения к истине основываются на опыте, на увиденном, пережитом и познанном? В этом, видимо, и кроется причина ассоциативности человеческого мышления. И не случайно Тудмор рождает мысли об Оттарате. Города эти вовсе не схожи друг с другом, но оба они держат в своих руках разные концы одной нити, называемой «шелковым путем»... Но, конечно,

все это еще не дает желаемых философских выводов и заключений о воображаемом облике Добродетельного города и его граждан.

«Торговых и караванных узлов на свете много. И Карфаген, и Вавилон, и Латакия в древности, Багдад и Басра, Самарканд, Рей и Дамаск сейчас, в эпоху халифата, являются не только городами, в которых сходятся пути торговых караванов, но и переплетаются и находят развитие разные религии, разные культуры, наука и искусство», – размышлял философ.

«Ничем иным нельзя объяснить то, что мифы и легенды, описанные в Ведах, а именно в Ригведе, самой древней части этой святыни индийцев, пересказываются на разные лады и в книге о Заратушtre, и в книгах о богах вавилонян, о богах шумеров, в сказаниях о Будде, об Адонисе, о пророке Иисусе и пророке Мухаммеде. Одним словом, фактами непрестанного общения людей можно объяснить причину того, что действия всех богов схожи – схожи на чудеса, они останавливают Солнце, озаряют слепых, исцеляют хромых, а сами являются первородными сыновьями святых духов, умирают и вновь воскресают. Собственно, все они так или иначе повторяют своими действиями все, что было некогда пережито богами Египта. Они схожи даже по образу и подобию.

Были трехликие боги у египтян. Все индуистские божества считаются подчиненными Тримурты, или троице: Брама – творец, Вишну – хранитель мира, Шива – разрушитель. Да и сам Шива тоже трехлик. От этого, видать, стал трехликим и Христос, родилась святая троица в христианстве...

Нет, нет, – Абу Наср мысленно спорил сам с собой, – святая троица христиан взята у вавилонян, чьи боги: бог луны – Син, бог солнца – Шамаш, и богиня земли – Иштар, были унаследованы ими у шумеров. А вот мусульмане тоже, как и христиане, взяв у всех всего понемногу, забыли о троице, хотя, конечно, троица была основой основ, если брать за истоки всех этих мифов древние культы египтян. Осирис – бог-отец, Исида –

богиня-мать, Гор – их сын; или древнегреческую богиню Гекату, которую всегда изображают в виде трех сросшихся фигур...»

Задумавшись о происхождении богов, Абу Наср вдруг почувствовал свое бессилие; он блуждал по лабиринтам мифов и легенд, известных ему, и никак не мог найти связующей нити в утверждениях священных писаний – Библия и Корана – и был потрясен тем, что не нашел в них того, что должно быть основой любого учения – естественной логики, присущей всякому учению. Это ошеломило его и напугало...

«О прости меня, создатель!» – успокаивал он себя, хотя не мог избавиться от мысли, что наука о логике должна быть основой всех учений. Так он предполагал в своем давно уже написанном трактате.

Ругая себя за то, что никогда не мог утвердить в себе постоянство и последовательность в каком-либо деле, он вновь занялся изучением Тудмора.

* * *

В сопровождении Хасана Абу Наср целыми днями бродил по Тудмору, собирая старые книги, слушая рассказы горожан, всматриваясь в памятники разных эпох и надписи на камнях, любуясь привезенными издалека товарами. Зухейр пока не мог совершать прогулки вместе с ними – нога заживала медленно.

...Однажды, проходя по рынку и наблюдая, как бедуины складывают свой товар – кожу и шерсть – перед покупателями, как показывают своих предназначенных для продажи или обмена овец и верблюдов, Абу Наср, до крайности удивив Хасана, воскликнул:

– Как же я глуп! Как же я глуп!

И, разговаривая сам с собой, направился домой.

– Они, эти города, порождены необходимостью, – вдруг обратился он к Хасану.

Хасан ничего не понял. Но задавать вопросы не стал. Он привык к чудачествам своего господина.

— Люди нуждаются в таких городах. Они выстроены как очаги общения не только одних государств с другими, но и городов со степью. Степи и пустыни дают городам и странам воинов и рабов, когда те, отяженев от роскоши, богатства, усложняя свою жизнь интригами, начинают задыхаться от болезней собственного чрева, начинают распадаться, как сгнивший плод...

Пустыни Аравии, как и великие степи за Отрапом, всегда служили истоками новых племен, новых народов с первозданным восприятием жизни. Кочевники приносили с собой ветры степей и пустынь, заставляли жителей старых городов защищаться или приспособливаться к ним.

И это было естественно. Во всех случаях старое вынуждено было обновляться, действовать. Спокойствие могущественных держав очень часто зависело от спокойствия степей и пустынь. И поэтому им нужна была точка общения – опора, стан, город, где можно было бы на равных говорить со степью и пустыней, пытаться предупредить или удовлетворить естественное желание кочевников и бедуинов к постоянному общению – к обмену товарами, рабами и новостями. Так, только так и по этой причине возникли и Тудмор, и Отрап!.. – размышлял вслух Абу Наср. – Да к тому же и Аравия, и Великая степь никогда не оставались не затронутыми культурой, они еще в далекой глубине веков не раз были свидетелями государственных образований, оставлявших после себя исторические памятники, относящиеся к разным эпохам... Подтверждение тому культура парфян и Кушанской империи и гробничная культура арамейцев, их письмена...

Абу Наср мысленно находил сотни фактов и подтверждений своим умозаключениям и уже искал объяснения давно минувшим событиям истории, которые выносились на свет его щедрой памятью.

Почему Александр Македонский, завоевавший огромную часть мира, покоривший множество великих городов, оставил нетронутыми лишь Тудмор и Отрак? Оба города, расположенные в разных частях света, так и остались непокоренными великим завоевателем.

Когда Македонский попытался пройти через Великую степь – владения Отрака, его остановил степняк Спитамен.

Войско Александра Македонского, привыкшее сражаться с регулярными армиями, было бессильно перед мелкими молниеносными отрядами степняков и людей пустыни, которые появлялись неожиданно, как волчьи стаи, наносили ощутимые раны тяжелым фалангам и коннице великого полководца то с тыла, то с флангов и тут же бесследно таяли на бескрайних просторах. Они изматывали, рвали на куски, а сами оставались неуязвимыми.

Но эти же спитамены не трогали ни Отрак, ни Тудмор, а, наоборот, жили с ними в мире... ибо это были их города...

Но, возможно, Александр – ученик Аристотеля – понимал значение этих городов для общения землевладельцев с кочевниками и потому не трогал их?

Но тогда мудрость Александра была бы под стать его воинскому таланту и родила бы в нем противоречия. Тогда он должен был бы стать философом, а не завоевателем. Мудрость не может быть жестокой.

Новые догадки уводили Абу Насра в сторону от главного замысла – от написания трактата о Добродетельном городе. Мысленно сопоставляя законы Отрака и Тудмора, он пришел к выводу, что в них нет ничего такого, что можно было бы принять как идеал, как мечту. Собственно, и законы Рима, названного Вечным городом, фактически не веяны и потому не приемлемы. Только изучив законы Хаммурапи, правила жизни общин Вавилона, Рима и Афин, Карфагена и Ниневии, ряда городов-государств, сможет он по крупице уловить те добрые начала, на основе которых придет к умозаключению об

обязанностях правителей и граждан Добродетельного города. Ибо, как говорил Платон: «Познание – это воспоминание, а размышление – это стремление к знанию».

Только знание истории городов, знание их законов и многих других вещей помогут создать философские формулы для трактата.

В Тудморе торговля, переписка и общение шло на арамейском, сирийском, арабском и греческом языках.

Город, как и прежде, был терпим ко всем религиям. Порой казалось, что страсти, бушевавшие по всему халифату, не касаются его. Правда, большинство жителей города еще во времена халифов-омейядов приняли ислам.

Большинство горожан считали себя правоверными мусульманами, совершали пятикратный намаз в мечетях, но в то же время, по привычке или по древней традиции, продолжали посещать доисламские храмы, вот уже тысячи лет привлекавшие к себе людское внимание. Самым грандиозным, величественным и самым красивым среди них был храм Солнца, стоявший на холме в восточной части города, окруженной великолепными сооружениями. Он не уступал по своей красоте греческому Парфенону, хотя и отличался от него своей архитектурой. С парапета, обрамленного могучими коринфскими колоннами, можно было не только наблюдать восход и закат, но и обозревать весь город. Отсюда были видны все другие храмы и дворцы Тудмора, акведуки и колоннады, площади и рынки и все те великолепные сады, в которых росли плоды разных земель и континентов.

Против северо-западного угла храма находились входные ворота, похожие на триумфальную арку Константина в Риме. От арки через весь город тянулась дорога, сопровождаемая четырьмя рядами крытых колонн работы искуснейших мастеров и скульпторов. Дорога, которая не знает и не знала себе подобных.

Абу Наср часто в свободное время – он стал лекарем, чтобы

заработать дирхемы на бумагу и оплату жилья, – поднимался по ней к храму и в тиши, под высокими сводами с упоением листал старинные фолианты.

Знание греческого и арамейского, древнесирийского и арабского, древнееврейского и санскрита помогало учителю легко находить в Тудморе нужные книги.

Неизвестный историк писал, что Тудмор существовал всегда и что первое разрушение ему нанес царь Вавилона Навуходоносор. Но город был быстро отстроен.

Историки и путешественники писали о Тудморе – Пальмире как о бессмертной столице государства Пальмиреноя, как о владыке пустынь, лежавших вокруг, и всех сарацинов¹, проживающих в этих пустынях.

Пальмира управлялась своим владыкой и народным собранием. Она была караванным узлом, соединявшим Месопотамию и Персидский залив, а через него – Индию и другие страны Востока со Средиземным морем. В трехстах пятидесяти верстах на восток от нее лежало среднее течение аль-Фурата (Евфрата), и ровно на таком же расстоянии на западе лежали берега Средиземного моря.

Пальмира во все времена была единственным поставщиком вначале выочных ослов, а после, когда приручила верблюдов, верблюжьих караванов для купцов Запада и Востока через пустыню, а ее подлинные хозяева, дети пустыни, обеспечивали безопасность и сохранность товаров.

На протяжении тысячелетия законы Тудмора – Пальмиры о ввозе и вывозе товаров были незыблемы, – пошлины с одного верблюжьего груза составляли два динария, а груза с одного осла – один динарий. Особые пошлины платили те торговцы, которые постоянно пользовались ее услугами. Пререкания и злоупотребления, связанные с применением тарифа, были

---

¹ Слово «сарацин» впервые начало употребляться арамейцами Тудмора. Так называли всех бедуинов и берберов пустыни.

строго наказуемы и рассматривались особым судом. Обман, воровство, прелюбодеяние карались смертной казнью.

...Абу Наср внимательно рассматривал списки товаров, проходящих через Пальмиру.

Папирус, сушеная рыба, сушеные фрукты из Малой Азии и Египта; шерсть, окрашенная в пурпур, и оливковые масла из Финикии и Вавилона; чернокожие рыбы из Африки; звериные шкуры, кожа и сало из пустыни; ткани и дорогие украшения из Индии; пряности и благовония из Аравии; бронза, бронзовыес и мраморные статуи из Греции и Кипра...

Пальмира уважала все культуры племен и народов: здесь оплакивали Адониса,правляли праздники Марны, поклонялись Баалу небесному...

Здесь любая первобытная религия провозглашала, что человек может избежать гнева божьего, принося в жертву самое дорогое для себя, а значит, и самое приятное богу, божеству. Сохраняя равенство всех религий, жрецы Пальмиры все же выше всех ставили кульп солнца—Гелиоса. Культ Гелиоса был неоспорим. Он мог допускать все верования и оставаться над всеми.

Быть может, в этом сказывалось не только то, что жители пустыни, лежавшей вокруг, до ислама поклонялись разным идолам, но и близость Палестины и Библа, Вавилона и Шумерии, Баальбека и Египта. Если учесть, что финикияне обожествляли реку Адонис, вытекающую из гор Ливана и меняющую свою окраску под воздействием почвы, и утверждали, что она меняет свой цвет по повелению бога Адониса; если учесть, что в Библие впервые зародилась как традиция жертва девством для иностранцев и святая проституция, а также учесть, что финикийцы приносили в жертву детей, то можно понять, каково было окружение Пальмиры.

Терпимость к чужим верованиям, строгость в соблюдении своих законов сыграли существенную роль в мироизогерцании пальмиренцев.

...У Пальмиры, как и у всякого города, имеющего тысячелетнюю историю, было немало различных владык. Абу Наср старался изучить их дела и поступки, чтобы составить представление об их знании и мудрости, об их жестокости и коварстве, чтобы уяснить для себя: какие же черты характера были бы необходимы для правителя Добродетельного города, если когда-либо такой город появится на земле?..

Чуть прихрамывая, Зухейр помогал Абу Насру находить и выписывать нужные тексты из старых хроник.

Хасан, поняв, что Учитель не очень-то нуждается в его присутствии, когда не лечит больных, уходил к торговым рядам, чтобы послушать рассказы приезжих купцов или странников.

Но проезжие караваны стали редкостью для Пальмиры. Город давно потерял свое былое величие.

Город так и не смог стать прежним Тудмором – Пальмирой, после того, как около двухсот лет назад, до прибытия сюда Абу Насра, в семьсот сорок четвертом году, халифы Омаядов пытались утвердить здесь единую веру – ислам. Устроили резню и изуродовали многие статуи.

Халифы Омаядов, а затем халифы-аббасиды и наместники Дамаска противопоставили Пальмире, как торговому узлу, другой древний город – Халеб, расположенный в трехстах верстах на севере от Пальмиры, на берегу небольшой, но полноводной реки.

Просматривая старые свитки, Абу Наср натолкнулся на рассказы о походах из жизни царицы Зейнаб. Во многих книгах упоминалось ее имя и утверждалось, что именно во времена ее правления Пальмира достигла своего наивысшего расцвета.

В разных источниках ее именовали по-разному. Греки величали ее Августой, потому что она сама приняла этот титул и основала город своего имени на восточной границе своих владений на берегу Евфрата. В римских источниках ее называли

Септимия или Зейнобия. Но сами пальмирцы всегда говорили о ней как о «мудрой Зейнаб», «прекрасной Зейнаб».

Кто знает, возможно, Абу Насра заинтересовала история ее жизни еще и потому, что рассказы о царице напоминали о Бану.

Впрочем, он никогда не забывал о своей Бану – и во время скитания по пустыне, и в палатке бедуина, и здесь, в Пальмире, он всегда старался заглушить тоску по ней, всецело отдаваясь работе.

Днем Абу Наср изучал хронику Пальмиры; вечерами, если к нему не обращались больные, уединялся и при свете лампад перечитывал Аристотеля и Платона, аль-Кинди и Абу Бакра или углублялся в тайны древних математических формул.

Чем больше он узнавал о Зейнаб, тем больше его начинала беспокоить мысль о Бану. Но в конце концов спокойствие и разум брали верх. Он увлекся подробностями жизни царицы.

Муж Зейнаб – правитель Тудмора Оденат Второй – в период войны римлян с персами при императоре Валериане, в двухсот шестидесятом году попал в плен к персам, объявил себя «царем всех царей» и сам решил покорить Персию.

Победоносно он вошел в Ктесифон на Тигре и там, во время торжественного пира, был предательски убит своим племянником – полководцем Меоном.

Зейнаб, сопровождавшая мужа во всех походах, одержала победу в междоусобной схватке, казнила Меона и, вернувшись в Тудмор, заняла трон мужа. Народ восторженно принял ее возвращение. Вся восточная часть Римской империи теперь принадлежала Пальмиреное. Тудмор стал не только торговым городом, но и столицей огромного государства.

Зейнаб собрала вокруг себя лучших ученых своего времени. Красота и ум, целеустремленность и решительность, нежность и чисто женское обаяние давали ей неограниченную власть над людьми.

Лучшие зодчие и скульпторы доставлялись в Тудмор со всех концов света. Полчищами пригоняли через пустыню рабов-строителей из Африки, из Карфагена и Киликии. Из Палестины, Ливана и Кипра везли мрамор и гранит. Город обновился и стал еще величественней, его теперь называли «лучшей столицей мира».

Рим не мог терпеть такого соперничества.

Император Галиен послал свои полчища на усмирение «восточной царицы». Зейнаб одержала блестящую победу над римлянами, и это еще более возвысило ее в глазах правителей соседних держав.

Зейнаб, воспользовавшись тем, что преемник Галиена, император Клавдий был занят войной с готами, направила свои войска по морю и по суше на запад, в Египет, и захватила его.

Не прошло и десяти лет со дня восшествия на престол «прекрасной Зейнаб», как изумленный мир стал очевидцем рождения новой великой державы, чьи границы простирались от Тигра и Евфрата до Верхнего и Нижнего Нила, державы, которая намеревалась завоевать Рим.

Император Аврелиан, занявший римский престол в двухсот семидесятом году и прозванный «восстановителем империи», решил опередить нашествие Зейнаб.

Три года он собирал и готовил войска для решающего сражения.

В лето 273 года римские легионы неожиданно высадились на берегах Средиземного моря и двинулись на Тудмор – Пальмиру, которая в это время, уверовав в свою силу, создавала новые сказочные дворцы и колоннады, воздвигала памятники своим любимцам и не спеша готовилась к походу на Рим.

Легионы Рима, легко захватив несколько прибрежных городов Пальмиреной, быстро двинулись вглубь страны.

Зейнаб вышла навстречу. Без остановки одолев пустыню, без отдыха, не дожидаясь основных отрядов конницы, спешивших на подкрепление, армия Зейнаб вступила в сражение.

Полководцы и воины Тудмора бились насмерть. То была одна из самых жестоких битв в истории.

Римляне взяли верх.

Зейнаб отступила, теряя остатки своей израненной армии в пустыне.

Царица укрылась за стенами Пальмиры и укрепила гарнизон. Город был окружен со всех сторон. Перерезаны все пути.

Переговоры ни к чему не привели.

Римляне отвергали условия пальмирцев, пальмирцы – условия римлян. Осада длилась полгода. Запасы города истощились. Помочь ждать было неоткуда.

С горсткой телохранителей Зейнаб удалось прорвать блокаду и на верблюде бежать к Евфрату, чтобы привести на помощь столице войска Персии.

Она перешла пустыню, но в тот момент, когда, добравшись до берегов Евфрата, она садилась на судно, ее настигла конница Аврелиана. Зейнаб схватили и торжественно возвратили назад, в Пальмиру.

Пальмира капитулировала.

Зейнаб вместе со своей свитой и сокровищами была торжественно доставлена в Рим. Она украсила победу Рима.

Император Аврелианrazilоказал Зейнаб такие же почести, какие оказывал когда-то Кай Юлий Цезарь царице Египта Клеопатре.

«Прекрасная царица Востока» поселилась в тихом дворце, среди садов и лугов на Тибре, близ Рима.

Она прожила недолго. Последним ударом для нее была весть о том, что восстание пальмирцев против Рима было жестоко подавлено и город разрушен.

Зейнаб не знала, что Тудмор воспрянет во всем своем блеске и вновь будет разрушен арабами – приверженцами новой религии.

Сама царица была язычницей и умерла язычницей. Она считалась образованнейшей женщиной своего времени. Гово-

рила и писала на арамейском, на латыни, на греческом, персидском, сирийском и египетском языках. Была музыкантом и художником и знала основы многих наук...

Зейнаб безусловно обладала многими качествами, необходимыми для разумного правителя. Многими, но не всеми, так думал Абу Наср, размышляя о ее делах и жизни.

Он осуждал ее походы, ее тщеславие, которые привели к гибели.

Возможно, Аврелиан и не пошел бы войной на Тудмор, если бы она не нарушила своих прежних законов о мире, думал Абу Наср, ловя себя на мысли о том, что он, стараясь понять поступки царицы, думает о Бану.

Как ни пытался, но он не мог отделить Зейнаб от своей любимой. Мысленно царица представлялась ему похожей на Бану... Порой он забывал о Зейнаб и жил воспоминаниями о Бану.

Каково ей сейчас там, в Дамаске, и чем закончился гнев ее отца?

Надо сказать Хасану: пусть сообщит, если будут караваны из Дамаска. Надо получить от нее какую-нибудь весть или послать письмо.

«...Правитель Добродетельного города... должен иметь любовь к обучению и познанию, – писал Абу Наср, обобщая свои мысли, – должен любить правду и ее поборников; ненавидеть ложь и тех, кто прибегает к ней;

обладать гордой душой и дорожить честью;

его душа от природы должна быть выше всех низких дел и от природы же стремиться к действиям возвышенным;

презирать дирхемы, динары и прочие атрибуты мирской жизни;

любить от природы справедливость и ее поборников, ненавидеть несправедливость и тираннию и тех, от кого они исходят;

...быть смелым, отважным, не знать страха и малодушия во имя справедливости...

Совмещение всего этого в одном человеке – вещь трудная, и вот почему люди, одаренные подобной натурой, встречаются очень редко...» – продолжал Абу Наср, делая первые наброски к своему новому трактату.

Мысленно сопоставляя все познанное из истории городов мира, начиная от Рима и Афин до Тудмора и Отара, он диктовал Зухейру свои заметки о типах городов: честолюбивых, жестоких, невежественных, властолюбивых, торговых...

Он излагал Зухейру свою мечту о городе, где все люди были бы равны и где блага принадлежали бы народу.

«Он странный человек, он чудак, мой Учитель», – думал Зухейр, с упоением слушая Абу Насра.

«Мой господин мудр, он добрый сказочник. Только во сне, и то не всегда, можно увидеть такие города, о которых говорит он. Быть может, он пророк, святой пророк, и все то, о чем он говорит, сбудется», – думал Хасан, с еще большим почтением вслушиваясь в слова Абу Насра...

* * *

Жизнь в Тудморе становилась все труднее и труднее. Каждую весть об убийстве того или иного визиря или даже самого халифа, завозимую сюда приезжими купцами или же гонцами, посланными из Дамаска или Халеба, горожане воспринимали по-разному. Правоверные мусульмане считали, что это дело рук неверных карматов, еретиков или же жестоких христиан или коварных иудеев. А христиане и иудеи злорадствовали по поводу грызни в стане повелителя правоверных... Поклонники других религий смелее, чем прежде, возносили хвалу своим богам. Уже не страшась возмездия, каждая secta начала, как и прежде, спрятать свои религиозные праздники. Происходили столкновения новоявленных жрецов и миссионеров. Каждый говорил о воскрешении своего бога, а в зрелицких местах, в

театре под открытым небом, поклонники древних культов давали представления о воскрешении бога Адониса, якобы жившего за тысячу двести лет до рождества Христова.

Под стихи древнегреческой поэтессы Сафо жрецы появлялись на сцене амфитеатра и извещали о том, что река Адонис в Ливане вновь окрасилась в красный цвет и на его берегах начали произрастать «сады Адониса», подтверждая воскрешение великого божества...

Кто-то пустил слух, что в Египте проснулся сфинкс, а в Мекке ослепли воины карматов, которые вновь посягнули на священный Черный камень, и что оба эти факта говорят о том, что воскрес пророк Мухаммед и скоро его месть настигнет всех неверных, всех, кто творит скверну по отношению к исламу.

Начались поиски и преследования книжников, колдунов и знахарей.

Кое-кто из горожан, которых Абу Наср вылечил от недуга, сказал, что Абу Наср не кто иной, как колдун, что он один из тех опасных огнепоклонников, которые, изучая дьявольские писания, лежащие в тайниках храмов, составляют гороскопы, заклинания и снадобья, кои могут сбить правоверных мусульман с пути истины, предписанной Аллахом.

Говорили, что Абу Наср не один, что он связан с мятежниками, и в доказательство ссылались на вести из Багдада о новом восстании карматов и об убийстве еретиками великого халифа.

Сам Абу Наср понимал: когда правители грызутся – лихорадит все государство, всюду начинаются поиски жертв.

Люди сторонятся друг друга.

Хозяин дома, где жили Абу Наср и его друзья, потребовал освободить комнату.

Началась слежка. Кто-то сжег книги – сокровища храма. Говорили, что это дело рук таких людей, как Абу Наср.

Были и защитники, утверждавшие, что лекарь не мог ни сжечь, ни украсть книги. Они увезены неизвестными людьми, пробравшимися в храмы. Возможно, это еретики из Александрии.

Другие уверяли, что это дело рук гулямов новоявленного султана-правителя Халеба; третьи полагали, что никто не уносил книг, а все они сожжены посланниками повелителя правоверных из Багадада или наместника Дамаска.

Хасан и Зухейр не смыкали глаз; они неотступно ходили за Абу Насром. Они боялись за жизнь Учителя. А Абу Наср боялся за своих юных друзей.

Надо было немедля покидать Тудмор. Но куда идти? О возвращении в Дамаск или в Багдад не могло быть и речи...

— Тудмор нас задушит, мой Учитель, — осмелился высказать свою тревогу Зухейр.

— Спокойствие, мой юный друг, — ответил Абу Наср и, вспомнив слова молчаливого бедуина, с улыбкой, стремясь подавить в себе смутное беспокойство, добавил: — И это пройдет. Ничто не вечно в этом мире...

* * *

...Чтение утомило. Закрыв последнюю страницу кожаной книги, Абу Наср поднял голову. Задумчиво взгляделся в тени от колонн. Солнце уже уходило на запад. Сквозь колонны он увидел густые пальмовые рощи, подступившие к юго-восточной окраине города, а дальше — сверкающую от лучей солнца синеву озера, сливающуюся с бледной голубизной неба.

Стояла тишина. Еле ощущимая прохлада наплывала со стороны пальмовых рощ и голубого озера. Абу Наср не мог оторвать своего взгляда от столь чистых и ярких картин природы. «Поток солнечного света, падающий с юго-запада, словно преобразил город. Если бы вместо храма солнца на этом месте была обсерватория и если бы отсюда можно было постоянно наблюдать за звездами, за небесными телами, то наверное от-

крылось бы немало тайн, – размышлял он, уже забыв о только что прочитанных книгах и мысленно проверяя свои познания в астрономии и астрологии. – Интересно, какова была обсерватория Аббаса Жаухари, которую он некогда пытался воздвигать в Таразе, а затем в Отрапе?» Опять цепь воспоминания начинала сковывать его...

Терпение Хасана иссякло, ему надоело стоять, прислонившись к прохладной колонне. Он громко кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание Учителя.

– Как, ты все еще здесь? – удивленно оглянулся тот. – Ты стоишь здесь с тех пор, как сообщил мне весть о том, что Мултан с братом находятся в городе и собираются купить коня?

– Да, мой господин.

– Но я же просил тебя скорее вернуть Мултану его верблюда.

– Я сразу же вернул верблюда Мултану. Знал, что вы так прикажете, мой господин. Но это не все. Вы меня не дослушали...

– Где Зухейр?

– Он сказал, что занят перепиской ваших комментариев к «Поэтике». Говорит, что как только кончit это дело, так сразу примется за переписку труда «Возражения Гелену по поводу его разногласий с Аристотелем относительно органов человеческого тела».

Абу Наср взгляделся в лицо Хасана и слегка улыбнулся.

– Ого, ты тоже заговорил об Аристотеле. Ты можешь стать хорошим учеником, Хасан. Ну, что же ты стоишь там? Лучше возьми эти книги и снеси хранителю.

* * *

Хасан догнал Учителя, когда тот уже покинул пределы храма.

– Так что же ты хотел сказать мне, юный друг? – спросил Учитель.

– Я встретил купца Шамсуддина. Он сам узнал меня и позвал к себе.

– Кто этот Шамсуддин и откуда он знает тебя? Ты же говорил о Мултане. Расскажи-ка подробнее.

– Я встретился с купцом, когда шел к вам, чтобы сообщить о Мултане, – начал Хасан. – Шамсуддин поставщик ароматов в гаремы досточтимых вельмож Дамаска. Он один из самых богатых купцов, чьи суда и караваны доставляют сандал и корицу, алоэ и мускатный орех, серую амбру и мускус, ароматический тростник и мекский бальзам из дальних стран. Он находит для них покупателей и заказчиков. И сам часто ездит в Багдад и Басру, в города Египта. Моя госпожа не раз посыпала меня к нему за ароматами, и он сам привозил ей бальзамы, и плоды, и травы с самыми чудодейственными запахами. Он также поставщик драгоценных камней и хороших тканей для любимых жен наместника. Моя госпожа заказывала ему черные жемчуга из Йемена.

– Ты говоришь о Бану? – нетерпеливо спросил Абу Наср.

– Да, мой господин! Шамсуддин совсем недавно видел ее. Он удивлен, что я здесь и служу вам. Он слышал о вас.

– Так чего же он хочет от тебя, Хасан?

– Купец намерен встретиться с вами...

Абу Наср не ответил, шагая по тенистому тротуару.

Хасан молча следовал за ним. Он не знал, куда направился его господин – в баню, на рынок или в театр, где идет представление о каких-то богах и богинях не то Вавилона, не то финикиян, а может быть, и о богах его предков-халдейцев.

Хасан давно привык к причудам господина. Абу Наср всегда поглощен своими мыслями. А о чем он думает – об этом никто не может знать, кроме Аллаха.

Подчиняясь внезапно возникшей мысли или идее, Учитель может вдруг шагнуть в сторону или спешно повернуть назад. Он, наверное, уже забыл о Шамсуддине. Может быть, не лишил напомнить ему еще раз? Но нет. Он не может забыть об

этом. Учитель умеет скрывать свои мысли и чувства. Он сейчас вспомнил о Бану, о госпоже. Учитель любит ее и предан ей не менее, чем он,' слуга Хасан.

Хасан немного успокоился. Следя за своим господином, он уже не обращал внимания на встречных людей в хитонах и в плащах, в чалмах, в иудейских шапочках, на нищих и дервишах, торговцев и бродяг, на паланкины и верблюжьи караваны, заполнившие улицы города.

Он думал о тяготах скитальческой жизни. Вспомнил слова Учителя о том, что он может стать хорошим учеником. Но он не обрадовался им. Что пользы оттого, что он станет учеником? Снова вечные скитания, копание в бумагах и страх проплыть неверным, еретиком...

И вообще ему уже надоела жизнь бродяги. Он вспомнил свое детство, Дамаск, свою госпожу и проделки красивой, но очень хитрой и веселой ее служанки.

Увлекшись воспоминаниями, Хасан не сразу заметил, что Абу Наср свернулся и направился в сторону амфитеатра. Оттуда толпами валил народ. Раздавались крики. Хасан увидел, как двое схватили друг друга за горло, остальные окружили их, и уже в следующее мгновение плотная масса дерущихся людей начала заполнять улицу. Над головами замелькали палки, летели камни, засверкали ножи. Мусульмане, христиане, иудеи – люди разных верований – дрались между собой. Громче всех прочих доносились крики «Аллах, Аллах!..». Люди выплескивались из амфитеатра волна за волной и остервенело бросались друг на друга. Кого-то ранили ножом. Вид крови еще более накалил страсти. Каждый, не щадя жизни, дрался, защищая святость своего бога, ибо смерть во имя бога всегда была священной.

Увлекшись зрелищем, Хасан не сразу заметил, что Учитель оказался в самом пекле. Подняв обе руки к небу и взывая к толпе, он стремился примирить людей, разнять их.

– Стойте, люди! Остановитесь во имя создателя! Спокойствие и благоразумие! Вы же люди, вы все братья!..

Но никто не слышал его. Кто-то набросился с кулаками на самого Учителя, но Хасан одним прыжком одолел расстояние, отбросил в сторону напавшего и, защищая от ударов, потащил Учителя в сторону...

– Скорее к Шамсуддину, мой господин! Теперь только он может заступиться за нас! – Хасан боялся преследователей...

– Слава новому халифу! Он истинный потомок пророка! – доносились крики сзади. – Слава повелителю правоверных!

По всему было видно, что мусульмане взяли в драке верх и что это они сорвали театральное представление, в котором превозносились боги неверных. Под визг и хохот дервишней победители обратили в бегство приверженцев других религий.

– С нами всемогущий Аллах! – донеслось до ушей Хасана уже издалека.

«Опять новый халиф. Что же произошло с прежним?...» – подумал Хасан, уводя уставшего Учителя в лабиринты города...

ГЛАВА ПЯТАЯ, ИЛИ СОН В ХАЛЕБЕ

Один день ученого ценнее, чем вся жизнь невежды.

Арабская пословица

Это был удивительный сон, хотя бы потому, что запомнился Абу Насру во всех деталях. Каждое слово, услышанное им в ту ночь, было наполнено глубоким смыслом. Он, этот сон, словно вобрал в себя всю его жизнь, проник в глубину существа его мыслей и потому стал для него вещим.

С той памятной ночи прошло немало времени, но он и сейчас помнил все подробности не только сна, но и тех дней.

То были первые месяцы его жизни в Халебе, куда он прибыл из Пальмиры вместе с караваном купца Шамсуддина.

С тем же караваном Абу Наср отправил Хасана в Дамаск с одной лишь просьбой – вернуться к своей бывшей госпоже и привезти либо прислать весточку о ней. На другой день после отъезда слуги он почувствовал необычайную усталость, лег очень рано. Та ночь была длинной, длинным и таинственным был его сон.

Да и сон ли это?

Чем больше дней, месяцев отделяют от него, тем яснее проявляется он в его памяти, хотя в памяти со временем тускнеют не только сны, но и то, что некогда случилось видеть наяву.

Чем объяснить навязчивость этих видений?

Усталостью, одиночеством, болезнью, старостью?

Чем?

Расскажи он об этом сне подробно, вслух в кругу молодых толкователей ислама или седых муттакалимов, его прозвали бы святым, пророком или же, как это случилось в Тудморе – Пальмире, колдуном, волшебником...

Но, как бы там ни было, он – ныне величаемый всеми, и друзьями, и врагами, Учителем и суфием и, наконец, обретший спокойствие в садах и дворцах султана Саиф ат-Даулат, про-званного «карающим мечом государства» за свою жестокость, незаурядный ум и дальновидность (какое сочетание понятий?). А он, Абу Наср, в своем трактате о «Добродетельных городах и мудрых правителях» доказывал, что жестокость несовместима с мудростью, еще никому не рассказывал о своем сне – о сне, который уже много раз заставлял его, Абу Насра, подвергать сомнению все свои деяния в прошлом и настоящем.

Восстанавливая в памяти пережитое в ту ночь, он еще и еще раз спорил сам с собой о вечности истины и смысле жизни.

Он помнил все.

...Была холодная звездная ночь. Где-то за его спиной, словно перемигиваясь с небом и луной, поблескивал Нил. Абу Наср не знал, как очутился на том плоскогорье, как переплыл реку.

Он мог перешагнуть ее или пройти по волнам, как Христос.

В ту ночь он мог совершить чудо. Мог, плавно взмахнув рукой, мягко перешагнуть с одного бархана на другой, с берега на берег. Мог летать...

Но его остановил могучий и спокойный голос в ночи.

– Зачем ты явился сюда?! Разве ты не видишь, где стоишь?!
Преклони колени!

– Кто ты? – откликнулся Абу Наср. – Скажи свое имя или покажи лицо. Я хочу знать, кто говорит со мной! – ответил

Абу Наср. Он был в белом одеянии. В складках тонкой ткани играл ночной ветерок.

– Я Голос пустыни и неба. И я повторяю тебе: преклони колени! Ибо нет на земле большей святыни, чем этот уголок. Все, кто когда-либо приходил сюда, осторожно ступали на эти песчинки. И царь, и мудрец, и поэт, и палач замирали здесь в изумлении!

– Но где же я?

– На плоскогорье Гизы! Здесь находятся те, кто вершит молчаливый суд над временем... Ты слышишь меня? Здесь начиналась история. Здесь, на берегу Нила, покоятся города и живут те, которых ты ищешь! Ты, дитя диких степей, не знающих почтения к святыням... – торжественно и величаво звучал Голос пустыни. – Еще раз повелеваю тебе: встань на колени! Мой гнев безмерен!..

Абу Наср почувствовал небывалую тяжесть на плечах. Ощутил колющий холод. И тотчас, пряча озябшие руки в складках своего белого одеяния, медленно опустился на колени. Голова, словно залитая свинцом, упала на грудь. Он сделал последнее усилие и вновь поднял ее.

– Я хочу видеть тебя, владыка! – Абу Наср сам не слышал своего голоса.

– Ты никогда не увидишь меня, человек! Но знай: я тот, кто создал эти пустыни, эти горы и реки. Я тот, кому поклоняются люди.

– Люди поклоняются разуму! – возразил Абу Наср, снова не услышав своего голоса.

– Нет! Люди поклоняются богам! – одернул его могучий Голос, который на этот раз прозвучал откуда-то сверху. Ярче заискрились звезды. Луна вздохнула и засветила сильнее. Разорвалась темная пелена, окутавшая пески Сахары.

– Я знаю людей, которые разумом своим раскрывают тайну бытия, и значит, и тайны богов, – не сдавался Абу Наср.

– Они жили и живут здесь! – Теперь Голос зазвучал спо-

койнее. – Под этими песками укрыты все тайны бытия и вселенной.

– Разум не подвластен смерти! Разум не скрошишь в песках!

– О ком ты говоришь, слабый человек? – прогремел Голос.

– И где же живут боги, если не здесь?!

– Они жили на другом берегу великого моря. Один из них дал имя всем, кто находится на этом плоскогорье, другой назвал вечность – космосом, а солнце – Гелиосом. Но величие разума доказали не только они...

– Кто еще? – спросил Голос.

– Аристотель!..

– Кто он?

– Грек. Ученик Платона, который когда-то раскрывал тайны бытия перед своими учениками. Но сам Платон был учеником Сократа...

– Замолчи! Ты слаб и жалок. – Глубокий вздох качнул землю под ногами, колыхнулись звезды. – Ты разбудил Его!

В слабом всплеске зари, вырвавшемся откуда-то из-под края земли, Абу Наср увидел лицо Сфинкса. Оно было спокойным и задумчивым.

– Он увидел Солнце раньше, чем греки возвели храмы своим богам, – продолжал Голос. – Молчи и слушай. Не гневи Его!

Теперь Абу Наср молчал. Тяжесть упала с его плеч. Он встал и ощущал себя хрупкой тростинкой перед могучим Сфинксом, огромное тело которого, освобождаясь от темного покрывала ночи, поднялось перед взором. Кругом все еще была ночь, все так же холодно мерцали звезды.

Глаза Сфинкса были полузакрыты. Казалось, что он еще не до конца пробудился. И вот – о создатель! – Абу Наср вновь услышал его слова, слова Сфинкса. Этот Голос был нетороплив и мягок, он успокаивал и словно призывал к молчаливому раздумью.

– С каждым новым рассветом я вижу бога Солнце поднимающимся на дальнем берегу Нила. Первый его луч – для моего лица, обращенного к нему. За пять тысяч лет я видел все солнца, которые могут помнить люди. Я видел историю Египта в ее первоначальном блеске, так же как завтра вновь увижу новую зарю. Я – преданный и чуткий страж у ног своего господина. Он дал мне свой лик. Я – спутник фараона, и я есть он сам, фараон. На протяжении веков я получил много имен от людей, что приближались ко мне в восхищении. Ты упомянул об одном из них. Так кто же он?

Абу Наср понял, что вопрос обращен к нему.

– Геродот, – ответил Абу Наср так тихо, как отвечает привинившийся ученик своему учителю.

– Я не знаю его, – задумчиво промолвил Сфинкс и продолжал: – Там, у ног моих, на этом обширном плоскогорье, когда все человечество еще пребывало в детстве, там ходили и работали каменотесы, геометры и астрономы, которым были знакомы все звезды неба. Они уже строили, в то время как остальной мир охотился на диких зверей и укрывался в пещерах. Так где же были тогда и что делали те, чьи имена ты здесь произносишь?

Абу Наср промолчал. Молчал теперь и Сфинкс. И, как бы приходя на помощь философу, вновь раздался странный, загадочный Голос:

– О благородный Нил, приветствуя тебя! Величественно льются твои воды, оросившие эти священные долины. Ты помнишь, как однажды пески пустыни захватили поля. Высохли всходы на берегах твоих. Чтобы спасти поля, человек придумал дамбы и каналы. Люди любили землю и возжелали ее как свою могилу. И с тех пор здесь, на плоскогорье Гизы, построены вечные жилища мертвых. Но их души бессмертны – бессмертны души великих...

– А я, верный спутник времени, – раздался голос Сфинкса, – видел рождение и падение династии, видел седых жрецов и

слышал легкие шаги благородных дам... – Лицо Сфинкса озарилось загадочной улыбкой. Он снова умолк, будто погрузившись в воспоминания.

– Ты помнишь рассказ о соколе, что украл сандалию, пока женщина купалась в Ниле? – обратился Голос к Сфинксу. – Он обронил ее в саду фараона... Так прекрасна была сандалия и такая маленькая, что фараон пожелал увидеть хозяйку. И он женился на ней.

– То легенда, мой вечный спутник, – сказал Сфинкс.

– А ты помнишь, как один из знати при дворе Хеопса завлек любовника своей жены в глубокое озеро, использовав восковую фигурку, и там обратил его в крокодила с помощью мага? Желая удивить Хеопса своей магической властью, он охотно, но безрассудно повторил перед Хеопсом содеянное, ибо фараон наказал и виновного, и хвастуна. По его приказу царедворца бросили к крокодилу, который пожрал его, а неверная жена была подвергнута наказанию.

– Это тоже легенда. Но она урок для него... – Глаза Сфинкса раскрылись, и он взглянул на Абу Насра.

– Ты помнишь молодого фараона Аменхотена Второго? Плечи его были широки, талия тонкой, он мог сдерживать в повиновении дичайшую лошадь. Его имя выгравировано на камне, лежащем перед тобой!

– Это история моей жизни!.. – Сфинкс закрыл глаза. – Продолжай, мой вечный спутник!

– А затем люди забыли о тебе. И ты решил навсегда скрыться от них. Укрыться песком и землей. Задержанный войной в Месопотамии, Аменхотен Второй был далеко от своей земли. А принц однажды, после возвращения с охоты на льва, остановился отдохнуть в твоей тени. Ты ниспоспал ему сон и заговорил с ним.

– О, я помню тот день! – вновь заговорил Сфинкс, приоткрывая глаза и озаряясь светом. – Принц был моим любим-

цем. Я сказал ему тогда: «Обрати взор свой на меня, сын мой. Внемли мне, и тогда белая и красная короны, короны Верхнего и Нижнего Египта, будут твоими. Твоей будет вся эта земля в длину ее и в ширину. Ты видишь, как я заброшен, как неприглядно мое тело? Я – хозяин плоскогорья Гизы. Извлеки меня из песков, и ты станешь царем!»

– Воистину все было так, – подтвердил Голос. – Проснувшись, молодой человек очистил тебя от песка и был коронован как царь Тутмос Четвертый и выгравировал меж твоими ногами сон, который ты внушил ему. А ты, человек, искатель истины и поклонник разума, ты хотел бы увидеть, как это было?

– Я весь внимание, – ответил Абу Наср.

– Так смотри же! Церемония коронации началась. Видишь, толпы народа собирались на берегу?

Тут яркий свет озарил все вокруг, и Абу Наср увидел людей, заполнивших берега Нила. Увидел царскую барку, плывущую вверх по реке, подгоняемую двумя сотнями весельщиков... Вот барка причаливает, с нее сходит фараон, сходит и направляется к огороженной канатами площадке, чтобы заняться стрельбой из лука. Толпы народа следуют за ним.

Он отважен, этот юный фараон; увидев игру полууприрученной лошади, тут же велит впрячь ее в свою колесницу. Он крепко держит вожжи, подчиняет лошадь своей воле, колесница мчится по кругу раз, другой, третий... Толпа приветствует его, а фараон уже выбрал себе лук. Он перепробовал более полусотни, прежде чем отобрать вот этот.

Он снова направляет колесницу к мишени. Натянул тетиву лука. Пускает стрелу. Попадает прямо в центр, и снова натягивается тетива, и снова стрела попадает в цель.

Вот его последняя стрела поражает мишень и пролетает насквозь!

Это его триумф. Гордо возвышаясь над колесницей, фараон направляется ко двору, где его ожидает трон.

Двор, жрецы, народ приветствуют его хвалами и пожеланиями. Он получает двойную корону и всходит на триумфальную колесницу, едет в храмы Хармакиса, Хеопса и Хефрена.

— Да здравствует фараон! — несется со всех сторон. Но голоса уже становятся все тише и тише. И умолкают...

Исчезает видение. Снова ночь. Изумленный Абу Наср с удивлением оглядывается вокруг. Смотрит на звезды. Ощущает холод и одиночество. И вновь раздается Голос:

— Правление монарха кончено... Фараон мертв, и сейчас из долины доносятся печальные звуки похорон. Ты слышишь их, скитаец?

— Да, владыка, я слышу, — отвечает Абу Наср. Из-под земли доносится плач.

— Вглядись во мрак ночи, скитаец. Ты видишь: фараон похоронен в деревянном саркофаге, инкрустированном золотом и драгоценными камнями. Церемония в нижнем храме закончена, и, подымаясь по дамбе, похоронная процессия приближается к гробнице, к пирамиде.

Абу Наср увидел пирамиду и ее погребальные покои. Все подготовлено к пересечению озера, что ведет к вратам в иной мир.

Последняя глыба камня будет водружена на место так искусно, что никто никогда не узнает, какая часть стены — дверь.

Верховный жрец совершил последнее прощание...

Видение исчезло. В предутреннем мраке появляется высокий, начисто выбритый жрец в белом хитоне. Он стоит на возвышенности рядом с пирамидой.

— Теперь, царь, ты покидаешь нас не мертвым, ты отходишь живой! Если ты уходишь, ты вновь вернешься скоро, — торжественно произносит жрец, подняв руки к небу. — Если ты спишь, ты проснешься. Если ты умер, ты воскреснешь вновь. Ты, кто поднялся к неумирающим звездам, ты никогда не исчезнешь!

Абу Наср слышит голоса плакальщиц, доносящиеся сквозь монолиты пирамиды Хефрена, возвышающейся перед жрецом.

Увы! Увы!

Пусть плачем мы, плачем без отдыха.

О, славный путешественник в вечность, ты есть сейчас, –

четко доносятся их слова. Луна и звезды разгораются ярче. Чувствуя приближение утра, Абу Наср уже видит другие храмы и пирамиды Гизы...

– Так, тысячелетиями, династия следовала за династией, – продолжал Голос. – Но из монархов Древнего Египта ни один не привлекателен так, как тот молодой фараон, поэт и мистик... Запомни об этом, скиталец! – обращается Голос к Абу Насру. – Он покинул Фивы, чтобы основать свой собственный город. Он отверг бога Амона и его жреца, чтобы поклоняться выбранному им самим богу Атону. Он сложил с себя имя Аменхотепа IV и принял другое – Эхнатон. Атон Единственный... Он умер в тридцать лет от роду. Три тысячи лет назад он написал и произносил свою молитву: «Твой восход, о дивный Атон, отнимает у меня дыхание, ты владеешь моим сердцем. Ты создатель и дарователь всего сущего, люди живут твоей милостью, Атон, «вечно живущий и вечно дарующий жизнь».

– Остановись! – раздался голос Сфинкса. – Я видел, как завоеватели, мечтавшие о славе, блистали передо мной и склоняли свои головы. Я видел многих с горящими глазами, они завидовали моей славе и бессмертию.

Века проносились над моим членом. Я знал годы отчаяния, когда люди страшились моей улыбки, дети считали меня безобразным и – никто не слушал меня. Ключи от Древнего Египта утеряны. Все наше знание, сама душа наша, свернутая в тысячах папирусов, спит, неизвестная и ненужная, во мраке и безмолвии гробниц. И ты, жалкий человек, считающий себя

поклонником разума и искателем истины, никогда не познаешь их!..

— Прости, несравненный и могучий владыка! — возразил Абу Наср. — Но людские мечты и планы никогда не сбываются полностью, ибо знание и мудрость бесконечны.

— Повелитель вечности! — вскричал Голос, обращаясь к Сфинксу. — Как же этот жалкий скиталец, который подобен тле, сидящей на песчинке, осмелился перечить тебе?

— Ты лишен самого великого блага для всех живых и мертвых — спокойствия! — ответил ему Сфинкс. — Я устал молчать. Дай же мне насладиться беседой. — Затем он вновь обратился к Абу Насру: — Ты говорил о Геродоте...

— Его называют отцом истории, — ответил Абу Наср.

— Он, кажется, назвал меня «сфинксом», как будто я с его земли. Откуда ему знать мою историю? Он такое же наивное дитя времени, как и ты.

— Цивилизации подобны островам в океане варварства, — ответил Абу Наср. — Ибо ты не только встречаешь восход бога — Солнца, но уже тысячелетиями взираешь на эту реку, по которой проплывали самые разные люди от фараона до раба. Ты каждый день видишь эти холмы и пирамиды, у подножия которых все становится мимолетным, незначительным, а человек кажется насекомым. Но все же их построили люди! И слава пирамид, и твоя слава — это слава людей, их разума. Ты знаешь об этом, владыка пустынь и Нила!

— Остановись, человек! — вскричал Сфинкс. — Люди ничтожны! Они покоряются лишь силе! Силе, способной превратить их в муравьев и заставить строить пирамиды вечности.

Лицо Сфинкса озарилось, глаза его были раскрыты, и их странный, глубокий блеск сковал Абу Насра.

— Но сила людей в разуме! — не отступал философ.

— Нет! Сила — во власти, управляющей народом. Ты всего лишь ничтожная пылинка земли, скиталец, и ты смеешь искать тайны бытия, секреты истины?! Ты мечтаешь о Доб-

родетельных городах, удивляешься вещам давно забытым и вновь открытym! Так знай: велик и могуществен был город Мемфис – столица, стоявшая в этой долине. Но где он, Мемфис? Где Вавилон, где Карфаген и Пальмира? Где твой Отрап? Все они погибли, утеряв свою силу и волю, погрязнув в роскоши и распутстве. Нет былых городов здесь, нет Мемфиса, нет дворцов, в прах превратились цари и халифы. Остались фараоны.

Велики и могущественны были фараоны, но не все. Здесь правили, правят и будут править лишь три фараона: Хеопс, Хефрен и Микерин!

Люди – муравьи, подобные тебе, опустошили их саркофаги и гробницы. Но фараоны живы!

Время сменяет одно поколение за другим. Но они, эти трое, останутся жить, пока жива Земля! Они правили и будут править, царствовали и будут царствовать, нося двойную корону Верхнего и Нижнего Нила. Они правят своим двором, своими приближенными, похороненными здесь. Они правят маленькими пирамидами, где покоятся их царицы, правят могилами своих жрецов, шутов, ученых, астрологов, певцов, поэтов и куртизанок. Вот они – три великих фараона! Смотри!

И Абу Наср увидел, как Сфинкс качнулся и поднял правую лапу. Земля вздрогнула, грянул гром, и всплеск молнии осветил на миг три великих пирамиды.

– О несчастный, ты погибнешь! – раздался Голос пустыни.
– Ты вызвал Его гнев!

– Успокойся! – отозвался Сфинкс. – Я пощажу скитальца. Я лишь говорю ему об истине, как он – своим ученикам. Я лишь свидетельствую волю Хеопса – моего отца. Я, видевший, как тщеславная мечта завоевателей и безумство мудрецов рассыпались, будто мертвые листья, сказал: «Мир боится времени, а время – пирамид!» Запомни это, человек. Твой грек Геродот назвал пирамиды одним из семи чудес. Но где же остальные шесть?! Где сады Семирамиды и Александрийский маяк?..

Ничто не сравнится с этими пирамидами! Великий мудрец Имхотеп, создавший чертежи пирамид, здесь, в Саккаре, на плоскогорье Гизы, был отцом всех историков, астрономов, математиков, архитекторов и философов. Его ум и знания, покорившись силе и воле фараона, создали эти памятники вечности, которым не страшны потопы, ураганы и все невзгоды, которые небо когда-либо обрушивало на Землю. Они выстояли и тогда, когда страшный гнев небес обрушился на Египет!¹ О, ты стал задумчив, скиталец! Говори же! Скажи мне, о чём твои мысли?

– Ты прав, владыка, – начал Абу Наср – Те, кто работал здесь, кто создал эти памятники вечности, достойны глубочайшего уважения и восхищения. Они знали, что должны делать, куда идти. Они верили, а вера превыше всего. Вера в людей, в их силу и разум...

– Не люди, а фараон знал все это, верил в свою силу и подчинял всех своей силе и воле, – упрямо перебил его Сфинкс.

– Но ты говорил и об Имхотепе – ученом!

– Да, он обрел силу и бессмертие, подчиняясь воле фараона. И написал: «Не отвечай на добро злом, а зло побеждай добром...»

– Владыка, но где же справедливость? Разве она не превыше всего?

Сфинкс не обратил внимания на вопрос Абу Насра и продолжал:

– Ты слышал здесь голоса минувших тысячелетий. Таково было мое желание. И если эти голоса показались тебе знакомыми, то потому лишь, что их первое эхо дошло до тебя через Персию и Индию, через Грецию и Рим, через христианство и ислам. А теперь ступай своей дорогой. Знай, что не греки

---

¹ В двадцать седьмом году до нашей эры страшное землетрясение прошло по всему Египту и уничтожило величайшие храмы в Карнаке, в Долине ботов, по всему Египту.

воспели разум. Разум – дитя богов... Больше не тревожь меня. Я должен достойно встретить бога всех богов, моего самого могущественного владыку, который может уничтожить или возродить все земное! Иди! Я встречаю бога – Солнце!..

Лицо Сфинкса стало багровым, затем просветлело.

Из-за дальних холмов пробились и рассыпались по земле солнечные лучи.

Видение исчезло...

* * *

...Абу Наср проснулся, весь облитый потом. Сквозь листву деревьев светило утреннее солнце. Пели птицы. Но ни в то утро, ни на другой день Абу Наср не обращал внимания на голоса певчих птиц, на красоту сада султана Саиф ат-Даула, в котором он мог проводить свое свободное время, беседовать с учениками или учеными, – на то была воля самого владыки.

В те дни он не мог, как обычно, по утрам углубляться в свои трактаты и даже избегал споров, не посещал меджлисы ученых. Его мысль была целиком поглощена тем, что он увидел во сне.

Днем он бродил по Халебу, словно забыв о всех земных делах, а ночью лежал с раскрытыми глазами, не в силах уснуть.

Он искал причины столь загадочного сновидения... Ему не хотелось раскрывать кому-либо тайны своего неожиданного молчаливого уединения.

Раньше, когда Хасан или Зухейр были рядом, он мог поразмышлять вслух, поведать им как сказку о том, что будоражило его мысль. Но сейчас не было ни Хасана, ни Зухейра. Еще до того, как он отправил Хасана с письмом к Бану, султан Саиф ат-Даула Хамдани отнял у него Зухейра.

После прибытия в Халеб вместе с караваном купца Шамсуддина Абу Наср и его спутники провели неделю в караван-сарае. Там же, в караван-сарае, в тесной келье, при свете лучин, он написал свое письмо Бану.

Проводив караван, с которым Хасан уходил в Дамаск, оставшиеся Абу Наср с Зухейром направились в главную мечеть.

Окончив намаз, горожане не спеша покидали огромный зал мечети. Подобрав у входа свою обувь, Абу Наср в сопровождении Зухейра спускался по ступеням, когда увидел вышедшего вслед за ними человека и узнал в нем Абу Исхака – участника всех меджлисов ученых при дворе покойного халифа аль-Муктадира. Тогда оба они были намного моложе.

Всегда спокойный и немногословный, Абу Исхак уже в те годы привлекал внимание своей любознательностью. Сказать, что он особенно выделялся среди других своими познаниями или талантом, было нельзя. Но всегда старался сам, своим собственным разумением определить меру правоты или меру ошибочности тех или иных взглядов на вещи. Врожденная скромность, а быть может, и нерешительность мешали ему проявить глубину своих собственных суждений. Но главное, Абу Наср ни разу не замечал в нем черт корыстолюбия, тщеславия и злой зависти, не замечал льстивости, раболепия и заискивания перед более сильными. Правда, в те годы – и тогда, когда они встречались на меджлисах, и тогда, когда выезжали в свите повелителя на прогулку или охоту, в библиотеке, в поездках в Салманпак¹, расположенный вблизи Багдада, где высится могущественная арка Хисроу, Абу Наср не проявлял особого интереса к этому молчаливому человеку. Хотя именно там, в Салманпаке, Абу Исхак пригласил его в свое небольшое, но богатое поместье с редким по красоте садом. Здесь рядом с аркой и кипарисом росли пальмы и карагач, нежные арабские сосны, апельсины, бананы, лимоны. Цвели розы и канны. Одним словом, здесь были собраны породы чуть ли не всех деревьев и цветов мира. Абу Исхак был искуснейшим садоводом и знал многие тайны природы. Уважение вызывало еще и то, что

---

¹ Место расположения последней столицы Сасанидов в Месопотамии.

Абу Исхак умел неназойливо облагодетельствовать и молодых, и старых бедных искателей знаний. Он был меценатом.

И вот этот Абу Исхак оказался в Халебе. Как и прежде, одет не богато, но опрятно. Однако нет прежней осанки. Годы взяли свое, превратив его в благообразного седобородого старца. В сопровождении нескольких, таких же, как и он сам, ученых мужей Абу Исхак степенно спустился со ступенек и остановился на краю площади перед мечетью, продолжая беседу.

Абу Наср прошел было мимо, не решив, надо ли проявлять любопытство и мешать беседе Абу Исхака. Ведь прошло слишком много времени. Он может и не узнать его.

Но в загорелом, обветренном человеке Абу Исхак узнал Абу Насра.

– О помоги мне, Аллах! Не обманулись ли мои глаза?! Поздорвите, почтенный! Я не мог ошибиться... – Абу Исхак, оставив в недоумении своих собеседников, бросился к Абу Насру.

– Слава Аллаху! Вы ли это, Учитель?! Я – Абу Исхак из Багдада. Вы помните меня? О, сколько воды утекло с тех пор!

Если учесть характер Абу Исхака, такой восторг был для него необычен, но в искренности его не оставалось сомнений. Да и Абу Наср не смог скрыть своих чувств, он был взволнован этой встречей не меньше.

Вечер они провели вместе у Абу Исхака в воспоминаниях о былых днях, о друзьях и недругах. Оказалось, что Абу Исхак уже более десяти лет живет в Халебе, что он продал свой изумительный сад под Багдадом и убрался оттуда после гибели халифа аль-Муктадира, когда начались бесконечные заговоры и смуты, бунты рабов, гонения на карматов камнями, пытками, убийствами ученых и поэтов...

Абу Наср услышал и о том, что здешний султан Саиф ат-Даула стал покровителем ученых и поэтов. Что он, и только он, великий султан, отныне – крепкая опора ислама. И что только в Халебе не было за эти годы таких смут и волнений, как в Багдаде, Мосуле, Дамаске, в Бухаре и других городах.

– Саиф ат-Даула дальновиден как политик, жесток и суров как правитель, мудр и терпим как философ, – говорил Абу Исхак. – Он ныне истинный и грозный защитник нашей веры. Он покровитель всех, кто верен Аллаху...

– Но ведь верность Аллаху – это покорность судьбе, покорность произволу владык, – решился возразить Абу Наср.

– Покорность не только внешняя. Но и покорность и податливость в мыслях, мой друг. А безропотность мысли – это духовное рабство, отказ от поисков, от борьбы за истину...

Эти слова, казалось, нисколько не смущили Абу Исхака, он принял их спокойно, как должное, не оспаривая и не поддерживая.

– Наверное, ты прав. Учитель. Твои слова, как всегда, точны, а мысль не знает покоя, – сказал он.

Абу Наср, однако, молчал.

– Но в то же время многим чужды понятия борьбы и насилия, – Абу Исхак явно стремился прервать это неожиданное и тягостное молчание. – Для многих людей естествен дух спокойствия и примирения с судьбой. Ведь именно повиновение судьбе, предписанной Аллахом, предопределяет долговечность традиции и обычая. А вера в Аллаха дает желанное спокойствие и удовлетворенность тем, что есть. Все в руках Аллаха, мы все его рабы.

Абу Исхак не спорил, он просто пытался перевести беседу в спокойное русло. Он рассказывал о богатстве библиотеки султана. Оказалось, что в Халебе действительно собраны все лучшие переводы трудов многих почитаемых ученых и философов древности, что султан не жалел ни средств, ни силы, чтобы собрать их в свою сокровищницу мудрости. Книги он привозил как трофеи после очередных сражений или очередного нашествия, скупал на рынках у каллиграфов и купцов, даже посыпал за ними своих гонцов в дальние страны.

– Если два прошлых века для арабской философии и науки были, по словам аль-Кинди, периодом раскрытия всех знаний

в арабских переводах, то все эти книги, в коих излагаются учения китайцев, индусов, персов и греков, будут собраны здесь!

— Эти слова, сказанные однажды султаном, Абу Исхак с гордостью повторил Абу Насру. И он же первым ввел Абу Насра в меджлис ученых, собравшихся в Халебе за последнее десятилетие.

Это было в четверг, в день, предназначенный самим султаном для встреч и бесед с книжниками. Сам султан, по словам Абу Исхака, редко бывал на таких меджлисах. Он любил проводить свое время в походах либо на охоте. Или же наблюдал за работами в каменоломне, так как, заново отстраивал все внутренние помещения старинной крепости, возвышавшейся в центре Халеба на высоком холме. Но в тот день, когда Абу Исхак привел Абу Насра во дворец, Саиф ат-Даула решил посетить меджлис, и потому охрана, предварительно обыскав Учителя, доложила султану о неверном госте.

— Ты привел нам неизвестного странника, — сказал султан, как только они перешагнули порог зала, не дав вымолвить слова и без того растерявшемуся Абу Исхаку и бросив мимолетный взгляд на Абу Насра. — Значит, он достоин этой чести. Я верю тебе. Пусть он займет в нашем кругу место, которое сам сочтет достойным для себя.

И Саиф ат-Даула еще пристальнее взгляделся в философа, смерив его взглядом с головы до ног.

Султан восседал в зале на почетном месте, застланном львиными шкурами. Перед ним на коврах сидели полукругом человек тридцать безбородых и чернобородых мужей. Одни держали в руках чаши с вином, другие задумчиво перебирали четки. На скатерти и на подносах громоздились яства. Слова своего султана эти люди встретили возгласами одобрения, вознося хвалу его мудрости.

Абу Наср лишь слегка поклонился султану, что сразу же вызвало ропот, ибо пришелец должен быть более благодарным и учтивым. Но ропот вырос в открытое негодование, когда Абу

Наср, немало удивив Абу Исхака, направился прямо к султану и сел рядом, справа от кресла повелителя.

Султан молчал. Зал притих.

Главный телохранитель, стоявший за спиной султана, двинулся было к незваному гостю, но Саиф ат-Даула остановил его жестом.

Растерянный Зухейр, сопровождавший своего Учителя, на секунду замешкался было у порога, но затем направился к Абу Насру, чтобы сесть рядом с ним. Правитель резко поднял руку и остановил юношу.

– Наш гость сам выбрал место для себя. Мы еще не спросили его, достоин ли он этой чести. Но слуга или ученик нашего гостя должен оставить этот меджлис старших. Отведите его туда, где сидят молодые книжники и каллиграфы – летописцы наших подвигов и государственных дел.

Зухейр посмотрел на Абу Насра. Тот легким кивком головы выразил свое согласие. Зухейра увели. И снова воцарилось молчание.

Абу Исхак поднялся с места, вероятно, для того, чтобы еще раз попытаться представить Абу Насра султану и всем участникам меджлиса. Но правитель вновь перебил его.

– Мы спрашиваем тебя, пришелец! Знаешь ли ты, что место, которое ты выбрал для себя, может занять лишь тот, кому мы окажем свою высокую милость? Здесь, в зале, сидят те, чьи знания достойны нашего внимания. Чем же ты докажешь, что ты достойнее их? Отвечай!

– Спокойствие, султан Саиф ат-Даула! – начал свой ответ Абу Наср.

Тот был ошеломлен таким обращением, рука его потянулась к сабле, лежавшей рядом в ножнах, украшенных золотом и алмазами.

– Спокойствие! – непринужденно повторил Абу Наср, повергая всех в изумление. – Досточтимый султан, наверное, слышал и знает, как и почтенные участники этого меджлиса, о

том, как однажды великий философ арабов аль-Кинди вошел к халифу Мамуну и занял место выше имамов ислама. Вы помните, что тогда предводитель меджлиса спросил у аль-Кинди: «Ты почему садишься выше всех имамов ислама?» И вы знаете ответ аль-Кинди, он сказал: «Потому что все, что знаешь ты, знаю и я, но не все из того, что знаю я, знаешь ты!»

– Но я не вижу здесь аль-Кинди, бродяга! – ухмыльнулся Саиф ат-Даула. – Твоя речь похожа на речь обреченного безумца.

Раздался смех.

– Но нет здесь и халифа Мамуна, который был покровителем искусств и науки! – громко парировал Абу Наср, заглушая смех.

Все умолкли. Черные усы султана передернулись, глаза гневно засверкали. Он вырвал саблю из ножен.

Вскрикнул и пал ниц Абу Исхак. Но султан, сдержав себя, опустил саблю плашмя на плечи Абу Насра. Абу Наср не шелохнулся.

– Во время той встречи один из имамов повелителя правоверных задавал вопросы аль-Кинди, чтобы узнать, кто он такой, – уже спокойнее сказал султан и обратился к тому, кто сидел ближе всех: – Твое слово, несравненный из поэтов!

Грузный, круглобородый вельможа в толстой чалме поспешно поднялся с места. Постоял молча, словно стремясь предугадать мысли и желания повелителя, приосанился и начал нараспев:

В этом мире вечна только твердь,
Так уж то велено от века,
Днем и ночью лиходейка смерть
Жадно караулит человека.
И тебе от смерти не уйти,
И тебе не обрести спасенья,
Даже если выкуп принести
За твои былые преступленья...

В зале стояла все та же тишина. Голос человека, которого султан назвал «несравненным из поэтов», звучал в этой тишине подобно голосу муэдзина, призывающего мусульман к молитве.

– Не утруждай себя, почтенный, столь длинной и долгой цитатой. Ты говоришь словами Абу Закара – человека с добрым сердцем, современника Гаруна аль-Рашида, слепого поэта, чьи старания спасти достойного из бармакидов – визиря Джрафара – не привели ни к чему, – спокойно перебил его Абу Наср, ощущая на плечах тяжесть холодной стали. – Великий грех перед Аллахом выдавать чужие стихи за свои.

– Это мои стихи! – вскричал чтец, теряя самообладание. – Я готов поклясться на Коране!

Все зашумели, кто-то крикнул, что и он читал эти стихи, что Абу Наср прав.

Отрубите ему голову, мой владыка! – уже не говорил, а кричал в истерике тот, кого султан назвал «несравненным из поэтов». – Этот бродяга лжет!

– Не оскверняй святую книгу ложью! – спокойно сказал Абу Наср.

Султан снял свою саблю с плеча Абу Насра, бросил на атласные подушки и расхохотался.

Все вновь притихли, а затем начали смеяться вслед за султаном.

Абу Наср молчал.

– Довольно! – крикнул Саиф ат-Даула и мрачно оглядел зал. – Довольно! Как жалки вы, носители мудрости, поклонники искусства! Достоинство пришельца вам урок. И если он сказал правду, то ты обманул всех нас! – он указал на чтеца. – Не он, а ты тогда достоин казни. Но если этот пришелец, даже сказав правду, не по достоинству занял это место, то и он заслужил наше наказание!.. Кто же поручится за него и скажет, что он достоин нашего уважения?

– Позволь, владыка, слуге твоему сказать слово... – Абу Исхак с поклоном приблизился к султану.

– Говори!

– Почтенные, кто из вас слышал имя аль-Фараби? – обратился Абу Исхак к сидящим.

– А кто же не знает имени Учителя, – воскликнули в ответ ученые мужи, – открывшего для нас тайны мудрости Аристотеля и Галена, Платона и Евклида, имени великого математика и музыканта, астролога и философа, превзошедшего самого аль-Кинди?!

– Почему ты спрашиваешь об этом? При чем тут аль-Фараби? – спросил Саиф ат-Даула.

– Это он! – указал Абу Исхак на Абу Насра. – Это он, мой великий султан! Да пусть будут милость и слава упомянуты в веках!..

– Что самое прекрасное в человеке? – обратился султан к Абу Насру, когда возбужденный зал утих.

– Доброта, высокочтимый султан.

– Но что же тогда ценно в человеке?

– Его ум.

– А что всего нужнее людям?

– Справедливость, мой повелитель, – ответил Абу Наср, стараясь понять, куда же клонит султан.

Сидящие в зале внимательно слушали их диалог.

– Я читал ваши трактаты и слышал, что вы написали книгу о Добродетельных городах, досточтимый Учитель. – Теперь голос султана звучал дружелюбно. – Ваша мудрость восхищает многих. Но возможно ли построить город, где все могли бы жить мирно? Ведь слышали мы, что еще древние греки писали о невозможности такого города и государства...

– Платон говорил, что, каково бы ни было государство, в нем всегда есть два государства, – спокойно возразил Абу Наср. – Два государства, враждебные друг другу: одно – бедных, другое – богатых...

– Значит, такое было и будет всегда, – Саиф ат-Даула пристально смотрел на Учителя.

– Главным признаком идеального государства Платон считал справедливость. Справедливость ко всем людям – к рабам и пахарям... Справедливость, позволяющая каждому заниматься своим трудом...

В зале стояла все та же тишина.

– За что же вы уважаете своего друга Абу Исхака? – переменил неожиданно тему беседы султан.

– За знание, доброту и искренность, мой повелитель.

– Как вы считаете, Учитель, что я ценю в этих людях? – повелитель указал на слуг и на двух музыкантов-кифаристов, сидевших у входа в зал и ожидавших приказаний.

– Слуг – за их дар угождать, а музыкантов – еще и за их дар, который приносит нам наслаждение, ласкает наш слух, мой повелитель.

– Ты ошибаешься, Учитель. Я ценю их за преданность.

– Угождать и быть преданным – не одно и то же, мой повелитель, – заметил Абу Наср. Было очевидно, что его ответы начали раздражать не только султана, но и стоявшего рядом великого визиря.

– И то, и другое можно добыть богатством и силой, – вступил визирь в беседу. – Даже вол не пойдет под ярмо раньше, чем аркан не схватит его рога. Дикий конь не подставит спину под седло, если его шею не стянет петля. А звон монеты ласково прозвучит и для слуги, и для красотки... – улыбнулся он.

– Прав великий визирь, – доносились восторженные возгласы. – Его остроумию нет предела.

– Не всякая истина всеобъемлюща, досточтимый визирь, – ответил Абу Наср, выждав тишину. – Не всякая женщина продаст свою честь за монету...

– Но если люди не будут угождать владыкам, перестанут покоряться силе, захотят свободной любви, будут покушаться на богатство и власть избранников Аллаха, то кто же тогда

построит тот город, о котором мечтаете вы и, между прочим, пишут в своих посланиях «Братья чистоты...»? – Глаза визиря гневно сузились.

Нежная, спокойная музыка заполнила зал.

– Знание и разум человека, обладающие силой и движимые справедливостью, могут созидать блага для людей, великий визирь, – не отступал Абу Наср.

– Довольно споров и бесед! Начнем веселье!.. – Слова султана прозвучали приказом для всех.

* * *

Так состоялось знакомство Абу Насра Мухаммеда ибн Мухаммеда ибн Тархана ибн Узлаг аль-Фараби ат-Турки с грозным султаном, повелителем всей Северной Сирии, «карающим мечом государства» Саиф ат-Даула Хамдани.

...Ему не пришлось больше увидеть Зухейра. Султан забрал его в свиту таких же молодых одаренных ученых и поэтов, которые повсюду сопровождали своего повелителя.

Абу Наср не знал, что после меджлиса султан вызван Абу Исхака и велел рассказать ему о жизни Абу Насра и достать все трактаты Учителя.

Попав на меджлис ученых после долгих скитаний, Абу Наср не испытал ни радости общения, ни успокоения, потому что не нашел достойных собеседников, хотя и завоевал почет и уважение самого султана.

Он вновь ощущил одиночество и тревогу. Его до глубины сердца оскорбили слова султана, обращенные к тем, кто сбился тогда в зале: «Как жалки вы, носители мудрости, поклонники искусства!»

И еще он тосковал по Хасану и Зухейру, к которым привык, и каждый раз ловил себя на том, что он думает о Бану и не может не думать о ней. Но жизнь брала свое. Его опять увлекла работа. Теперь у него было все – и книги, и крыша, и пища, и одежда, и бумага. Он находился под защитой одного из са-

мых могущественных правителей своего времени. Однако все чаще начинал он чувствовать усталость. Порой неожиданная тоскливость овладевала им. И в один из таких тягостных моментов и приснился ему тот удивительный сон...

* * *

...Как и в прежние годы, он старался забыться от тревожных раздумий в работе над своими трактатами, не разделяя границ дня и ночи. Но порою не мог одолеть за день и страницы. Сидел в тишине, погруженный в свои раздумья, или бродил вдали от людских глаз, помогая садовникам, наблюдая за работой пахаря. Не раз он вспоминал строки, написанные им для Бану и врученные Хасану.

«...Я благодарен создателю за те дни и ночи, которые он даровал нам, чтобы мы провели их вместе. Видит всемогущий Аллах, я вечно живу под твоей звездой, не в силах забыть те благословенные мгновения, тепло твоих рук, твой голос, – писал он. – И хотя далек сейчас твой очаг – на то воля создателя, – видит бог, я греюсь у твоего огня...

Но как далека ты сейчас и как ты близка, моя Бану, ибо каждый миг, чувствуя твою отдаленность, я в то же время говорю с тобой, ощущаю тебя.

Я ищу тебя в садах и на полях. Твое дыхание живет в каждой сединке моих волос.

Одиночество – мой выбор.

Я говорил тебе об этом. Но если создатель наделил бы меня властью и силой, способной уберечь любовь от жестокости бытия, то я бы не смог и дня прожить без тебя.

Ты знаешь об этом.

Но и теперь, слава Аллаху, за те дни ласки, которыми я, скиталец-турк, был одарен тобой, моя Бану.

О как бы я хотел вновь увидеть твою улыбку, твой мимолетный гнев и вечную радость в твоих глазах!

Пусть Аллах сбережет тебя от сглаза, от гнева близких и сильных мира сего.

Пусть создатель твою печаль и твои муки переложит на мои плечи...»

Это было длинное письмо.

Он писал его втайне от Зухейра и Хасана.

Но сохранилась ли она, эта тайна? Смог ли Хасан благополучно свидеться со своей госпожой и передать письмо?

А если оно попало в чужие руки?

О создатель, какие только думы не рождаются в голове, когда человек стареет в одиночестве?!

И самое страшное в том, что ты не можешь, не в силах поделиться с кем-либо своими тревогами, своей печалью, своей тайной.

Даже о вещем сне рассказать некому, хотя общение с людьми, как утверждал Конфуций, великое благо и в минуты горести, и в минуты радости человека.

Конфуций основал школу этики, как Платон свою академию, в которой стремились к причинному пониманию явлений, изучали правила беседы, и, так же как и в «Памятнике мемфисской теологии»¹, в этой школе утверждалось, что «язык повторяет то, что подсказано сердцем».

Но как тяжко, как неимоверно тяжко бывает тогда, когда язык не может вслух выразить то, что просится наружу, чего от него требует сердце?!

Абу Наср не мог, да и желания у него не было поделиться своими тайнами с Абу Исхаком. Он привык к уединенному самоуглублению, к мучительному самопознанию. К тому же врожденная гордость не позволяла ему обнажать свои сокровенные мысли другим.

Он понимал, что, предав огласке свой сон, он волей-

---

¹ По предположению ученых, этот письменный памятник создан египтянином в конце четвертого тысячелетия до нашей эры.

неволей вызовет десятки кривотолков, даст пищу астрологам, которых ныне развелось немало, вызовет комментарии звездочетов, богословов и знахарей, в которых не было недостатка и в Халебе.

Но в то же время он искренне верил, что этот сон был вызван его мучительными поисками, его размышлениями о тайнах бытия, о жизненном опыте.

Опыт жизни, опыт истории. Неужели, закончив свои «Логические трактаты», он начисто забыл об этих отправных точках для любого сравнения, для философских выводов?

Опыт жизни! Да ведь именно этот опыт жизни он имел в виду, когда писал своей прекрасной Бану: «...если бы создатель наделил меня властью и силой, способной уберечь любовь».

Власть и сила зла заставили бежать его из Оттара и Бухары, Багдада и Дамаска, бежать из Тудмора; эту же власть и силу ощущал он и в словах Саиф ат-Даула, когда тот казнил чтеца, пожелавшего стихи слепого поэта Абу Закара выдать за свои...

О создатель, как все сложно и в то же время просто на этом свете?!

Приснившийся сфинкс говорил ему о силе? Но ведь он мог иметь в виду силу, способную защитить и добро, и разум. Он говорил о силе и воле, которые должны сопутствовать добру и разуму. Ибо ни добро, ни разум сами по себе не смогут защитить себя от зла. Не бывает абстрактного разума, абстрактного добра, абстрактной любви. У них должны быть крепкие щиты и острые копья. Иначе они будут обречены на вечное поражение. Добро и разум должны уметь защищать себя!

Тысячелетия прошли с тех пор, как великий зодчий, учений и философ Имхотеп, использовав власть и волю фараона, направил силу народа на превращение в реальность своей идеи о бессмертии, воздвигнув пирамиды.

Наверное, великий мыслитель хотел сказать потомкам: «Смотрите же, как могущественна сила народа! Умейте же

управлять ею – не во имя мертвых, а во имя живых! Во имя добра и торжества разума!»

Какой парадокс! Построить на костях рабов столь великое сооружение во имя одной цели – утвердить бессмертие разума! Только сила, подвластная разуму, а вовсе не тщеславие, не богатство, не жестокость и коварство способны дать человеку возможность свободно творить и свободно любить!

А он, Абу Наср, писал о Добродетельном городе, о мудрых правителях, забыв о том, что город, создающий свои блага трудом рабов, не может быть Добродетельным; что люди, надевшие цепи на других людей, не могут считаться мудрыми правителями.

Но каков же тогда должен быть мир?! И как он может измениться, если никогда еще не было равенства между людьми?

О великий создатель, помоги найти ответ, найти истину...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мы до сих пор не располагаем данными о сознании или способности мыслить.

Аристотель

В ту пору события в арабском халифате сложились так, что древний, никогда особо не проявлявший себя город Халеб оказался вдруг на самом оживленном перекрестке. Караваны купцов все реже направлялись к Тудмору и Антиохии. Безопаснее да и выгоднее для торговли стал путь через Халеб, откуда можно, было попасть в Дамаск, Иерусалим и другие крупные города. Многолюдными стали теперь дороги, ведущие из Халеба на север – в Византию, в Персию, в Индию. Халеб был близок и к Евфрату, по которому торговые суда могли выйти в море и направиться к берегам Индии и Африки.

С приходом к власти султана эмира Саиф ат-Даула Хамданни Халеб стал северной столицей Сирии, вступив в соперничество не только с Дамаском, но бросая вызов и Багдаду.

Купцам и лазутчикам, наводнившим города халифата в это смутное время, стало ясно, что династия Аббасидов, потеряв свое былое величие, все больше и больше вынуждена опираться на грозных наместников – султанов. На смену Аббасидам поднималась новая династия – Хаманиды. По свидетельствам хронистов тех времен, взлет новой династии начался с того момента, когда багдадский халиф аль-Муктадир назначил сво-

им наместником в Мосуле (на севере Ирака) одного из самых близких своих советников и военачальника Хасана ат-Даула Хамдани, прозванного историками Наср ат-Даула. Он выехал в Мосул вместе со своим младшим братом – поклонником искусств, поэзии и науки, отважным Саиф ат-Даула.

Он проявил себя как неустрешимый предводитель, верно служа своему старшему брату и халифу. Но это было вначале, когда халиф аль-Муктадир еще способен был держать в своих руках все тайные и явные нити в управлении великой разноязычной державой. Но постепенно, боясь потерять трон, халиф все больше окружал себя бездарными льстцами, отдаляя от дворца мудрых vizirей и слишком самостоятельных, на его взгляд, военачальников.

Опасаясь за свои сокровища и за собственную персону, он собрал вокруг себя одиннадцать тысяч евнухов и огромную армию гулямов-телохранителей, которые обирали народ, безнаказанно грабили и убивали, не считаясь уже и с волею самого халифа, явно потерявшего свою былую власть над ними.

Все больше и больше утопая в роскоши и разврате, безудержно увеличивая свои гаремы, аль-Муктадир не подозревал, что дни его уже сочтены.

Восстание рабов, движение карматов, потеря Египта, независимость персидских наместников – все это приближало гибель халифата.

И тогда Хаманиды бросили халифу открытый вызов: без его помощи всецело взяли на себя защиту северных границ от христианской Византии.

Саиф ат-Даула, оставив старшего брата в Мосуле, самостоятельно захватил северную Сирию и обосновался в Халебе, где намеревался создать большую армию, объединив иракских и сирийских арабов под священным знаменем ислама, и начать войну против Византии. Новый вождь представлялся своим подчиненным образцом истинного араба-сарацина, способного положить конец смутам и укрепить государство. В

неудержимом властолюбии и проявлениях дикой жестокости Саиф ат-Даула они усматривали волю самого Аллаха...

* * *

В триста двадцатом году Хиджры был умерщвлен в своей резиденции халиф аль-Муктадир. Сменивший его аль-Кахир был убит менее чем через два года. Такая же участь постигла и аль-Ради, немногим дольше продержался на троне халиф аль-Муттаки...

Ученые, поэты, полководцы, издавна бывшие славой и украшением Багдада, бежали один за другим и находили спокойный приют в Халебе.

К этому времени в Мысре появился новый халиф – повелитель правоверных, который не признавал власти, ни багдадского халифа, ни халифа в Кордове. Он объявил себя пророком.

Перепуганные Аббасиды, вспомнив времена, когда персидская знать в лице Бармакидов помогла им укрепить власть в самом начале их правления, бросились в объятия новоявленной персидской династии – династии Бундов, чьи приверженцы, захватив Фарсистан и Хузистан, оказались в опасной близости от Багдада. Но Бунды, считавшие себя потомками Сасанидов и Бармакидов, напомнили багдадскому халифу о том, как Гарун аль-Рашид безвинно казнил великого Бармакида, визиря Джафара, и открыто предъявили свои права на власть в халифате...

* * *

Абу Наср отдавал должное султану за то, что тот терпимо относился ко всем книжникам – будь то араб, тюрк, иудей или перс. Меджлисы ученых становились все интересней. Учитель нередко вступал теперь в принципиальную полемику с муттакалимами – сторонниками мусульманского догматического богословия. Он, беспощадно раскрывая противоречия в

их учении, призывал следовать действенной логике, основанной на опыте истории и на фактах жизни.

После долгих лет скитаний и одиночества Абу Наср нашел здесь наконец немало друзей и последователей, с помощью которых собрал и систематизировал все свои работы по логике и математике, астрономии и медицине, философские трактаты, свои обширные комментарии к трудам Аристотеля и Птолемея, Платона, Евклида. Он завершил здесь свои книги о теории музыки, о поэзии и поэтике, о словах, о разуме и науке.

Перечитывая свои социально-этические трактаты и внося в них поправки древних мыслителей, вновь углубляясь в труды, учитель временами вспоминал, как тот памятный сон породил в нем бурю сомнений и противоречий. Вступая нередко в спор со своими учителями, он перефразировал известные слова: «Аристотель мой учитель, но истина превыше его».

* * *

«...Вся земля станет добродетельной, если народы будут помогать друг другу для достижения счастья, – писал Абу Наср: – Самым специфичным из благ для человека является разум, ибо человек стал человеком именно благодаря разуму...» Он был убежден, что этика жизни и смерти – все должно быть подчинено разуму. Люди и без того смертны, так к чему же убивать их насильственно, подвергать их казням и пыткам; к чему разрушать города и заковывать людей в цепи? К чему топить в крови целые народы только за то, что они тоже верят, но только в другого бога?!

Только разум, просвещенный и действенный, облеченный властью и могуществом, может остановить руку палачей!

Но откуда же появляются сами палачи? Ведь то двуединство, которое заложено в каждом человеке, в природе и жизни, которое требует вечного обновления в борьбе, – оно и есть, наверное, причина всех зол? Один тянется к власти, другой – к богатству, и каждый стремится навязать свою волю другому.

А богатство и власть, честолюбие и сладострастие рождают коварство и жестокость.

И сходство между людьми необычайно велико не только в хороших, но и в дурных качествах. И так как между почетом и славой существует сходство, то те, кому оказан почет, кажутся нам счастливыми, а те, кто бесславен, – несчастными. Тяготы, радости, страсти, страхи овладевают умами всех людей одинаково. И если верования бывают у людей разные, то это не означает, что те, кто поклоняется собаке и кошке как божествам, более суеверны, нежели другие.

А какой народ не ценит приветливости, доброжелательности, сердечной доброты и способности помнить оказанные благодеяния? Какой народ не презирает, не ненавидит надменных, злоказненных, жестоких и неблагодарных людей? И когда мы поймем, что эти чувства объединяют весь человеческий род, когда мы поймем, что «этим объединением людей должны управлять законы, способные укреплять дружбу и основанные на разуме, человеческая жизнь станет лучше...

Все великие умы человечества занимались вопросами этики социального общения, основами государственных законов. И на Востоке, и на Западе рождались и умирали сократы и платоны, конфуции и аристотели, и каждый из них был в чем-то прав по-своему. Об этом Абу Наср знал и прежде, еще до написания трактатов о Добродетельном городе, о поведении его граждан, о государственных деятелях. Но что проку? Слова и мысли великих так и остались в свитках папирусов, на листках пергамента, на страницах книг. Они становятся достоянием лишь таких, как он, философ-скиталец Абу Наср. Или же – и даже чаще всего – достоянием схоластов и богатых вельмож, которые употребляют мудрые слова и мысли, нисколько не вникая в их суть. Так для кого же трудится он, Абу Наср, покинувший родину, отвергший любовь, потерявший стольких друзей и учеников, избегающий мирской суеты, отказавшийся от радостей? Кому нужны его алгебраические

формулы и геометрические теоремы, его взгляды на астрономию, для кого-он так тщательно анализирует труды Аристотеля и Птолемея?

«Пророчества» богов и строки «святых писаний», где не соблюдены даже элементарные нормы логики, важнее для людей, чем мысли Аристотеля. Проходят тысячелетия, а мир все тот же. Все те же рабы, те же владыки. Да и сам он, Абу Наср, сегодня рассуждает обо всем этом, сидя под защитой одного из тех же владык – Саиф ат-Даула. Ведь не мудрость и знания, а коварство и жестокость помогли султану стать властителем. И он, Абу Наср, работает сегодня над своими трактатами под защитой этого палача и сластолюбца...

...Усталость от беспрерывной, долгой работы утомляла и раздражала Абу Насра. Мысли путались. Надо было хоть на время отвлечься, поразмышлять с друзьями вслух. И потому он искренне обрадовался, когда к нему заглянул Абу Исхак.

Небольшой, глиняный домик, в котором жил Учитель, был расположен в глубине финиковой рощи, раскинувшейся на берегу маленькой, но полноводной и быстрой реки, берущей начало где-то на склонах северных гор Сирии, проходившей через Халеб на пригородные поля и плантации и бесследно исчезавшей, раздав земле своей воды, так и не дойдя до Евфрата.

От самого истока река текла, мучительно извиваясь, словно стремилась избежать пустынь и сохраниться; она круто сворачивала то влево, то вправо. Но сирийские пахари и бедуины настигали ее, строили дамбы на ее пути, а бесчисленные нории – водочерпальные колеса больших и малых размеров – без отдыха работали под напором течения, зачерпывая воду и выливая ее в желоба, а затем в арыки и узкие каналы, чтобы утолить ненасытную жажду полей и садов. Недалеко от хижины Абу Насра трудилось одно из таких колес, чтобы напоить влагой.

– Ни у сирийцев, ни у арабов, ни где-либо еще на Востоке не прижились водозаборные винты Архимеда, – сказал Абу, когда гость его загляделся на работу нории, – колесо поднимает воду на трехметровую высоту и выливает в каменный жерлоб – распределитель влаги по арыкам и грядкам.

– Эти колеса, очевидно, трудились здесь и в Египте во времена фараонов, – ответил Абу Исхак, – а то и еще раньше, за тысячетелетия до рождения Архимеда.

– Водозаборный винт Архимеда, – продолжал Абу Наср, – не прижился нигде потому, что он требовал источника энергии. Его приводили в движение мулы или ослы, которые должны были днем и ночью шагать по бесконечности круга. А норию приводят в движение сама вода. И отдает ей не только свою силу, но и частицу самой себя. Так что никогда ^е надо идти вопреки природе, мой друг. Не надо разрушать ее законы, а надо использовать их таковыми, каковы они есть. Природа не любит насилий, как и человек. Ее законы извечны, и нарушение их ведет к гибели, а использование ее силы таковыми, какие они есть, – благо для людей...

– А это, досточтимый Учитель, вы, надо полагать, переняли у того же Архимеда, – и гость указал на большой квадрат чистого песка, насыпанного под старой пальмой ровным слоем и обрамленный камешками.

– Нет, – ответил Абу Наср, – на нем я проверяю свои формулы и решаю задачи. На нем я сверял астрономические формулы Птолемея, когда составлял свои «Комментарии» к его «Альмагесту», – говорил он, – Этот песок незаменим для размышлений в свободное время. На нем я пытаюсь проверить точность определений длины земного меридиана, сделанных моим мудрым соотечественником, создателем науки о числах, геометром и создателем алгебры Мухаммедом аль-Хорезми.

– Да, то были времена великих математиков и астрономов, – сказал Абу Исхак, – Мухаммеда ибн Касир аль-Фергани, Ахмеда ибн АбдАллах аль-Марвази, Аббаса ибн Сайд аль-

Даухари, математиков из Индии и Персии. Это была золотая плеяда, украсившая «Дворец мудрости» халифа Мамуна.

— Сильным мира сего мало славы завоевателя, они всегда хотят быть благодетелями науки и защитниками поэтов, чтобы не так уж кровавыми и мрачными выглядели страницы их жизни, — задумчиво сказал Абу Наср.

Абу Исхак почувствовал, что Учитель сегодня не в духе, что его угнетает какая-то невысказанная мысль.

— Но, видать, всему своя логика, — продолжал Абу Наср, — видно, были правы и аль-Хорезми, и аль-Даухари, использовавшие богатство и силу халифов для раскрытия и утверждения своих мудрых идей. Они знали, что служат не халифу, а времени и людям. Греки не зря придумали Прометея и обожествляли его. Прометеи нужны всегда, во все эпохи! — Лицо Абу Насра просветлело. Он говорил не Абу Исхаку, а самому себе, отвечал на свои же вопросы, на свои сомнения, которые возникли, когда он сидел один над своими трактатами об этике. — Особенно нужны они в самые трудные и мрачные времена в обществе насилия и жестокости, эти рыцари разума. Ибо в них, и только в них, светится вера людей в разум и справедливость!

Абу Наср умолк. Он уже мысленно ругал себя за невольно проявленную слабость, порожденную усталостью и одиночеством, которые совсем недавно приводили его в смятение.

— Но что же нам сегодня расскажет Халеб, новоявленная столица Сирии, мой досточтимый друг? — уже весело спросил он у гостя.

— Город полон слухов о том, что Дамаск покорился нашему великому эмиру, который будет жить там, — ответил Абу Исхак.

Не было ничего особенного в том, что безвольный и трусливый наместник Дамаска так скоро признал над собою власть грозного Саиф ат-Даула. Но дело было даже не в этом. Абу Насра волновало другое.

— А что с наместником халифа в Багдаде? — машинально спросил он.

— Казнены, как казнены и все приближенные наместника, — спокойно ответил Абу Исхак.

— Казнены?

Абу Наср был ошеломлен этой новостью, хотя уже не раз убеждался, что соперничающие тираны никогда не прощают друг друга. Но он думал об отце Бану. Быть может, гнев грозного эмира все же не коснулся вельможи? Что же с самой Бану, где она теперь? Где же Хасан? Как долго нет вестей от него! Найти бы Зухейра, разузнать у него все. Ведь Зухейр теперь в свите эмира...

Одна мысль опережала другую. Абу Наср только сейчас понял, как долго он был поглощен своими трудами и не обращал внимания на все, что творилось вокруг. Вероятно, он не придал бы такого значения и вестям Абу Исхака, если бы не вспомнил о Бану.

Надо незамедлительно пойти в город, расспросить у купцов, у воинов, у беженцев из Дамаска. Они должны быть: сейчас все бегут под крыло грозного эмира, все готовы служить ему. «А где же ныне сам Саиф ат-Даула?» — подумал Абу Наср, но не стал спрашивать об этом у друга.

* * *

Халеб лежал, широко раскинувшись в зеленой долине. И потому, в какой бы части города ни находился человек, он мог бы отовсюду увидеть могучую крепость — резиденцию эмира, стоявшую в центре на высоком холме. Холм этот был окольцован снизу глубоким рвом, заполненным водой, а на вершине за толстыми стенами крепости располагались дворцы, гаремы, казна эмира. Особенно хорошо видна была крепость с дороги в саду, по которой Абу Наср и Абу Исхак направлялись в Дом бесед, расположенный недалеко от южных ворот города.

Солнце здесь было спокойнее и мягче, чем в Багдаде или в

Бухаре. Люди меньше ощущали жару, а на аллеях и дорожках сада всегда сохранялась прохлада.

Не потерявший былой остроты взгляд Абу Насра заметил, как из ворот крепости вниз, на площадь, где обычно встречаются идущие с северных и южных ворот караваны, спускаются люди с поклажей. «Рабы и евнухи нагружают повозки и выют верблюдов, стоящих внизу, на площади», – подумал Абу Наср.

– Великий эмир приказал казначею, сипехсалару и хранителю своего гарема перебираться в Дамаск, – пояснил Абу Исхак. – Вся дворцовая гвардия и армия эмира идут туда же, и многие ученые мужи покидают Халеб. Наместником Халеба остается великий визирь...

– Все мы вечные скитальцы и гости на этой земле – и владельца, и раб, – задумчиво произнес Учитель, не отрывая взгляда от крепости.

* * *

В Доме бесед Абу Наср недосчитался многих ученых мужей, с которыми ему хотелось пообщаться. Он увидел лишь завсегдатаев – толкователей Корана, переписчиков книг, знатоков священных писаний.

Седовласый темнолицый марокканец Мухаммед аль-Тани, слывший знатоком истории Палестины, Эфиопии и Йемена, читал какой-то старинный текст:

– «...Утверждают, что царь химьяритов Лахина Иануф Зу-Шанатир занимался тем, чем занимались люди Лота, – он читал медленно, чуть ли не по слогам. Голос марокканца был бархатист и громок. – После каждого победоносного сражения он, захватив пленных, среди которых бывали и сыновья какого-нибудь побежденного им царя, устраивал пиршество.

После пира Зу-Шанатир приходил в отдельную комнату, куда обычно через своего гонца вызывал одного из царских сыновей, где унижал его достоинство...»

Все слушали внимательно, бесшумно перебирая четки, подложив под локоть мягкие кожаные подушки. Никто не заметил, как Абу Наср и Абу Исхак уединились в дальнем углу за колоннами.

– «...Зура Зу-Нувас был маленьким мальчиком, когда было причинено зло брату его, – продолжал чтец – Затем он вырос, стал красивым и умным юношей. Иануф Зу-Шанатир послал к нему своего гонца, чтобы сделать с ним то, что сделал с его старшим братом. Зу-Нувас взял нож, положил его между сандалией и ступней и отправился с гонцом к Зу-Шанатиру...»

Слушая чтеца, Абу Наср невольно стремился разгадать имя автора текста. Сам текст ему казался знакомым, но вот где и когда он его читал и кому принадлежат эти строки из истории Йемена, об этом никак не мог вспомнить.

– «...Когда Зу-Нувас встретился с Зу-Шанатиром у последнего в покоях, – продолжал марокканец, – Зу-Шанатир преградил ему путь и бросился на него, но Зу-Нувас опередил его и, ударив ножом, убил его. Затем отрубил ему голову и бросил в зал для пиршества. Зубочистку он засунул ему в рот, вышел к охране и войскам, которые сказали ему: «Стань нашим царем!» И вокруг Зу-Нуваса объединились химьяриты и племена Йемена»...

Абу Наср вспомнил, что отрывки из истории Йемена, которые читает марокканец, принадлежат неизвестному автору и что текст этот иудеи используют по-своему, доказывая, что Зу-Нувас был иудеем; христиане говорят, что он христианин, а мусульмане – что он был главой первых мусульман в Йемене... – Абу Наср слегка улыбнулся. Его забавляли такие споры, особенно тогда, когда они обретали серьезность и в них включались почтенные люди. Но тут внутренний голос, словно осуждая Абу Насра за смех и за легкость восприятия слов чтеца, сказал ему, что именно такие споры ведут к ссорам, вражде и к войнам, губят тысячи тысяч людей, начинаются священные походы за веру...

Разве не из-за таких споров начались смуты карматов и разве владыка твой, Саиф ат-Даула, не выступает защитником правоверных и не готов стереть с лица земли всех, кто не верует в Аллаха? Абу Наср вновь погрузился в свои мысли, не слыша слов чтеца. Он очнулся лишь тогда, когда в зал неожиданно ворвался гонец эмира:

– Внимание и повиновение! Есть ли здесь досточтимый Учитель Абу Наср Мухаммед из города Фараба?

– Я слушаю тебя, храбрый воин, – Абу Наср медленно вышел из колонны.

– Здесь ли Абу Исхак Ибрахим ибн Абдаллах аль-Багдади?

– Я весь внимание! – взволнованно ответил Абу Исхак.

– Щит правоверных, защитник всех арабов, карающий меч государства, непобедимый и славный султан всех султанов, эмир всех эмиров великий Саиф ат-Даула повелевает вам быть у его шатра завтра к восходу солнца!..

* * *

Спокойное солнце северной Сирии только что начинало свой дневной обход, когда Абу Наср и Абу Исхак, сопровождаемые гонцом эмира, прибыли к берегам озера, раскинувшегося в тридцати верстах к юго-востоку от Халеба.

Огромная синяя чаша озера золотилась под утренними лучами. Густая трава на берегах была влажной и прохладной. В ранней тишине особенно четко слышались голоса птиц, доносившиеся из густых тростниковых зарослей. На огромной зеленой равнине сливающимися островками теснились дикие финиковые рощи. Далее простирались степи, вздыбленные небольшими холмами, заросшими кустарниками.

На этих землях, на всем пространстве от озера до священного Евфрата, разграничающего Ирак и Сирию, было много дичи. А озеро славилось своей рыбой.

В былые времена здесь, в тростниковых зарослях близ воды, укрывались беглые рабы. Но со временем их не стало, одних разорвали звери, другие ушли к югу, в необъятные болота возле Басры, и там, на плавучих островах, основали свои поселения, откуда на утлых лодочонках, на которых совершали ночные вылазки, проскользнув в темноте мимо адамова дерева, мимо острова Синдбада, выходили в Аравийский залив, чтобы напасть на небольшие деревянные парусники торговцев и ловцов жемчуга...

Абу Наср и Абу Исхак впервые видели эти края. Они ехали вдоль берега, любуясь полетом вспугнутых птиц, наблюдая за серебристыми всплесками рыб.

Затем дорога немного отделилась от озера, уходя в высокие заросли слоновой травы.

Неожиданно путь им преградили невесть откуда появившиеся воины.

Сопровождающие Учителя и Абу Исхака, гонец и два всадника из дворцовой стражи вышли вперед. Именем эмира гонец приказал воинам расступиться. Те повиновались.

Проехав по зарослям еще немного, путники оказались у края широкой, окаймленной рощами прибрежной долины. Здесь повсюду стояли шатры и повсюду была охрана. Поодаль от шатров близ рощи дымили костры и сновали повара. Это был походный лагерь эмира. Видимо, где-то в рощах скрывалась его отборная конница.

Саиф ат-Даула отдыхал после похода на Дамаск. Говорили, что именно отсюда он часто выезжает охотиться на газелей и львов.

Друзья сошли с коней у крайнего шатра. Гонец приказал им оставаться здесь, пока он доложит о их прибытии великому эмиру. Солнце уже довольно высоко поднялось над землей, но в стане незаметно было особых приготовлений к походу или к охоте. Вглядываясь в лица проходивших мимо стражников,

Абу Наср заметил, что большинство из них тюрки, либо выходцы с Кавказа. Были тут также и индийские гуркхи и местные курды. Саиф ат-Даула следовал примеру халифов, у которых телохранители, дворцовая охрана и главная ударная конница всегда составлялась из наемников -так легче было держать в повиновении своих подданных.

По всему было видно, что в лагере существует свой, четко отработанный порядок. Не было излишней суеты, каждый знал свое место и свои обязанности. Одни смазывали колеса легких повозок, другие поили и седлали коней. Щиты, пики и сабли у всех были начищены до блеска. Одежда воинов не отличалась роскошью, но зато была хорошо подогнана – легкие кольчуги, крепкие шлемы, колчаны для стрел и лука не мешали ни при ходьбе, ни во время верховой езды.

– Смотрите, Учитель, там, кажется, стоит слон. Слон со всем снаряжением, видите? – сказал Абу Исхак. – Наверное, великий эмир и вправду охотится на львов, сидя на слоне.

Справа, на краю равнины, у диких пальм Абу Наср увидел огромного слона. В это время из-за соседнего шатра выскочил всадник и, приблизившись, выпрыгнул из седла.

– Вы здесь, мой Учитель?! Слава всевышнему, хвала Аллаху! Я снова вижу вас!

Это был Зухейр. Абу Наср узнал его, хотя одежда воина, ветер и солнце изменили его облик. Он возмужал и уже был мало похож на прежнего юношу.

Абу Наср бросился навстречу и обнял своего ученика, не дав Зухейру преклонить колени.

– Внимание и повинование! Великий эмир ждет вас в своем шатре! – вернулся гонец.

Оставив коней на попечение слуг, они пешком направились вслед за гонцом. Зухейр следовал за своим Учителем. Только очень пристальный взгляд мог бы уловить, что молодой воин слегка прихрамывает на одну ногу. Не заметил этого и Абу Наср. Он думал лишь о том, что талантливый юноша, мечтав-

ший стать ученым, бежавший из Багдада именно потому, что не хотел служить в коннице халифа, теперь все же по воле случая стал воином.

— Судьбы не избежишь, мы все прошли через это, — говорил он Зухейру. — Настанет время, и ты вновь войдешь в Дом мудрости.

— В Дамаске я видел Хасана, мой Учитель, — торопливо и тихо заговорил вдруг Зухейр. — Отец его госпожи находится в темнице. Хасан велел мне передать вам... — Он быстро вытащил из-за пазухи маленький черный сверток и протянул Абу Насру: — Хасан сказал, что это письмо для вас. Будьте осторожны. Учитель. Эмира здесь нет. Он выехал час назад, а мы последуем за ним. Он отдал приказ: на всех рынках, во всех караванах, во всех домах искать послания «Братьев чистоты...» и предавать их огню...

Учитель ничем не выдал своего волнения. И не стал задавать вопросов. Не разворачивая, спрятал обернутое черным шелком письмо поближе к сердцу.

По знаку вставшего на их пути стражника Зухейр отстал, отстал и гонец, сопровождавший их из Халеба. Абу Наср и Абу Исхак направились к особняком возвышавшемуся в центре поляны шатру.

Возле шатра стояла длинная беседка, обтянутая узорчатыми персидскими коврами. На почтительном расстоянии от беседки и от шатра застыли воины из охраны. Входы в шатер и в беседку были обращены к озеру. Тропинка, по которой шли Учитель и Абу Исхак, круто сворачивала к берегу озера и уже оттуда вела к дверям шатра.

Владыки как дети, с ними нужно говорить сообразно их желаниям, — тихо сказал Абу Исхак. — Кто знает, что нас ждет сегодня и какова будет воля Аллаха и великого эмира?..

Абу Исхак явно волновался. Ему определенно не нравились тишина и относительное безлюдье в лагере.

Абу Наср молчал. Он думал о письме Хасана. Что в нем

– печаль или радость? И почему так встревожен Зухейр, куда девался эмир? •

– Смотрите, Учитель! Там движутся парусники!

На голубой глади озера тем временем появились три парусника. Один плыл впереди, два эскортировали его.

Залюбовавшись парусниками, оба ученых мужа пропустили тот момент, когда стоявший у входа в шатер раб-телохранитель исчез на миг, затем появился вновь и, широко раскрыв полог, крикнул:

– Великий визирь хранителя государства и защитника веры, непобедимого и досточтимого султана султанов и эмира эмиров ждет вас!

Гости спохватились и шагнули через порог. Пол был застлан толстыми мягкими коврами. В дальнем углу просторного помещения на почетном месте восседал великий визирь. Вошедшие приветствовали его.

– Я ждал вас, достойные, чтобы исполнить волю эмира, – сказал визирь, ответив на приветствие гостей. – Я ждал вас, чтобы исполнить волю моего владыки, спасителя и защитника веры, великого Саиф ат-Даула, который покинул эти берега сегодня на заре, чтобы самому лицезреть новое убранство своего дворца в Дамаске, а также чтобы распорядиться об открытии Дома мудрости, чья слава превосходила бы Дом мудрости в Багдаде, созданный когда-то халифом аль-Мамуном.

– Если знание и разум будут в почете, то люди обретут больше благородства, – с достоинством произнес Абу Наср.

– Как всегда, справедливость на устах твоих, мудрый Учитель – Визирь с улыбкой встал с места – Но нет ничего такого, о чем бы не подумал наш владыка во имя могущества и славы своего государства... – Визирь выпрямился. – Он повелевает вам и всем ученым мужам, собравшимся в Халебе, прибыть в Дамаск. И стать там хозяевами и украшением Дома мудрости. Покровительство великого султана и эмира безгранично, он дарует фирманс за своей подписью, где сказано, что повсю-

ду, куда простирается его власть, все рабы и воины, купцы и горожане, пахари и караванщики должны оказывать должное почтение и посильные услуги благородному и мудрому Абу Насру Мухаммedu ibn Мухаммedu ibn Tarhanu ibn Uzlag al-Faabi at-Turki!

Слуга-калиграф подал визирю маленький опечатанный свиток, тот вручил его Абу Насру и, обратившись к стоявшему у входа воину, приказал:

— Пусть войдут!

Две юные красавицы вошли в шатер и, укрыв двумя шелковыми халатами плечи Абу Насра и Абу Исхака, пятясь, с поклоном вышли из шатра. Абу Наср заметил, что это были не сирийские девушки, а румийки¹.

— Таких цветов будет немало в садах Дамаска. Они украсят меджлисы веселья во дворце владыки, и первый такой меджлис будет скоро. Наш караван торопится вслед за султаном. Вы можете взглянуть на него, — сказал визирь, перехватив взгляд Абу Насра, и сам первым вышел из шатра, приглашая гостей следовать за собой.

Парусники уже стояли у причала. По узкому трапу на берег вереницей сходили пугливые девушки в белых платьях, похожих на туники.

На берегу все они плотнее прижимались друг к другу, настороженно и с любопытством озираясь вокруг. На всех суднах их оказалось не меньше двух сотен — румиек, арабок, персиянок, турчанок, индианок. Разным был цвет их кожи, и говорили они, очевидно, на разных языках, но все были юны и прекрасны, как весенние розы. И даже лица негритянок, словно высеченных из темного мрамора, притягивали взгляд своей безупречной красотой, свежей молодостью. Одни из девушек стыдливо прятали свои лица, другие, забыв обо всем, с детским любопытством глядели по сторонам.

---

¹ Невольницы из Византии.

«Они все еще дети, дети, отнятые у отцов и матерей. Их будут готовить на роли служанок, танцовщиц и наложниц, они заполнят гаремы», – думал Абу Наср.

Визирь не обращал больше внимания на ученых, отдавал распоряжения, торопил слуг и воинов. Погонщики уже выводили из рощи караван верблюдов с паланкинами. На них усадят девушек, плотно укроют занавески на паланкинах и под неусыпной охраной повезут в Дамаск.

Слуги уже сворачивали шатры. Вывели на поляну и слона. Воины свиты и охрана визиря гарцевали на горячих скакунах, ударами хлыстов подгоняя зазевавшихся рабов и слуг. Вооруженные евнухи брали из толпы по две-три девушки и уводили к верблюдам, рассаживали по паланкинам.

«Отныне и надолго вашими стражами и вашими палачами будут эти евнухи», – думал Абу Наср, еще не осознав, что он невольно загляделся на красавицу, стоявшую с краю, ближе к нему. Она была несколько старше других. Лоб, затылок, скучлы и эти волнистые черные волосы, лукаво-ветреный взгляд больших глаз и слегка улыбающиеся губы... Всё отодвинулось в сторону. Осталась она одна, он видел только ее. Стареющее сердце напружинилось, застучало сильнее. Он словно признал ее – признал в ней Бану в молодости. О создатель, возможно ли такое сходство?! По светлому лбу и глазам, по переливчай прохладе волос, по белизне у корней волос на затылке он признал ее. Весь ее облик был родным и близким. Ее улыбка отдавалась в нем пронзительной тоской и болью по минувшему.

Он видел и ощущал, ощущал физически, свою Бану. Хотелось протянуть руки, прижать ее к себе и вдохнуть пьянящий запах ее волос – запах, смешанный с ароматами горьковатых трав и соленых волн.

Она ощутила его взгляд и удивленно раскрыла глаза, нахмурилась, но тут же снова улыбнулась, теперь уже вызывающе и дерзко.

Впервые за долгое время Абу Наср почувствовал, как краска смущения и стыда заливает его лицо...

Не заметил ли Абу Исхак? Он оглянулся... Нет, Абу Исхак наблюдал за тем, как на слона с дорогим паланкином подсаживают девушку, завернутую в шелка с ног до головы.

Видно, она и есть та жемчужина, которой хотят одарить эмира. Но откуда она, неужели ее тоже привезли на этих пурпурниках? Но нет, ее вывели из крытой беседки, что стояла возле шатра владыки, а рядом со слоном гарцевал теперь на коне сам великий визирь.

Успокоившись, Абу Наср вновь взглянул на берег, где стояли невольницы. Евнухи уводили последних. Девушка, пробудившая в нем столь нежданные ассоциации, оглянулась и задорно показала язык.

Учитель рассмеялся. Он смеялся громко, беззаботно, от души. Таким его никогда и никто еще не видел. Растрелянно смотрел на него Абу Исхак. С любопытством подъехал сам великий визирь.

– Что могло вызвать ваш смех, мудрый наставник тех, кто тяготеет к знаниям?

– О, это тайна, великий визирь! Это тайна годов, тайна страсти, о которой мне сегодня впервые напомнила одна игравая газель.

– Не огорчайтесь, смех одинаково украшает и юность, и старость. Знать, козочка была беспечна, строптива. Воистину правду сказал поэт: «Гордый красавицы взор может смутить и богов». Не будьте же так сдержанны, Учитель!.. Ваша воля: наказать ее или миловать. Вы охотник – подстрелите же свою добычу!

– О нет, нет, великий визирь, каждый должен выбирать себе груз по плечу...

– Воля ваша, мой почтенный друг, – все еще улыбаясь, сказал визирь. – Да, я чуть было не забыл об одном повелении моего великодушного и щедрого господина! Он приказал мне

передать эти золотые дирхемы вам! За ваши трактаты о музыке и о категориях наук, которые украсили его книжное сокровище! – И, придерживая неспокойного коня, визирь бросил к ногам Учителя кожаный мешочек.

Караван уже двинулся в путь. Уже не было шатров на поляне. Свита визиря стояла в стороне, в четком строю, с трудом сдерживая своих коней.

– Что это? – спросил Абу с изменившимся лицом.

– Это дирхемы, досточтимый Учитель, – удивленно повторил визирь.

– Вы покупаете мои знания и мой разум или мою волю и душу?

Абу Исхак поспешил приблизиться, чтобы вмешаться, смягчить разговор.

– Но позволь, мой друг! – Голос визиря теперь зазвучал холодно и жестко. – Великий пророк наш Мухаммед одарил своим халатом поэта. С тех пор идет традиция, которую чут и стар и млад, и бедный и богатый!

– За лесть и услуги одарил пророк поэта! И купил за это его душу! Но кто смог купить сердце «Братьев чистоты и друзей справедливости»?

– И оттого они сгнили в зинданах! Не забывайте этого, друг мой! Но мне недосуг. Мы спешим за повелителем. И вас он ждет. Пока ждет добром, запомните! Встретимся в Доме мудрости в Дамаске! – и визирь пришпорил коня.

Тревожным был взгляд Зухейра, нехотя пустившегося вскачь за великим визирем – новым наместником Халеба.

* * *

Возвращались по другой дороге. Разговор не клеился, ехали молча. Абу Наср казнил себя за вспыльчивость, еще приступательную в молодости, но тяжко ложащуюся на сердце в пожилые годы. Он вспомнил смерть Санжара и слова кочевника-

бедуина: «Все проходит, и это пройдет». Вспомнился и сон, когда он говорил со сфинксом.

Озеро осталось позади, поредели рощи, кругом раскинулись пустынные, высохшие от жажды поля. Сиротливо торчат в этой степи конусообразные, с закругленными вершинами узкие глиняные дома сирийских крестьян, дома без окон, похожие на могильники, часто встречавшиеся в далекой родной степи...

Абу Исхак не смел нарушить ход мыслей Учителя. Как обычно, его одолело чувство робости перед ним.

Наконец вдали завиднелся город, и, чтобы нарушить тягостное молчание, Абу Исхак решился заговорить. Он начал читать стихи:

Сколько тягот дневных мою душу терзают.
Сколько дел и забот отнимают покой...

Абу Наср прервал его:

– Не о том стихи, мой добный друг! Лучше вспомним другие строки поэта:

Если в пасти у льва твои слава и власть.
Не страшись их добыть, разорви ему пасть.
Обретешь ты иль почести, богу служа.
Или смерть, как оно подобает мужам...

Ответь, мой друг, успокой мою душу: что самое трудное для человека?

– Безвестность, тоска по родине, одиночество...

– Нет, мой добный сподвижник. Ты и прав, и неправ. Самое трудное в жизни человека – борьба без надежды на успех.

– Это вы о себе?

– И о вас, а если хотите, то и о владыке нашем... Завоевателю, каким бы он ни был, никогда не доступно то священное чувство, которое доступно ученым. Ведь ничто не сравнимо с

тем чувством, которое овладевает человеком, сделавшим открытие, узнавшим о том, что было неизвестно никому. Это благородное чувство, возвышающее ученого над властелинами мира. В обретении нового трудом своего разума – вот в этом, наверное, и есть счастье ученого...

– И все же те, кто у власти, жаждут, чтобы с ними говорили сообразно их желаниям, – вздохнул Абу Исхак.

– Но воркованье горлинки лишь приближает ее смерть от когтей сокола, – отозвался Учитель – И все же ты прав, мой друг. Прав и визирь. У кого не сдержан язык, у того на ногах оковы, так говорил поэт, не покорившийся шаху... Быть преданным и покорным легче, но угодить – противно. Мышь, рожденная на мельнице, не должна бояться грома. То, что совершиено, – то совершено, а что сказано – то не повторится. Выпущенная стрела не вернется обратно... Как ты думаешь, мой друг: погибли «Братья чистоты...» или нет?

– Вы сами учили, что человек не свободен от бытия, – ответил Абу Исхак. – А если так, то нам одна дорога – в Дамаск.

Абу Наср не возразил.

* * *

У городских ворот они столкнулись с длинным караваном и, быть может, не обратили бы на него внимания, проехали мимо, если бы караван не состоял из бактрийских¹ верблюдов.

– Пусть удачливым будет дорога! Откуда путь держите? – не выдержал Абу Наср.

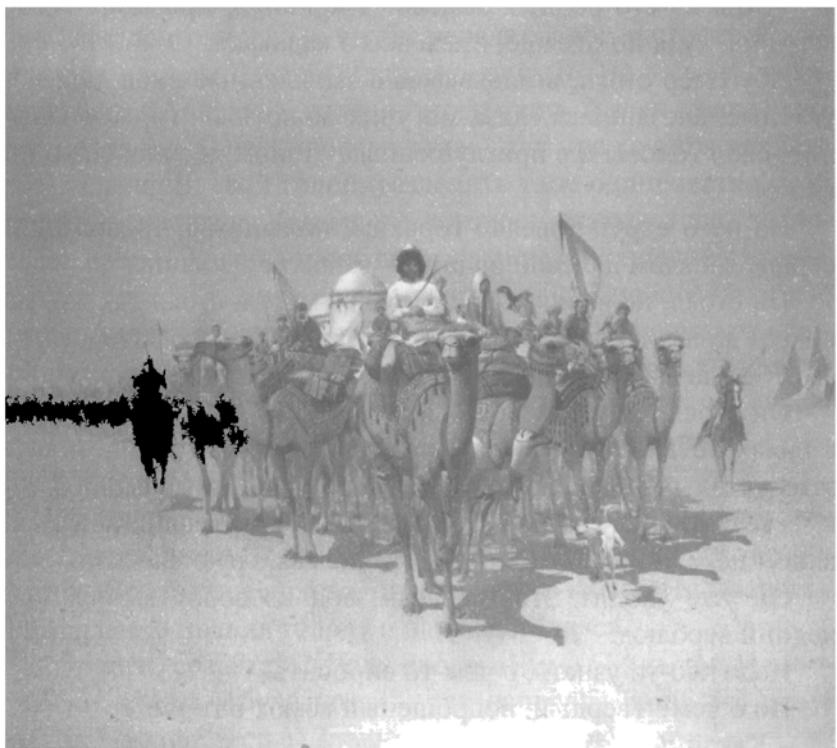
– Из Хорезма, из Ферганы!

– Из Мерва! Из Бухары!

– Из Тараза!

---

¹ Бактрийскими арабы называли двугорбых верблюдов, вывезенных из территории Средней Азии и Казахстана.

– Из Отрара! – отвечали караванщики, перебивая друг друга. Знать, они объединились, чтобы единой была охрана, чтобы безопасной была дорога.

– Что, не слышали о таких городах, уважаемый эфенди¹? Так вспомните Мусу аль-Хорезми, Аббаса ибн Сайда ал-Жаухари! Знаете ли вы имя почитаемого всеми учеными музами халифата, мудрого Учителя Абу Насра Мухаммеда аль-Фараби?!

– Мы из его родных земель! – крикнул, проезжая мимо, всадник, судя по одежде, глава всего каравана.

Абу Наср стоял, вглядываясь в запыленные лица людей, в усталые, слезящиеся глаза могучих животных, гордо вознесших свои головы и с приглушенным стоном несших свою поклажу.

На него вдруг повеяло горьким, полынным, тревожащим сердце запахом далекой родины – запахом дармины.

Он стоял, не в силах сдвинуться с места, стоял так же, как в годы далекого детства, когда на улицах Отрара зачарованно смотрел на караваны из иных земель, из иных государств.

Он стоял, ощущив свое одиночество и беспомощность, не в силах остановить караван, не в силах спросить о чем-либо этих усталых людей из его далекой родины. Ему казалось, что вместе с этим случайно встретившимся в пути длинным караваном перед ним проходит вся его долгая, трудная жизнь.

Он уже уходит, этот караван, вон из ворот вышел последний верблюд.

Надо что-то узнать, о чем-то спросить.

Но о чем? Твердый, непрошеный комок в горле...

– Какой дорогой вы шли, досточтимый? – осилив себя, он спросил у последнего погонщика.

– По северной ветви «шелковой тропы», через Мосул, мой господин, – устало ответил погонщик и добавил: – Думали

---

¹ Почтительное обращение (*тюрк.*).

об отдыхе и хорошей торговле в Халебе, но говорят, грозный Саиф ат-Даула приказал доставить все товары прямо в Дамаск. Владыке видней. Что ему до нас? До усталости наших погонщиков? Свалимся в дороге – не беда, мой господин. Подберут – и люди, и звери всегда идут за большим караваном...

Лишь поздно вечером Учитель вернулся в свою хижину, зажег светильник и, вспомнив о письме, торопливо развернул его и, отодвинув в сторону рукописи, взгляделся в строки.

Рука Бану писала эти торопливые строки:

«...как долго ждала я, чтобы передать тебе весточку, И как мало времени дано, чтобы написать письмо. Но – слава создателю, хвала Аллаху! – я знаю, что ты жив. Хасан привез мне твое послание. О безумное желание – как мне хочется увидеть тебя, услышать твой голос, разделить твое одиночество, мой упрямый скиталец. Как много хотелось сказать тебе, но истекает время, Хасан торопит. Сколько раз я слушала его рассказы о тебе... Я живу воспоминаниями... Я прошу милости, прошу Аллаха об одном, чтобы он помог мне свидеться с тобой прежде, чем седина украсит мои волосы и время наложит свои письмена на мое лицо...»

На этом письмо обрывалось. Внизу стояла подпись: «Умм Абу Алим».

Абу Наср вновь взгляделся в строки. Да, это был почерк его Бану, это было ее письмо. Он узнает ее почерк среди тысячи других. Это были ее слова, он слышал ее голос. Но подпись? Он медленно поднял голову и вдруг догадался.

«Прости, создатель! Ведь слово «Умм» – это «Мать» по-арабски. «Мать Абу Алима» – так написала Бану, его Бану! Значит, у нее есть сын! Значит, она не одинока!..»

Слишком длинным и тяжелым был этот день. И в конце этого письма, принесшее и великую радость, и еще большую тревогу за нее и за сына.

Он перечитывал дорогие строки вновь и вновь. Мысли путались то ли от волнения, то ли от усталости.

– Спокойствие и разум, жалкий скиталец! – суроно произнес он вслух, пытаясь взять себя в руки. – Не великий визирь и не грозный правитель, а сама жизнь зовет тебя в Дамаск, тебя зовут муки «Братьев чистоты...». И любовь матери.

Нет, ты неправ, великий визирь: не сгнили в зинданах «Братья чистоты...»! Даже грозному Саиф ат-Даула не покорить всех. Они безымянны, их много. Они обращаются к своим братьям, зажигая перед ними светильники знаний, огонь разума.

Только глупец может считать, что одним ударом ножа, намыленной веревкой или коварной стрелой можно прервать полет мысли. Нет! Мысль – не стрела, она не подвластна ни луку, ни лучнику. Она никогда не прекращала своего полета своих поисков. И нет силы, которая смогла бы остановить ее.

Мысль не подвластна никому – ни фараонам, ни самому времени, ибо будущее – это продолжение прошлого и настоящего, и оно – бесконечно. Во имя этого будущего пишут свои пламенные послания «Братья чистоты...».

Они зовут тебя, они ждут тебя. Твоя любовь зовет и ждет тебя. Жизнь продолжается!

Ты бежал от владык и вновь попал в их сети. Ты бежал от своей любви, но не нашел ничего прекраснее. Все верно и – снова замыкается круг. Но каждый раз у него новое начало.

Человек никогда не убежит от себя самого, а главное – от людских забот, людского общества. Так было и так будет всегда. Человек подчиняется законам своего времени, но взгляд его всегда обращен в будущее.

ВОЗВРАЩЕНИЕ УЧИТЕЛЯ,

или Послесловие о том, о чём сказано и не сказано в этой повести, и о том, как создавалась она, о времени, в котором жил Абу Наср Мухаммед аль-Фараби, и о его встрече с потомками через тысячу лет

Я шел по его следу спустя тысячелетия. В морозный декабрьский день стоял у скалы Бисутин, где на огромной высоте выбит клинописный текст и высечены рельефы в честь побед ахеманидского царя Дария I Гистапа (522–468 гг. до н. э.).

Колючий ветер обжигал лицо. Иной мир лежал вокруг. Но быть может, в те далекие времена, когда здесь проходил Абу Наср Мухаммед аль-Фараби, ветры были так же холодны, как и теперь? Он, великий странник, не мог не пройти здесь, не мог не побывать в Хамадане – ведь Бисутин стоит между Хамаданом и Джеем.

В Хамадане, где почти сто лет спустя после его путешествий найдет пристанище и проведет последние дни своей жизни его ученик, величайший врачеватель Авиценна, я взял горсть земли с могилы Авиценны, привез в Алма-Ату и отдал поэту – потомку великого скиталяца...

...Ныне пишут, что скала Бисутин находится между Хамаданом и Тегераном. Но в те времена, когда путешествовал Абу Наср Мухаммед аль-Фараби, на его пути стоял древнейший город Джей, который ныне называют Исфаганом.

Джей был прекрасен, он возник здесь задолго до владычества ахеменидов, и каждое поколение архитекторов Востока вносило в его облик свои поправки. Царская площадь Исфагана, например, послужила французам примером для планировки Елисейских полей.

Джей был одним из торговых узлов на «великом шелковом пути», и потому, направляясь в резиденцию багдадского халифа, в город Самарру, Абу Наср Мухаммед аль-Фараби не мог не полюбоваться искусством чеканщиков и ковровщиц Джая.

Но быть может, свое путешествие из Оттара он продолжил через Самарканд и Бухару, Мерв и Балх, Туе и Нишапур и таким образом попал не в Джей, а в Рей и оттуда пошел в Хамадан?

Как бы там ни было, он не мог миновать скалу Бисутин и не побывать в Хамадане, ибо, какие бы зигзаги ни совершил «шелковый путь», он всегда – во времена господства Ассирии и во времена Вавилона и Ниневии – из Хамадана шел прямо в Месопотамию, к Евфрату и Тигру, затем вновь ветвился, направляясь к древнейшим городам Ближнего Востока. А в эпоху арабского халифата дорога шла прямо из Хамадана в Багдад...

То была эпоха, когда «великий шелковый путь» – дорога, по которой шли караваны из Китая и Индии в Оттар и Бухару, в Самарканд, прославленный своей любовью к красоте, и богатый Хорезм, и, прорезав степи, пустыни, с юга обойдя Хазарское море, по земле Ирана шли в страны Двуречья, шли в Багдад, а оттуда к Нилу, в Каир, в Мекку и далекую Андалусию, – был самым оживленным и самым многолюдным, многоязыким.

Гонцы и гвардейцы халифа мчались по этой земле с поручениями, депешами и новостями.

А в Багдад по ней текли дары халифу.

Тайные послы и лазутчики пробирались по ней из дворца одного владыки к другому. А поэты и учёные, музыканты и философы шли по ней в поисках знаний, в поисках друзей.

То была эпоха, когда пала империя Тан в Китае и пробуждалась языческая Русь. Когда народы, жившие в странах от Аравийской пустыни до берегов Джейхуна, находились под властью Аббасидского халифата.

То была эпоха, когда обращенные в ислам волжские булгары с помощью иудейских правителей Хазарии открыли торговый путь в центр халифата. А народы Индии отчаянно пытались остановить движение ислама вглубь своего субконтинента.

То была эпоха, когда народы Запада, забыв походы Карла Великого, изумленно смотрели, как арабы вторгаются к ним.

В Андалусии, на территории нынешней Испании, в Кордове, расцветало царство Абд ар-Рахман ан-Насира, который сверг эмира Абд Аллаха и объявил себя халифом, не зависимым от Аббасидов.

Арабский язык расширял сферу своего влияния, он властвовал в Испании уже двести лет, и христианский епископ Кордовы, с глубокой печалью уединившись в своем дворце, тайно вел свои записи. «Многие из моих единоверцев, – писал он, – читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы их опровергать, а чтобы научиться как следует выражаться на арабском языке с большой правильностью и изяществом. Где теперь найдется хоть один, кто бы умел читать латинские комментарии на священное писание? Увы! Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, знают только язык и литературу арабов, читают и ревностно изучают арабские книги... даже забыли свой язык, и едва найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятелю сносное письмо по-латыни. Наоборот, бесчисленны те, которые умеют выражаться по-арабски в высшей степени солидно и сочиняют стихи на этом языке с большей красотой и искусством, чем сами арабы». Арабский язык в ту эпоху – в то мгновение истории – стал языком науки, поэзии, торговли. И, видимо, по-

тому мы по сей день говорим об «арабских» энциклопедистах, хотя то были ученые разных наций, но общались и создавали свои труды на арабском. Но к тому времени, о котором пишет епископ Кордовы, на другом конце «шелкового пути» кочевые племена Великой степи начали все меньше уделять внимания событиям в «мире ислама».

Участились дворцовые перевороты, восстания рабов...

И как часто бывало на переломе эпох в странах великого Двуречья, где некогда расцветали Ассирия, Шумеры, Вавилония и Ниневия, Государства халдейцев и финикиян, где находились истоки не только многих цивилизаций человечества, но и многих пороков, – на родине ислама создавались сказки о недалеком минувшем.

Вернее, сказки эти были стары, они когда-то принадлежали персам и индийцам. Арабы же рассказывали их по-новому, заменяя имена героев именами великих халифов и их визирей.

Имя жестокого деспота, утонченного палача, которого при жизни ненавидели не только плебеи, но и собственные слуги и визири, попало в уста сказочника через полтораста лет.

Сказочник не знал, что он, его герой, никогда не жил в собственной столице – в Багдаде. Он, вероятно, не знал и о том, что халиф Гарун аль-Рашид боялся жить в Багдаде, боялся горожан, ремесленников и рабов. Он жил вдали от Багдада, в крепости Анбар, окруженнной редкими бедными поселениями, рвами, наполненными водой, толстыми стенами и надежной охраной; жил в кругу своих рабынь и наложниц, жил, наслаждаясь агонией тех, кого казнил сам, собственноручно, а казнил он даже собственную сестру и своего любимого визиря – перса Бармакида, чей ум и дела помогли укрепить государство.

Халиф редко появлялся в Багдаде. Но каждый его въезд не сулил ничего доброго горожанам. Не раз замученные поборами и пытками багдадцы набрасывались на свиту халифа и на самого халифа.

Боясь за престол, владыка убирал с дороги каждого, в ком

видел соперника. Каждого, чье влияние на окружающих казалось опасным. Но казнь перса Бармакида дорого обошлась ему.

Чтобы успокоить знать и вновь обрести доверие Персии, он назначил своего отпрыска, сына от рабыни-персиянки, «вечным» наместником всех восточных провинций.

Человека, чьей матерью была рабыня-персиянка, а отцом великий халиф, звали аль-Мамун. Аль-Мамун стал наследником престола и меценатом. Спустя четыре года он стал халифом. И надолго. А Гарун аль-Рашид был убит через год – в 193 году Хиджры и в 809 году по нашему календарю.

Через сто пятьдесят лет после смерти Гаруна аль-Рашида сказки «Тысячи и одной ночи» стали известны в каждом доме араба, во всем халифате.

Красивые сказки.

Вы знаете эти сказки. Вспомните, как они начинаются, вслушайтесь в слова юной Шехеразады, которые зародили любовь в сердце владыки и тем самым спасли от гибели девушек страны.

...Каждую ночь, насладив свою плоть, падишах убивал сверстниц Шехеразады.

В траур оделась страна, в страхе жил город. Отцы не знали куда, в какие края отвезти и спрятать своих дочерей. И тут юная Шехеразада – дочь великого визиря – вопреки воле отца решила пожертвовать собой, пойти во дворец и победить падишаха или умереть.

Она победила. Победили ее ласки, ее мудрость и красота. Победила любовь, которую она вселила в сердце палача.

Так что знай, слушатель: не так уж весела эта сказка о прошлом Востока и не мудрецом в ней выглядит Гарун аль-Рашид.

Говорят, что эти сказки очень любил слушать аль-Муктадир – четырнадцатый халиф после Гаруна аль-Рашида. Аль Муктадир любил не только сказки. После сбора очередного харад-

жа или после казни рабов, подавления очередного восстания зинджей или карматов он собирал во дворце знаменитых ученых и поэтов, одаривал их и подолгу участвовал в меджлисах, где богословы рассказывали о жизни пророка Мухаммеда и читали Коран. Он называл своим другом великого философа, тюрка по происхождению. Абу Насра Мухаммеда аль-Фараби. А когда над империей нависла опасность, когда саманиды на дальних берегах Джейхуна и Сейхуна могли выйти из-под власти, он послал туда Абу Насра как философа. Он послал ученого к владыке саманидов, чтобы Абу Наср сделал свод всех священных писаний о пророке и укрепил веру в силу халифа.

Но ни аль-Муктадир, ни сменившие его халифы не знали, что великий ученый стал очевидцем резни карматов и казни поэтов в Бухаре, что потрясенный Абу Наср восстал против насилия, что он вернулся с берегов Джейхуна и обошел стороною Багдад. Что он бродил среди настороженных купцов в караван-салях, бывал в бедных хижинах и в богатых дворцах Халеба, слушал рассказы купцов и путешественников на базарах Хомса и Дамаска; что он неделями бродил по развалинам Баальбека, совершил путешествие в Пальмиру...

Во дворце халифа о нем услышали вновь лишь тогда, когда он начал появляться на меджлисах ученых в Халебе, во дворце дерзкого султана Саиф ат-Даула...

Халифы не знали, что порой во время скитаний у Абу Насра не доставало дирхема, чтобы купить на базаре горсть фиников или кусок ячменной лепешки, и в такие дни, как гласит легенда, по утрам он шел на бойню, выпивал пригоршню свежей крови и целый день сидел где-нибудь в уединении, в тени пальмы или оливы, возле арыка, предавшись размышлению и занося на бумагу свои мысли, догадки и наблюдения, свою мечту...

Иногда он пел под аккомпанемент своей двухструнной кипчаги, которую спустя века назовут казахской домбрай, и вокруг него собиралась толпа.

Порой он вместе с друзьями исчезал надолго из городской сутолоки. Кто-то видел его в тайных меджлисах ученых или среди воинов, а бывало, он часами просиживал возле бродяги или паломника, слушая непонятную речь и изъясняясь с ним на непонятном для окружающих языке.

Он часто выступал на защиту раба, мог отдать последний дирхем, последнюю лепешку нищему. Иногда замечали его сидящим, глядя в небо, вслушиваясь в говор птиц, в течение реки.

Его слова о равенстве людей были непонятны для современников, вселяли тревогу в сердца. Одни сторонились его, другие страшились, третьи называли чудаком...

Он уже знал, как рождались сказки. Он хотел знать, как зародилась жизнь на земле, и размышлял о взлетах и падениях Вавилона, о счастье и трагедии шумеров, арамийцев, мидян, о халдеях, об истории Палестины, о событиях полуторатысячелетней давности.

Он хотел познать тайну огня и силу ветра, историю народов и причины войн...

Читатели знают, что в пору его юности в Ираке восстали рабы во главе с Али ибн Мухаммед ал-Баркауи, по прозвищу «Закрытый завесой», потому что Али ибн Мухаммед никогда не раскрывал своего лица.

Восставшие требовали отмены рабства.

Восставшие рабы создали государство. Часть Ирака и часть Хусистана принадлежала им. Али ибн Мухаммед провозгласил себя халифом, а его деятельные сподвижники поделили завоеванное богатство и пленных.

Мечта рабов задохнулась в крови. Рабы не познали свободы. Войско повелителя правоверных – багдадского халифа разгромило новое государство, а самозванный халиф был казнен.

События повторяются – старость Абу Насра Мухаммеда ибн Мухаммеда ибн Тархан ибн Узлаг аль-Фараби ат-Турки,

вернувшегося из Халеба в Дамаск, совпала с эпохой смуты карматов, под чьими знаменами вновь объединились мусульманские sectы шиитов, поклонники других религий.

Объединились ремесленники и мелкие лавочники. Они создавали тайные организации. Провозглашали равноправие всех религий, всех сект и каст. Карманская ересь распространилась по всему халифату. Карматы вновь восстали в Сирии, Ираке, Ливане, Бахрейне, затем в Палестине, Средней Азии.

Шатким стал трон багдадского халифа... Все большую силу обретал султан Саиф ат-Даула...

Все повторялось. Неизменной оставалась лишь любовь. Но и она, как всегда, была в оковах. Он не смог дать ей свободу, завоевать свободу для своей Бану...

Он жил мечтой о Добродетельном городе и мудрых правителях. Он бродил по улицам, слушая рассказы паломников, стремившихся попасть в Мекку, Он слушал песниочных красавиц, речи бродячих философов, болтовню прачек, споры торговцев, жалобы рабов, плач детей, легенды караванщиков о былом и думал о своем – о прожитой жизни, о своей нескладной любви, о силе меча и тайне слов, о волшебстве музыки и невзгодах бытия, о вечности движения...

Он стал бродягой-странником, хотя был для своего времени великим Учителем, заново открывшим для людей внутренний смысл учений Аристотеля и Сократа, Платона и Птолемея, Гераклита и Гиппократа...

* * *

Ныне древние караванные тропы позабыты, заброшены.

Я вынужден был прервать свое первое путешествие по следам великого мыслителя, затянутое спустя тысячу лет после его смерти, в Хамадане, и вновь продолжать его с другого конца – с Каира и Александрии.

Побывал на раскопках Карфагена, оттуда перебрался в Дамаск, Хомс, Халеб, который европейцы называют Алеппой.

Прошел по Латакии, бродил по Пальмире, скитался по развалинам Баальбека.

Из Бейрута перебрался в Иерусалим, Амман, затем в Багдад, Басру и Мосул. В молчании взирал на арку Хисроу, на храмы, статуи и развалины эль-Хатры, Вавилона, Ниневии, Немруда, стоял в тени адамова дерева у слияния Тигра и Евфрата, совершил прогулку по острову Синдбада, скитался по долинам и горам Великой Северной реки и уж затем – когда были пройдены все дороги и города, где, по моим интуитивным предположениям, не мог не побывать этот величайший философ и мыслитель древности в годы своей зрелости и старости, – вновь вернулся к берегам Тигра в древнюю, но по сей день прекрасную, прохладную Самарру, где в те далекие времена находилась резиденция халифа аль-Муктадира, в чей дворец вместе с караваном даров и вместе с рабами-турками в пору своей юности прибыл Абу Наср Мухаммед аль-Фараби...

Ведь ничто не вечно в этом мире, кроме любви, кроме поисков истины...

* * *

Что же заставило меня идти по его следам и что вообще заставляет нас, жителей конца двадцатого века, названного «космической эрой», совершать путешествие в прошлое? Разве только для того, чтобы удовлетворить свое любопытство, свою жажду к поискам истины?

Почему расшифровка буквенных знаков на обломке Розетского камня потрясла умы самых выдающихся мыслителей XIX и XX веков и стала ключом для раскрытия величайших загадок мировой цивилизации?

Быть может, в этом, да, действительно в этом, на первый взгляд, в парадоксальном явлении и заключена та великая сила, которая заставляет нас снова и снова оглядываться назад, в прошлое, и искать истоки сегодняшних побед и бед, истоки прогресса и пороков. Ведь мудрость всех мифов и сказок

прошлого – это борьба добра и зла, и эта борьба всегда служила не только причиной рождения новых цивилизаций, но и новых пороков.

Познавая мир, изучая древние науки, Абу Наср Мухаммед аль-Фараби, так же как и Аристотель, пытался на опыте прошлого, мысленно, в философских трудах своих содействовать созданию такого общества и сообщества людей, в среде которых не было бы пороков.

Он прославился среди ученых своего времени как великий мыслитель, математик и философ, астроном и врачеватель, музыкант и историк, и потому его назвали Вторым Учителем. Вторым после Аристотеля.

...Шагая по его следам через тысячу лет, я не мог освободиться от одной неотвязной мысли. Мысли о том, что он не смог бы стать величайшим философом-мечтателем, не увидев истоков всех древних цивилизаций – Ниневию и Вавилон, города Ассирии и Шумеров, если бы его не повергли в смятение, не звали к раздумьям таинственный взгляд сфинкса из глубин истории и тайны пирамид; если бы он не изучил все перипетии войн и нашествий народов до него и не приходил бы в уныние от человеческих жестокостей, от вечного неравенства людей!

В такие минуты мне казалось, что он, этот великий скиталян – искатель истины, жив и по сей день, что он как свой великий дар предлагает каждому из нас – кто интересуется им – венец своей мечты, свой трактат «О Добродетельном городе и благородных гражданах его».

Но, как бы там ни было. Восток не забывает о нем. И в воображении своем люди Востока рисуют образ мудрого чудака.

Так и сказал мне один стариk сингалец, ученый из страны Шри Ланка, когда мы сидели с ним в жаркий полдень на окраине Коломбо в тени старинного кафе под названием «Аль-Фараби».

- В честь кого названо это кафе? – спросил я.
- В честь древнего мудрого чудака, – ответил он.

Именем Абу Насра Мухаммеда аль-Фараби назван старейший университет Каира. Студент-бенгалец из Калькутты однажды передал мне свой трактат под названием «Мухаммед аль-Фараби – материалист», а поэт из Пакистана читал свои стихи о Фараби как о великом сказочнике...

Что же касается молодых ученых и писателей Казахстана, то они пишут о нем книги. Археологи ведут раскопки Оттара, художники стремятся воссоздать его портрет. Крупнейшие востоковеды страны – академики Конрад и Гафуров посвятили немало строк трудам аль-Фараби.

Казахстан стал центром фарабистики. Впервые в истории здесь наиболее полно изданы его труды: «Философские трактаты», «Математические трактаты», «Логические трактаты», «Социально-этические трактаты», «Комментарии к «Альмагесту» Птолемея», отдельной книгой выпущен его трактат «О разуме и науке». Но еще не стали достоянием читателя его основные труды – труды всей его жизни: «Талим ас-сани...» (свод трактатов под общим названием «Второе обучение») и «Китаб аль-музик» («Книга о музыке»)...

В 1975 году в Алма-Ате состоялась международная конференция по изучению наследия великого мыслителя. Именем Мухаммеда аль-Фараби назван институт в одном из старинных городов Казахстана – в Чимкенте, а в древнем Халебе, в Сирии, его именем назвали самую старую улицу.

Кстати, и в Халебе, и в Дамаске я не раз отправлялся на поиски его могилы. Но тщетно.

Халебцы утверждают, что великий философ из Дамаска вновь вернулся в Халеб и последние дни жизни провел здесь, и потому, безусловно, Мухаммед аль-Фараби похоронен в этом городе, где-то возле старой крепости.

Вместе с халебцами я обошел все кладбища вокруг крепо-

сти и в самой крепости, но никто точно не знал, где искать его могилу.

Ученые и писатели Дамаска считают: он похоронен на одном из древних кладбищ, что находятся у Малых ворот города. Я был на этих кладбищах. Видел старца в белом, в белой палатке, воздвигнутой прямо на могилах. Старец читал священную книгу и ждал часа своей смерти. Он не отвечал на вопросы живых. Перед ним стоял кумган с водой и лежала высохшая лепешка...

Друзья из Дамаска, показавшие мне несколько могил, расположенных в разных местах, называя их могилами Фараби, в конце концов смущенно сказали:

– Напиши, что ты нашел могилу своего земляка, и мы подтвердим, что это так. Ведь в те далекие времена арабы все же ставили себя выше других народов, а к тюркам относились не всегда почтительно. Вряд ли они пожелали увековечить память Фараби и запомнить его могилу. Если ты хочешь взять горсть земли с его могилы, то возьми ее на берегу речки Барады – нашей кормилицы и отнеси ее на родину Учителя. Ты не ошибешься. Скажи, что Абу Наср Мухаммед аль-Фараби сын двух народов – казахов и арабов. Ты не ошибешься.

– Творения великих мыслителей одинаково служат всем народам, – ответил я. – Именно поэтому мы взяли на себя смелость впервые в истории провести у себя в Казахской республике День Фараби.

Это было 9 сентября 1973 года, в Алма-Ате, во время конференции писателей стран Азии и Африки. В Дне Фараби участвовали писатели и ученые почти всех континентов земли.

Накануне Дня поздно вечером я пришел в местный госпиталь навестить Саджада Захира – писателя, критика, одного из организаторов компартии Индии, Ассоциации прогрессивных писателей Индии, организатора и первого Генерального секретаря компартии Пакистана, выдающегося деятеля культуры на Индостанском полуострове.

Несмотря на свою болезнь, он прибыл в Алма-Ату, чтобы принять участие в Дне Фараби. Он, как и выдающийся пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз, как и писатель-коммунист Алекс Ла Гума из Южной Африки, помогал нам проводить вчера Фараби в Индии, помогал готовить День Фараби в Казахстане. Но, прибыв в Алма-Ату, он заболел.

Вместе со мной у его койки стояли два переводчика – один с урду, другой с английского языка.

Несмотря на разницу в годах, Саджад Захир был одним из самых мудрых и лучших друзей.

– Саджад-ага, завтра День Фараби... Вы мечтали об этом...

Глаза его медленно раскрылись. Он пытался улыбнуться. Обвел взглядом всех, вновь посмотрел на меня и тихо, очень тихо и медленно начал говорить.

Стояла мертвая тишина. Переводчик еле улавливал слова...

«Я мечтал сказать свое слово о Фараби, сказать как коммунист. Я много думал о нем. Но обстоятельства сложились так, что я не смог исполнить свое желание, свою мечту... Но все же, пока есть силы, скажу несколько слов, которые ты передай с трибуны всем, кто прибыл почтить его память...

...Фараби – это человек, посвятивший свою жизнь борьбе за братство людей.

Это человек, который тысячу лет назад жил для людей.

Это человек-фанатик, для которого не существовало ничего, кроме разума, кроме знаний, кроме жажды познания.

Нищий, бродяга, которого тогда не знал никто, кроме самого узкого круга ученых...

...Я счастлив, что теперь он нашел свой родной край, землю, на которой родился. Я счастлив, – говорил Саджад Захир, теряя последние силы, – что я родился на том же континенте, где родился он.

Он мечтал о равенстве и мире... И все мы, коммунисты, мечтаем об этом... И пусть те, кто соберутся на День Фара-

би, поймут его, оправдают ваши старания и поймут, и примут меня как его частицу...

«Я счастлив, что умираю на его родине...» – это были последние слова Саджада Захира.

* * *

«...Нищий, бродяга, которого при жизни не знал никто, кроме узкого круга ученых...»

Даже сказочники – создатели «Тысячи и одной ночи» не знали об Абу Насре Мухаммеде аль-Фараби, иначе они ввели бы его в свою сказку.

Ведь он, впитав все лучшее в культуре и истории своего края, своей родины, освоив труды древних греков, иудеев, вобрав в себя философские учения персов, индийцев и арабов, прикоснувшись к творениям древнего Китая, смог создать труды, где были обобщены не только знания древних мудрецов, но и заложены основы для будущих открытий в сфере всех наук, известных в те времена...

...В наше время мало верят сказкам. Мы уже забываем о Шехеразаде. Слушаем рассказы историков, роемся в трудах ученых давно минувших веков, чтобы найти строки о великом старце, создавшем свои труды в эпоху рождения «Тысячи и одной ночи».

Мы воспринимаем эти строки как бессмертную притчу о силе разума. Ибо старец этот был рабом жизни и властелином духа, родоначальником многих наук, непревзойденным музыкантом и страстным поборником справедливости, математиком и мирабом, астрономом, мыслителем-прорицателем.

И, конечно, писать о нем дело не из легких, тем более что ни он сам, ни его современники почти не оставили каких-либо записей о его жизни. Вплоть до 60-х годов нашего века о нем мало знали и у нас. Но, однажды услышав его имя, увидев его строки, мы уже не смогли расстаться с ним.

Быть может, случилось это потому, что в истории народов

и наций бывают такие мгновения великих прозрений, когда, пережив мрачные столетия и годы торжества побед, познав силу братского единения с другими народами, ощутив свет знаний и став равноправным в самом совершенном обществе века, люди хотят с новых вершин взглянуть на свое прошлое, во имя еще большего укрепления своей дружбы с братьями и чтобы положить на общий алтарь культуры все лучшее, когда-либо созданное в его собственной истории.

В последней четверти XX столетия, когда мир настолько велик, сложен и тревожен, когда он буквально перенасыщен информацией обо всем и обо всех, когда идет ежеминутная битва зла и разума, не хотим ли мы все и каждый из нас, граждан самого великого и прогрессивного общества на земле, быть причастными к истокам разума?

И не от этого ли желания мы пристально вглядываемся в историю народов и в историю цивилизации?

А найдя средь таких редких творений одно, которое имеет отношение и к нашей общей культуре, можем ли мы молчать об этом?

Или найдя среди редких имен величайших мыслителей человека, который когда-то прошел по той же земле, где ныне живем мы, который родился и жил у тех же рек, у которых родились и мы, видел те же барханы и горы, ту же великую и манящую даль степи, как и мы, – не исполняются ли гордостью и трепетным волнением наши сердца?

В такие минуты мы ощущаем свое высшее человеческое Я, свое родство с древним мыслителем, родство своего народа с другими народами, с древностью культуры, с истоками многих и многих материальных и духовных богатств всех наших братьев, всего человечества.

Не по этой ли простой причине мы с волнением разбираем пепелища Оттара и с восхищением смотрим вслед космическим кораблям, стартующим с нашей, советской земли?!

Человек всегда ищет полноты восприятия и глубины познания своей собственной истории, а через нее – и истории человечества.

Народы всегда искали и ищут то, что объединяет их с другими народами, а не то, что разделяло бы их и вело к розни...

Одним словом, нет конца стремлениям человека и народа ко все более возвышенному идеалу. Без такого стремления нет настоящей литературы.

Если бы мы жили без таких идеалов, то и не было бы высоких целей, подобно тому, что если бы человек не изобрел лук и не пустил бы стрелу вдогонку орлу, то он бы сегодня не гулял по космосу.

Но как бы там ни было – древний мудрец вернулся к нам.

Он вернулся к нам через тысячелетие.

Гении не умирают. Они живут вечно. Их разум сопровождает нас всегда и повсюду.

1978